ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕД 293
Э 128

ЕД 943
0 193

В. И. ЛЕНИН

ОБ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

СБОРНИК

СОСТАВИЛ
Ф. БЛУМЕНТАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

В. И. ЛЕНИН

ОБ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

СБОРНИК
СОСТАВИЛ
Ф. БЛУМЕНТАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2010

В. И. Ленин. Об империалистической войне. Сборник составил *Ф. Блументаль* [redacted] Сборник охватывает основные положения В. И. Ленина по вопросам анализа причин империалистической войны и тактики рабочего класса в борьбе против войны. На ряду с ленинским материалом каждая глава снабжена вступительной статьей. В конце труда даны примечания к помещенному в сборнике ленинскому материалу. Сборник рассчитан на военный и гражданский партийный актив и принесет несомненную пользу в деле популяризации учения Ленина о войне.

0128

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

459/29

102,272 У

68 × 100. Гиз. № 32569. Главлит № А 40315 Тираж 5000 — 17 л. Заказ № 1698

Государственная типография имени Евг. Соколовой. Ленинград, проспект Красных Командиров, 29

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

[redacted] 6

Глава I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЙНЫ 25

Война — неизбежный продукт капитализма 30
Война—продолжение политики господствующего класса 31
Война 1914—1918 гг. — империалистическая война 34
Обывательский и марксистский анализ войны 37
Марксизм требует точной оценки каждой отдельной войны . . 39
Интернационализм и отношение пролетариата к войне 41
За что воюет Россия . . . . . —
Февральская революция и империалистическая война 42

Глава II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 46

Экономические последствия войны 50
Революционизирующее влияние войны 56

Глава III. КРИТИКА СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМА 63

II Интернационал до мировой войны 70
Сущность социал-шовинизма 74
Корни социал-шовинизма (шовинизм и оппортунизм) 88
Влияние войны на развитие оппортунизма 89
Разоблачение лозунга „защиты отечества“ 91
О пацифизме и лозунге мира в империалистической войне . . 97
Империалистическая война и национальный вопрос 109
Февральский переворот и российские социал-шовинисты . . . 113

Глава IV. ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ (до захвата власти) 123

Платформа большевиков 132
Отношение большевиков к братанию 149
О лозунге „разоружения“ или лозунг „гражданской войны“ . . 151
О тактике российских с.-д. большевиков 156
Тактика большевиков после Февральской революции в России . 158

Стр.

Глава V. ВЫХОД ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА ИЗ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 185

Вопрос о мире после Октябрьского переворота 191
Борьба внутри партии за правильную тактику выхода из войны 199
Критика доводов „левых коммунистов“ 206
Сущность разногласий с „левыми коммунистами“ 220

Глава VI. БУДУЩИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА 238

Новые войны между империалистами неизбежны 240
Новые нападения империалистов на СССР неизбежны 243
Тактика Коминтерна в борьбе с военной опасностью 249
Тактика нашей партии в связи с опасностью новых войн . . . 252

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЙНЫ.

В СВЕТЕ важнейшего в настоящее время документа Коммунистического Интернационала — тезисов VI Конгресса о «борьбе против империалистической войны и задачах коммунистов» — приобретают особенно серьезное значение мысли и указания В. Ленина по вопросу об анализе войн вообще, войны 1914—1918 гг. в особенности.

Это значение заключается во-первых в том, что Ленин дал образец применения марксистского анализа войны на конкретном факте — на войне 1914—1918 гг., и во-вторых в том, что названные выше тезисы для современной тактики коммунистических партий по вопросу о войне целиком исходят из этого ленинского анализа.

В. Ленин уделял внимание вопросам войны не только с момента возникновения мировой войны 1914 — 1918 гг., а задолго до нее. В ряде статей В. Ленин еще в период русско-японской войны ставил перед партией и пролетариатом ряд проблем в связи с империалистическими войнами, выдвигая важнейшим требованием революционной борьбы — разоблачение сущности войны, воспитание в пролетариате правильного отношения к войне и готовности его к классовой борьбе против войны и в условиях войны.

Тезисы VI Конгресса требуют прежде всего от всех коммунистов четкого понимания, что и современная политика империалистических государств выращивает неизбежную войну. Тезисы указывают, также, какими способами буржуазия идейно и организационно готовит для себя наиболее благоприятную обстановку для начала войны. Тезисы требуют широкой и энергичной работы по разоблачению этих способов и самого факта обострения военной опасности.

Здесь тезисы целиком идут по пути В. Ленина.

Еще в русско-японскую войну В. Ленин в статье «Падение Порт-Артура»[1] мастерски разоблачал классовую природу этой войны, показывая, почему «пролетариату есть чему радоваться», что Порт-Артур пал, что Россия, этот европейский жандарм, ослабела.

Нарастание опасности новой войны, уже начиная с 1908 года вплоть до самой войны 1914 года, также нашло у В. Ленина значительное отражение. У же в 1908 году, в статье «События на Балканах и в Персии»[2] В. Ленин обращает внимание партии и пролетариата на подготовку «общественного мнения» к назревающим военным событиям дипломатией и печатью, выступающей единым фронтом.

«Сеть интриг, которыми окутала Европа все турецкие и балканские происшествия, — чрезвычайно плотная, и обывательская публика поддается

---

[1] Ленин, «Собрание сочинений». Том VI, стр. 32—38. Изд. I. Все последующие ссылки сделаны по первому изданию.

[2] Том XI, ч. 1, стр. 138—147.

на удочку дипломатов, которые стараются обратить внимание на мелочи, на частности, на отдельные стороны происходящих событий, стараются затемнить смысл всего процесса в целом. Напротив, наша задача — задача международной социал-демократии — разъяснить народу именно общую связь событий, основное направление и подкладку всего происходящего».

В чем же подкладка этих событий?

«Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кусок» и расширить свои владения и свои колонии, — затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов, — вот два двигателя всей европейской политики»[1].

В. И. Ленин и тогда совершенно ясно указывал, какова классовая подоплека этой подготовки к войне, во имя чьих интересов готовили народ к войне через печать, школы, дипломатическими трюками, через деятельность буржуазных и полубуржуазных организаций. Так, в октябре 1912 года, во время балканской войны, В. Ленин писал:

«Вопрос о балканской войне и об отношении к ней «Европы» — самый животрепещущий вопрос современной политики. Для всей демократии вообще, а для рабочего класса в особенности, важно понять, какие классовые интересы руководят при этом той или иной партией.

Политика октябристов, националистов, беспартийных «патриотов» от «Нового Времени» до «Русского Слова» ясна и проста. Травля Австрии, науськивание на войну с ней, крики о «славянских задачах» России — все это есть шитое белыми нитками стремление отвлечь внимание от внутренних дел России и «урвать кусок» Турции. Поддержка реакции внутри и колониального, империалистского грабежа вовне — такова суть этой грубой «патриотической», «славянской» политики.

Политика кадетов более тонко и дипломатично подкрашена, но, в сущности, их политика — тоже реакционная, великодержавная политика империализма. Это особенно важно усвоить, ибо либералы хитро запрятывают свои взгляды посредством демократически звучащих фраз».

«...Либералы и националисты спорят о разных способах ограбления и порабощения балканских народов буржуазией Европы. Только рабочие ведут политику истинной демократии — за свободу и демократию везде и до конца против всякого «протежирования», грабежа и вмешательства»[2].

На расшифровке «демократизма», патриотизма и прочих громких лозунгов, коими буржуазия прикрывает свои захватнические цели, Ленин останавливался неоднократно. Особенно ярким примером этого является его статья, помещенная в «Правде» в 1913 г. под заголовком «Кому выгодно».

«В политике, — указывает Ленин в этой статье, — не так важно, кто отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, кому выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры». И, переходя к тем взглядам, которые в то время, в связи с балканскими событиями развивала буржуазная пресса, взглядам, подслащенным громкими фразами о необходимости защиты культуры, родины, сохранения мира и интересов «прогрессивной» страны, он ставит конкретный вопрос: кому выгодны эти взгляды? По существу эти взгляды служат оправданием для политики вооружения, которую и в то время вели все государства, которая требовала сотни миллионов средств и которую правительства могли оправдать перед своим «общественным мнением» громкими фразами о необходимости защиты родины, защиты мира и т. п. Для этого только им нужен «патриотизм», им они только при-

[1] Из той же статьи, стр. 139.
[2] Том XII, ч. I, стр. 306—307. «О лисе и курятнике».

крываются, для этого использовывают печать и все дипломатические ухищрения. А основное — заполучить средства для вооружения. А кому это выгодно?

Недавно знаменитая английская фирма «Армстронг, Уитверс и К-о», — писал Ленин в этой статье, — опубликовала свой годичный отчет. Фирма производит, главным образом всяческие предметы вооружения. Баланс сведен в сумме 877 тысяч фунтов стерлингов, т.-е. около 8 миллионов рублей, дивидент по 12½ процентов! Около 900 000 рублей отнесено в запасный капитал и т. д. и т. д.

Вот куда идут миллионы и миллиарды, выколачиваемые из рабочих и крестьян на вооружение. Дивиденды по 12½ процентов, — это значит удвоение капитала в 8 лет. А всяческие вознаграждения директоров и т. п. тут еще не считаются. Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо — во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тем поставщиков?

Вот кому выгодно раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!»[1]

Эта статья — образец умелого и популярного разоблачения действительной сущности надвигавшейся тогда войны.

Слов нет, буржуазия поумнела, обнаглела, обогатилась опытом. Поэтому ее современные способы подготовки к войне значительно «усовершенствованы». Тезисы VI Конгресса отмечают, на ряду с «вооруженными и военными приготовлениями, лежащими в плоскости внешней политики, усугубление реакции внутри страны. Без «спокойного» тыла империалисты не смогут вести войны». И дальше тезисы перечисляют такие мероприятия, как «законы о профсоюзах в Англии, в Норвегии, арбитраж в Германии, план Монда о сотрудничестве химических промышленных компаний, кампания в пользу «мира в промышленности», аполитичные профсоюзы («спенсеризм» в Англии), «компанейские профсоюзы» в Америке, создание фашистских государственных профсоюзов в Италии, закон о милитаризации профсоюзов в случае войны во Франции». Далее — милитаризация населения, особенно молодежи и женщин; военно-общественные организации буржуазного толка; террор по отношению к компартиям; спекуляция на «разоружительных» лозунгах и т. д. Все это как будто ново, но ново только по методам. Эти новые методы, безусловно, затрудняют борьбу против опасности войны и революционную борьбу во время войны.

Тем более важно, чтобы каждая секция Коммунистического Интернационала, чтобы каждый коммунист владел ленинским методом разоблачения, классового анализа, развенчания ложных завес назревающей империалистической войны.

В этом вопросе В. Ленин не превзойден. Каждая его мысль, каждая фраза дышет четкой классовой правдой. В. Ленин, конечно, не писал «учебника» или «пособия» для обучения партии и пролетариата правильному методу анализа войны. Ему важна была конкретная политическая и практическая задача — разоблачать данную войну, привлечь пролетариат в условиях данной войны на сторону большевистской партии. Но, попутно, он дает классический образец марксистского подхода к войне вообще. И этот подход лег в основу тезисов VI Конгресса. Если взять 7, 8 и 9 тезисы, то они фактически сводят в стройное, «тезисное» изложение те цитаты, которые читатель найдет в данной главе.

В. Ленин придавал громадное значение классовому анализу войны. Тот или иной анализ, то или иное социально-экономическое толкование, да-

[1] Том XX, ч. I, стр. 395—396. «Кому выгодно?».

ваемое войне (надвигающейся или происходящей) является основным, исходным при определении классовой ориентировки отдельных партий, политических деятелей, органов печати. Революционная тактика в отношении к войне — производное от революционно-классового анализа войны. Вот почему, в частности, В. Ленин избрал критику оценки, даваемой мировой войне, своим главным оружием для доказательства и разоблачения предательской тактики оппортунистов.

В приведенных дальше цитатах читатель сможет найти подтверждение следующих ленинских положений, легших в основу тезисов VI Конгресса:

1) «Война неотделима от капитализма» (из тез. 7).

2) «Капитализм — вот причина войн новейшей истории» (из тез. 7.).

3) «Неравномерное экономическое и политическое развитие отдельных стран снова и снова порождает необходимость передела мира» (из тез. 7).

4) «Уничтожить» войну можно только путем уничтожения капитализма» (из тез. 7).

5) «Пролетариат отнюдь не может быть против всякой войны» (из тез. 8).

6) «Пролетариат должен тщательно анализировать историческое и политическое классовое значение каждой данной войны» (из тез. 8).

Эти шесть положений и вскрываются помещенными в данной главе цитатами, избранными из многочисленных статей В. Ленина.

Прежде всего Ленину важно установить одну мысль, направленную острием против пацифистов, больше всего запутывающих вопрос о войне и расчищающих дорогу для всяческих оправданий социал-шовинизма. Эта мысль выражена в следующих четких словах: «Война — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир»[1].

Еще в 1907 году Ленин эту мысль выразил таким образом: «война есть необходимый продукт капитализма, и пролетариат не может зарекаться от участия в революционной войне, ибо возможны такие войны и бывали такие войны в капиталистических обществах»[2].

Этими двумя мыслями Ленин кладет основу тактике революционных социалистов. К войне, как законной форме капитализма, может быть только один подход, ничем не отличающийся от отношения пролетариата к капитализму в целом. Больше того, война — не «грех», а потому пролетариату необходимо использовать войну для борьбы с капитализмом.

Война — детище, продукт капитализма, и с этой, и только с этой, меркой должен подходить пролетариат к войне: или бороться против нее, если она ведется в интересах буржуазии, или поддерживать ее, если она ведется в классовых интересах пролетариата, направлена против империализма.

Ни нейтральности, ни «гордого» и филистерского «отрицания» войны «вообще» быть не может.

Какова же война 1914 — 1918 гг.? Чтобы ответить на этот вопрос, Ленин анализирует борющиеся в этой войне страны с их классовой стороны и рядом цифр показывает, какие экономические условия («раздел мира «великими» рабовладельческими державами») привели к столкновению империалистические страны.

---

[1] Ленин, т. XIII, стр. 16. «Положение и задачи социалистического Интернационала».

[2] Ленин, т. VIII, стр. 502. «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», 20 октября 1907 г.

Ленин пишет: «Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма...

...Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии»[1].

Для чего это делается буржуазией? Для того, «чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии как «своей» страны, так и «чужих» стран...»[2]. И «для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного»[2].

Из этого может быть только один вывод: эта война—империалистическая война. Но сказать только это еще недостаточно, ибо, признавая войну империалистической, многие *искажают это понятие, или применяют его к одной стороне, или подсовывают все возможности того, чтобы эта война имела буржуазно-прогрессивное, национально-освободительное значение*[3]. Эту подчеркнутую нами цитату необходимо запомнить, ибо эта мысль играет большую роль в разоблачении Лениным оппортунистической тактики. Излюбленным методом оппортунистов являлся метод механического перенесения некогда прогрессивной роли капитализма на нынешнюю эпоху, когда капитализм, дойдя до своей высшей стадии, до империализма, стал реакционным, стал «величайшим угнетателем нации».

Война 1914 года — война империалистическая, реакционная, притом *для всех воюющих сторон*.

Тут не помогут никакие рассуждения о напавшем и обороняющемся, ибо «характер войны (реакционная она или революционная) зависит не от того, кто напал и в чьей стране стоит «враг», а *от того, какой класс* ведет войну, какая политика продолжается данной войной»[4], потому что «марксисты справедливо признавали правильным «знаменитое изречение» Клаузевица, что «война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами».

Оппортунисты это забыли и потому извращают суть дела. Не ошибается только тот, кто в определении войны будет держаться марксистского метода. На этом Ленин неоднократно останавливается. «Для обывателя важно, *где* стоят войска, кто *сейчас* побеждает. Для марксиста важно, из-за чего ведется *данная* война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска»[5].

Ленин, ставя в той же статье вопрос, как же найти «действительную сущность» войны, как определить ее, — отвечает следующими словами. «Война есть продолжение политики. Надо изучать политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне»[6].

---

[1] Том XIII, стр. 5—6. «Война и Российская социал-демократия».

[2] Там же, стр. 6.

[3] Том XIII, стр. 95, «Социализм и война».

[4] Том XV, стр. 496, «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

[5] Том XIII, стр. 344. «О карикатуре на марксизм» и «Об империалистическом экономизме».

[6] Там же.

Таковы те основные мысли Ленина о социально-экономическом характере мировой войны, которые легли в основу ленинской революционной тактики и борьбы против предательской тактики оппортунистов. Они полностью действительны и сейчас — в борьбе против военной опасности и в случае, если эта опасность станет фактом.

В этой же главе помещен ряд материалов, касающихся определения социально-экономической сущности войны со стороны России после Февральской революции. Этот вопрос имел большое политическое значение, ибо Февральская революция создала массу иллюзий (чему сознательно помогали русские социал-шовинисты) насчет того, что с момента переворота война России потеряла свой империалистический характер. Помещенные в главе цитаты говорят о том, что ничего не изменилось — война осталась империалистической: «*Война не перестала быть империалистической со стороны России, не может перестать, пока 1) у власти помещики и капиталисты, представители классов буржуазии; 2) пока у власти такие прямые агенты и слуги этой буржуазии, как Керенский и другие* социал-патриоты»[1]... и т. д. И в другом месте: «Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая... Переход государственной власти в России к Временному п-ву, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России»[2].

Война — неизбежный продукт капитализма.

Война есть необходимый продукт капитализма, и пролетариат не может зарекаться от участия в революционной войне, ибо возможны такие войны и бывали такие войны в капиталистических обществах.

Том VIII, стр. 502, 20 октября 1907 г. «Международный социалистический конгресс в Штутгарте». [2])

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских, монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне.

Том XIII, стр. 5, 1 ноября 1914 г. «Война и Российская социал-демократия». [7])

Эта война империалистическая, т-е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи конца капитализма...

Том XIII, стр. 15, 1 ноября 1914 г. «Положение и задачи социалистического Интернационала» [8])

---

[1] Том XIV, ч. 2, стр. 401. «Письмо от 30 марта 1917 г.».
[2] Том XIV, ч. I, стр. 121 и 122. «Резолюция о войне».

... Война — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир.

Том XIII, стр. 16, 1 ноября 1914 г. «Положение и задачи социалистического Интернационала» [8]).

От банкротства конкурирующего капиталиста и конкурирующей нации капитал выигрывает, концентрируясь еще сильнее; поэтому, чем обостреннее и «теснее» экономическая конкуренция, т.-е. экономическое подталкивание к банкротству, тем сильнее стремление капиталистов добавить к этому военное подталкивание соперника к банкротству.

Том XIII, стр. 154, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

Соединенные штаты Европы, при капитализме равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Миллиардер не может делить «национальный доход» капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: «по капиталу» (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует). Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедывать «справедливый» раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция. Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время-от-времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике.

Том XIII, стр. 132, 23 августа 1915 г. «О лозунге Соединенных Штатов Европы».[17])

Война — продолжение политики господствующего класса.

... Война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами. Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевитцу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой дан-

ной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны.

Примените этот взгляд к теперешней войне. Вы увидите, что в течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика, только такая, продолжается в теперешней войне. В частности, и в Австрии, и в России политика как мирного, так и военного времени состоит в порабощении наций, а не в освобождении их. Наоборот, в Китае, Персии, Индии и других зависимых странах мы видим в течение последних десятилетий политику пробуждения к национальной жизни десятков и сотен миллионов людей, освобождения их от гнета реакционных «великих» держав. Война на такой исторической почве может быть и теперь буржуазно-прогрессивной, национально-освободительной.

Том XIII, стр. 97—98, август 1915 г. «Социализм и война». [10])

Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение той же политики, с записью тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь ускоряет это развитие.

Война 1870—1871 гг. была продолжением буржуазно-прогрессивной (десятилетиями тянувшейся) политики освобождения и объединения Германии. Разгром Наполеона III и свержение его ускорили это освобождение...

... Посмотрите, каким клоунством является попытка рабски «повторить» этот пример в обстановке империалистской войны 1914—1916 гг. Эта война продолжает политику перезревшей реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывающей колонии и т. д. Эта война, на почве буржуазных отношений, не может, в силу объективного положения не может, вести ни к какому демократическому «прогрессу», а только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности, и это при любом исходе войны.

Та война ускорила развитие в направлении демократическом, буржуазно-прогрессивном: свержение Наполеона III, объединение Германии. Эта война ускоряет развитие только к социалистической революции.

Том XIII, стр. 235—236, 25 марта 1916 г. «О «программе мира» [23]).

Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, ту самую политику неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает (и) во время войны, переменив только форму действия.

Война есть продолжение политики иными средствами. Если французские революционные горожане и революционные крестьяне в конце XVIII века революционным путем свергли у себя монархию, установили демократическую республику и, расправившись со своим монархом, расправились по-революционному со своими помещиками, то эта политика революционного класса не могла не потрясти до основания всей остальной самодержавной, царской, королевской, полуфеодальной Европы, и неизбежным продолжением этой политики победившего во Франции революционного класса явились войны, — когда против революционной Франции стали все монархические народы Европы, составили все свою знаменитую коалицию и пошли на Францию контрреволюционной войной. Как внутри (страны) французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне французский революционный народ конца XVIII века проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны, и вместо старых войск создал новое ведение войны. Этот пример, мне кажется, особенно заслуживает внимания, потому что он наглядно показывает нам то, что на каждом шагу забывают сейчас публицисты буржуазных газет, играя на предрассудках и на обывательском невежестве совершенно неразвитых народных масс, не понимающих этой неразрывной экономической и исторической связи всякой войны с предшествовавшей ей политикой каждой страны, каждого класса, который господствовал перед войной и обеспечивал свои цели так называемыми мирными средствами. «Так называемыми» ибо те расправы, которые, например, нужны бывают для «мирного» господства над колониями, они едва ли могут быть названы мирными.

★

... Разве войну можно объяснить, не ставя ее в связь с предшествовавшей политикой данного государства, данной системы государств, данных классов. И вот я повторяю еще раз: это — основной вопрос, который постепенно забывают, из-за непонимания которого $^{9}/_{10}$ разговоров о войне превращаются в пустую перебранку и обмен словесностями. Мы говорим: если вы не из-

учили политику обеих групп воюющих держав в течение десятилетий, — чтобы не было случайностей, чтобы не выхватывали отдельных примеров, — если вы не показали связь этой войны и предшествовавшей политики,—вы ничего в этой войне не поняли.

«Правда» № 93 (4227) от 23, IV, 29 г. статья «Война и революция» (запись лекции).

Война 1914—1918 гг. — империалистическая война.

Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистско - династической войны. Борьба за рынки и грабежи стран, стремление одурачить, разъединить, перебить пролетариат всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии— таково единственно реальное содержание и значение войны.

Том XX, ч.I, стр. 465, август 1914 г. «Тезисы по поводу настоящей войны». [6])

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и разрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые», демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но, чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии, как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Том XIII, стр. 5—6, 1 ноября 1914 г. «Война и Российская социал-демократия». [7])

Почти все признают теперешнюю войну империалистской, но большей частью искажают это понятие, или применяют его к одной стороне, или подсовывают все же возможность того, чтобы эта война имела буржуазно-прогрессивное, национально-освободительное значение. Империализм есть высшая ступень развития капитализма, достигнутая лишь в XX веке. Капитализму стало тесно в старых национальных государствах, без образования которых он не мог свергнуть феодализма. Капитализм настолько развил концентрацию, что целые отрасли промышленности захвачены синдикатами, трестами, союзами капиталистов-миллиардеров, и почти весь земной шар поделен между этими «владыками капитала», в форме ли колоний или посредством запутывания чужих стран тысячами нитей финансовой эксплоатации. Свободную торговлю и конкуренцию сменили стремления к монополии, к захвату земель для приложения капитала, для вывоза сырья и т. д.

Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода.

Том XIII, стр. 95, август 1915 г. «Социализм и война» [16]).

Чтобы пояснить значение империализма, приведем точные данные о разделе мира так наз. «великими» (то-есть имеющими успех в великом грабеже) державами.

РАЗДЕЛ МИРА «ВЕЛИКИМИ» РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИМИ ДЕРЖАВАМИ.

«Великие» державы	Колонии 1876		Колонии 1914		Метрополии 1914		Всего	
	Квадратных километров	Жителей	Квадратных километров	Жителей	Квадратных километров	Жителей	Квадратных километров	Жителей
	(в миллионах)							
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,9	11,1	95,1
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
С. Штаты С. Америки	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Шесть великих держав	40,4	273,8	65,0	523,4	19,5	437,2	81,5	960,6
Колонии, принадлежащие не «великим» державам (а Бельгии, Голландии и др. государствам)	9,9	45,3					9,9	45,3
Три страны - «полуколонии» (Турция, Китай и Персия)							14,5	361,2
Итого							105,9	1.367,1
Остальные государства и страны							28,0	289,9
Весь земной шар (без полярной области)							133,9	1.657,0

Отсюда видно, как народы, боровшиеся большей частью во главе других за свободу в 1789—1871 гг., превратились теперь, после 1876 г., на почве высоко развитого и «перезрелого» капитализма, в угнетателей и поработителей большинства народонаселения и наций всего земного шара. С 1876 по 1914 г. шесть «великих» держав награбили 25 миллионов кв. километров, т.-е. пространство в 2½ раза больше всей Европы. Шесть держав порабощают свыше полу-миллиарда (523 миллиона) населения в колониях. На каждые 4 жителя «великих» держав приходится

по 5 жителей в «их» колониях. И всем известно, что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплоатируют тысячами способов (посредством вывоза капитала, концессий и т. п., обмана при продаже товаров, подчинения властям «господствующей» нации и так далее и тому подобное). Англо-французская буржуазия обманывает народ, говоря, что ведет войну за свободу народов и Бельгии: на деле она ведет войну ради сохранения награбленных ею непомерно колоний. Германские империалисты сразу освободили бы Бельгию и пр., если бы англичане и французы «по-божески» поделили с ними свои колонии — своеобразие положения заключается в том, что в этой войне судьбы колоний решаются войной на континенте. С точки зрения буржуазной справедливости и национальной свободы (или права наций на существование) Германия безусловно была бы права против Англии и Франции, ибо она «обделена» колониями, ее враги угнетают несравненно больше наций, чем она, а у ее союзника, Австрии, угнетенные славяне пользуются несомненно большей свободой, чем в царской России, этой настоящей «тюрьме народов». Но Германия сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций.

Том XIII, стр. 95—97, август 1915 г. «Социализм и война».[16])

Обывательский и марксистский анализ войны.

Как же найти «действительную сущность» войны, — как определить ее?

Война есть продолжение политики. Надо изучать политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистическая, т.-е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика была национально-освободительная, т.-е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война.

Обыватель не понимает, что война есть «продолжение политики», и потому ограничивается тем, что «де, неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, из-за чего ведется война, какими классами, ради какой политической цели...

...Для обывателя важно, где стоят войска, кто сейчас побеждает. Для марксиста важно, из-за чего ведется данная война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска.

Из-за чего ведется данная война? Это указано в нашей резолюции (основывающейся на политике воюющих держав, которую они вели десятилетия до войны). Англия, Франция и Россия воюют за сохранение награбленных колоний, за грабеж Турции и проч. Германия за то, чтобы отнять себе колонии и самой ограбить Турцию и проч. Допустим, немцы возьмут даже Париж и Петербург. Изменится ли от этого характер данной войны? Нисколько. Целью немцев — и это еще важнее: осуществимой политикой при победе немцев — будет тогда отнятие колоний, господство в Турции, отнятие чуженациональных областей, например, Польши и т. п., но вовсе не установление чуженационального гнета над французами или русскими. Действительная сущность данной войны не национальная, а империалистская. Другими словами: война идет не из-за того, что одна сторона свергает национальный гнет, другая защищает его. Война идет между двумя группами угнетателей, между двумя разбойниками из-за того, как поделить добычу, кому грабить Турцию и колонии.

Коротко: война между империалистскими (т.-е. угнетающими целый ряд чужих народов, опутывающими их сетями зависимости от финансового капитала и проч.) великими державами или в союзе с ними есть империалистская война. Такова война 1914—1916 гг. — «защита отечества» есть обман в этой войне, есть оправдание ее.

Война против империалистских, т.-е. угнетательских, держав со стороны угнетенных (например, колониальных народов) есть действительно национальная война. Она возможна и теперь. «Защита отечества» со стороны национально-угнетенной страны против национально-угнетающей не есть обман, и социалисты вовсе не против «защиты отечества» в такой войне.

Самоопределение наций есть то же самое, что борьба за полное национальное освобождение, за полную независимость, против аннексий, и от такой борьбы — во всякой ее форме, вплоть до восстания или до войны, — социалисты не могут отказываться, не переставая быть социалистами...

... Войны суть продолжение политики; поэтому, раз имеет место борьба за демократию, возможна и война из-за демократии; самоопределение наций есть лишь одно из демократических требований, ничем принципиально не отличающееся от других. «Мировое господство» есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война. Отрицать «защиту отечества», т.-е. участие в войне демократической, есть нелепость, не имеющая ничего общего с марксизмом. Прикрашивать империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», т.-е. выдавая ее за демократи-

ческую, значит обманывать рабочих, переходить на сторону реакционной буржуазии.

Том XIII, стр. 344 — 347, август 1916 г. «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». [25])

Социально-политический характер войны определяется не «доброй волей» лиц и групп, даже народов, а положением класса, ведущего войну, политикой класса, продолжением коей война является, связями капитала, как господствующей экономической силы в современном обществе, империалистским характером международного капитала, зависимостью — финансовой, банковой, дипломатической — России от Англии и Франции и т. д.

Том XIV, ч. I, стр. 44, 10 апреля 1917 г. «Задачи пролетариата в нашей революции». [36])

Марксизм требует точной оценки каждой отдельной войны.

По вопросу о войнах империалистского характера проект тов. С. грешит теоретической неправильностью в двух отношениях.

Во-первых, он не дает оценки данной, теперешней войны. Он говорит, что империалистская эпоха порождает империалистские войны. Это верно, и сказать это в программе, конечно, надо было. Но этого мало. Необходимо, кроме того, сказать, что именно теперешняя война 1914—1917 годов и есть война империалистская. Немецкая группа «Спартак» в своих «тезисах», изданных по-немецки в 1915 году, выставила утверждение, что в эру империализма национальных войн быть не может. Это явно неправильное утверждение, ибо угнетение наций империализм обостряет, а вследствие этого не только возможны и вероятны, но прямо неизбежны национальные восстания и национальные войны (попытки провести различие между восстаниями и войнами были бы осуждены на крушение).

Марксизм требует безусловно точной оценки, на основании конкретных данных, каждой отдельной войны. Обходить вопрос о теперешней войне посредством общих рассуждений и теоретически неверно, и практически недопустимо, ибо за это прячутся оппортунисты, создавая себе лазейку: вообще-де империализм есть эпоха империалистских войн, но эта война была не совсем империалистская (так рассуждал, напр. Каутский).

Во-вторых, тов. С. связывает «кризисы и войны» вместе, как некий двуединый спутник капитализма вообще и новейшего в особенности. На стр. 20—21 московской брошюры, в проекте тов. С. три раза повторено это соединение кризисов и войн.

Тут дело не только в нежелательности повторений в программе. Тут дело в принципиальной неверности.

Кризисы, именно в форме перепроизводства, или «остановки сбыта товаров», если тов. С. изгоняет слово — перепроизводство, есть явление, исключительно капитализму свойственное. Войны же свойственны и рабской и крепостнической системе хозяйства. Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной), и в средние века и в эпоху торгового капитализма. Всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, «кому больше угнетать или грабить», нельзя не назвать империалистской.

Если мы говорим, что только новейший капитализм, только империализм принес с собой империалистские войны, то это справедливо, ибо предшествующая стадия капитализма, стадия свободной конкуренции или стадия до-монополистического капитализма, характеризовалась преимущественно национальными войнами в Западной Европе. Но если сказать, что в предшествующей стадии не было империалистских войн, то это будет уже неверно, это будет забвением «колониальных» войн, тоже империалистских. Это — во-первых.

А, во-вторых, неправильным остается именно соединение кризисов и войн, ибо это явления совершенно различного порядка, различного исторического происхождения, различного классового значения. Например, нельзя сказать, как говорит в своем проекте тов. С.: «И кризисы и войны, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала»... Ибо возможны войны в интересах освобождения наемного труда от капитала; в ходе борьбы наемных рабочих против класса капиталистов возможны войны не только реакционно-империалистские, но и революционные. «Война есть продолжение политики», того или иного класса: и в каждом классовом обществе, и в рабском, и в крепостническом, и в капиталистическом, бывали войны, продолжавшие политику угнетательских классов, а также бывали войны, продолжавшие политику угнетенных классов. По той же причине нельзя сказать, как говорит тов. С., что «кризисы и войны показывают, что капиталистическая система из форм развития производительных сил превращается в их тормоз».

Что данная империалистская война своей реакционностью и своей тяжестью революционизирует массы и ускоряет революцию, это верно, это надо сказать. И про империалистские войны вообще, как типичные для эпохи империализма, это будет верно, и это сказать можно. Но нельзя сказать того про всякие

«войны» вообще, и затем никак нельзя связывать кризисы и войны.

Том XIV, ч. 2, стр. 157, сентябрь—октябрь 1917 г. «К пересмотру партийной программы». [52])

Интернационализм и отношение пролетариата к войне.

Характер войны (реакционная она или революционная) зависит не от того, кто напал и в чьей стране стоит «враг», а от того, какой класс ведет войну, какая политика продолжается данной войной.

Если данная война есть реакционная империалистская война, т.-е. ведомая двумя мировыми группами империалистской, насильнической, грабительской, реакционной буржуазией, то всякая буржуазия (даже малой страны) превращается в участника грабежа, и моя задача, задача представителя революционного пролетариата, готовить мировую пролетарскую революцию, как единственное спасение от ужасов мировой войны. Не с точки зрения «своей» страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, националистского мещанина, не понимающего, что он — игрушка в руках империалистской буржуазии), а с точки зрения моего участия в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции.

Вот что такое интернационализм, вот какова задача интернационалиста, революционного рабочего, действительного социалиста. Вот какую азбуку «забыл» ренегат Каутский.

Том XV, стр. 496—497, сент.—окт. 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский». [72])

За что воюет Россия?

В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм. Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения, т.-е. менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России около 100 миллионов угнетены и бесправны. Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение. Теперь на двух великороссов в России приходится от двух до трех бесправных «инородцев»: посредством

войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплоатация «инородцев». Таким образом, со стороны России война отличается сугубой реакционностью и противо-освободительным характером.

Том XIII, стр. 99, августа 1915 г. «Социализм и война». [16])

Февральская революция и империалистическая война.

Царское правительство начало и вело данную, настоящую войну, как и м п е р и а л и с т с к у ю, грабительскую, разбойничью войну, чтобы грабить и душить слабые народы. Правительство Гучковых и Милюковых есть помещичье и капиталистическое правительство, которое вынуждено продолжать и хочет продолжать и м е н н о т а к у ю с а м у ю войну. Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели.

Объясним нашу мысль.

Что такое империализм?

В своей брошюре: «Империализм, как высшая стадия капитализма», которая была доставлена издательству «Парус» еще до революции, принята им и объявлена в журнале «Летопись», я отвечал на этот вопрос так:

«Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» (гл. VII названной брошюры, объявленной в «Летописи», когда еще была цензура, под заглавием: В. Ленин. «Новейший капитализм»).

Дело сводится к тому, что капитал вырос до громадных размеров. Союзы небольшого числа крупнейших капиталистов (картели, синдикаты, тресты) ворочают м и л л и а р д а м и и делят меж собой весь мир. Земля в с я поделена. Война вызвана столкновением двух могущественнейших групп миллиардеров, англо-французской и немецкой, за п е р е д е л мира.

Англо-французская группа капиталистов хочет в первую голову ограбить Германию, отняв ее колонии (почти все уже отняты), а затем Турцию.

Германская группа капиталистов хочет отнять Турцию себе и вознаградить себя за потерю колоний захватом соседних мелких государств (Бельгии, Сербии, Румынии).

Вот — настоящая правда, прикрытая всяческой буржуазной ложью насчет «освободительной», «национальной» войны, «войны за право и справедливость» и тому подобными побрякушками, которыми капиталисты всегда одурачивают простой народ.

Россия ведет войну не на свои деньги. Русский капитал есть участник англо-французского. Россия ведет войну, чтобы ограбить Армению, Турцию, Галицию.

Гучков, Львов, Милюков, наши теперешние министры, — не случайные люди. Они — представители и вожаки всего класса помещиков и капиталистов. Они связаны интересами капитала. Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы.

Во-вторых, Гучков — Милюков и К° связаны англо-французским капиталом. Они на чужие деньги вели и ведут войну. Они обещали за занятые миллиарды платить ежегодно процентов сотни миллионов и выколачивать эту дань с русских рабочих и русских крестьян.

В третьих, Гучков — Милюков и К° связаны прямыми договорами о разбойнических целях этой войны с Англией, Францией, Италией, Японией и другими группами капиталистов-разбойников. Эти договоры заключил еще царь Николай II. Гучков — Милюков и К° воспользовались борьбой рабочих против монархии, чтобы захватить власть, а договоры, заключенные царем, они подтвердили.

Том XX, ч. 2 стр. 78—79, 25 (12) марта 1917 г. «Письма издалека». Письмо четвертое «Как добиться мира» [31]).

Война не перестала быть империалистской со стороны России, не может перестать, пока 1) у власти помещики и капиталисты, представители класса буржуазии; 2) пока у власти такие прямые агенты и слуги этой буржуазии, как Керенский и другие социал-патриоты; 3) пока договоры царизма с англо-французскими империалистами остаются в силе (правительство Гучкова — Милюкова прямо заявило за границей, не знаю, сделало ли оно это в России,—что оно верно этим договорам) (договоры эти грабительские, о захвате Галиции, Армении, Константинополя и т. д. и т. д.); 4) пока эти договоры не опубликованы и не отменены; 5) пока не порван весь вообще союз России с англо-французскими буржуазными, империалистскими правительствами; 6) пока госуд. власть в России не перешла от империалистской буржуазии (простые обещания и «пацифистские» заявления, сколь бы ни верили им глупенькие Каутский, Чхеидзе и К°, не превращают

буржуазию в небуржуазию) в руки пролетариата, который о д и н способен, при условии поддержки его беднейшей частью крестьянства, порвать не на словах, а на деле с интересами капитала, с империалистской политикой, порвать с грабежами других стран, освободить угнетенные великороссами народы полностью, вывести войска из Австрии и Галиции тотчас и т. д.

Том XIV, ч. 2, стр. 401. «Письмо Я. С. Ганецкому»[32]).

Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война капиталистическая, т.-е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д.

Наше основное и первое положение есть вопрос о содержании войны, вопрос общего и политического характера, вопрос спорный, который капиталисты и социал-шовинисты старательно обходят. Поэтому мы его должны поставить на первом месте и сделать добавление:

«Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. В России же затягивание войны, кроме того, несет величайшую опасность завоеваниям революции, ее дальнейшему развитию. Переход государственной власти в России к Временному правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России».

Эта вот, прочитанная мною сейчас, фраза имеет для нас большое значение во всей пропаганде и агитации. Изменился ли теперь и может ли измениться классовый характер войны? Наш ответ основывается на том, что власть перешла в руки помещиков и капиталистов, тех же классов, которые эту войну подготовили. Дальше мы переходим к одному из фактов, показывающих наиболее наглядно характер войны. Одно дело — классовый характер, выражающийся во всей политике, которую определенные классы вели в течение десятилетий, а другое дело — наглядный классовый характер войны.

Том XIV, ч. 2, стр. 429, 27/V—1917 г. «Речь о резолюции о войне».

Империалистская война продолжается, а нам обещают реформы, реформы и реформы, которые вообще в этих рамках осуществлены быть не могут, потому что война все подавляет, все определяет. Почему вы не соглашаетесь с теми, которые говорят, что война ведется н е из-за прибылей капиталистов? В чем критерий? В том, прежде всего, какой класс у власти, какой класс

продолжает быть хозяином, какой класс продолжает наживать сотни миллиардов на банковых и финансовых операциях? Все тот же капиталистический класс, и война все продолжается поэтому империалистическая. И первое Временное правительство, и правительство с почти-социалистическими министрами ничего не изменили: тайные договоры остаются тайными, Россия воюет за проливы.

Том XIV, ч. 1, стр. 265, 15—16 июня 1917 г. Речь на первом Всероссийском съезде советов Р. и С. Д. [46]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

ВОЙНА — продукт капитализма; но война, в свою очередь, раз начавшись, накладывает свой отпечаток на капиталистические страны, их развитие и состояние. Это влияние, оказываемое войной на политическую и экономическую обстановку, должно быть учтено компартией, если она хочет осуществить свои задачи, не отвлеченно, а в конкретной обстановке.

Вот почему нам, прежде чем перейти к анализу тактики большевизма и критике тактики оппортунистов, необходимо остановиться на оценке Лениным влияния войны на политическое и экономическое положение. Он давал эту оценку с тем, чтобы бороться не от случая к случаю, а с достаточно далекой перспективой, позволяющей своевременно и полно учесть все то новое и специфическое, что принесла и в дальнейшем своем развитии еще принесет война.

Всей революционной борьбе Ленина и большевиков сопутствовало до войны, во время ее и после нее одно обвинение. Это обвинение, исходящее и от буржуазии и от оппортунистов, гласило, что Ленин, якобы «спекулирует» на войне, на ее трудностях для подхлестывания, искусственного создания «анархии».

И чем ближе и реальнее становится новая империалистическая война, тем бешенее развертывается борьба против коммунистов. Решения VI Конгресса вызвали повсеместный вой по этой линии: вы, мол, рады войне, вы ее форсируете, вы надеетесь через нее вызвать новые революции.

Ленин неоднократно подчеркивал, что империалистическая война вызывает особенно обостренную политическую обстановку, усиливает революционное движение и приближает революцию. Но только боязнь революции может заставить усмотреть в этом положении призыв к войне. Только искажая марксизм, вульгаризируя его на реформистский лад, можно спорить против того, что война может играть роль революционного фактора. Но вместе с тем грубым опошлением будет оценка этого глубоко марксистского определения значения войны для революционного движения, как веры в чудотворное значение войны. Война может быть революционным фактором.

Это значит, что войну можно использовать как революционный фактор, что ее должно использовать тогда, когда она наступает, в интересах классовой борьбы, в интересах революции.

И всякие возражения против такой постановки вопроса, попытки представить его как лозунг «да здравствует война» — по существу являются попыткой защиты интересов буржуазии. Война — это этап, законный этап капитализма. Борьба против капитализма — это борьба и против войны. И самая верная борьба. Подлинная революционная тактика против

буржуазии, единственная тактика борьбы против подготовки ею войны. И только, или ничего не смысля в диалектике, или (что вернее) сползая на позицию защиты капитализма, можно говорить, что подлинная революционная тактика борьбы против подготовки войны отрицает необходимость использования в интересах революции начатой войны. Наоборот, революционная борьба против войны (как одна из сторон революционной классовой борьбы против капитализма) не только не отрицает, а, наоборот, предопределяет и обязывает к революционной борьбе во время войны и к использованию всех преимуществ обостренной политической обстановки и экономических трудностей в интересах приближения революции. Эти две стороны — революционная борьба против подготовки империалистической войны и революционная борьба во время войны — диалектически увязаны у Ленина единством цели и задачи.

Это — основное в тактике Ленина по отношению к империалистической войне. Исходным в этой тактике является социально-политический анализ войны. Он необходим для определения конкретной тактики рабочего класса во время войны, ее форм и методов.

Вот почему Ленин как до войны, так особенно во время войны тщательно изучает все новые явления, порождаемые войной. Эти новые явления могут приблизить, ускорить бег революционных событий, и с этой стороны они должны быть поняты, учтены и анализируемы компартиями. Тезисы VI Конгресса подчеркивают изменения в обстановке, порождаемые войной, и требуют пристального их изучения. Ибо только своевременный учет этих изменений гарантирует в тактике классовой борьбы правильный курс на превращение империалистической войны в гражданскую, т.-е. революцию.

Какие же вопросы были поставлены Лениным в этой плоскости?

1. Прежде всего, война, эта «законная форма капитализма», обостряет капиталистические противоречия. Она резко нарушает «нормальный» ход хозяйственных процессов, вторгаясь во все без исключения стороны мирового хозяйства и создавая невиданный кризис. Империалистическая война, начавшись с целями защиты чисто буржуазных интересов, для укрепления буржуазии одной страны за счет другой, диалектически вызывает ослабление (более или менее длительное) всей буржузии, революционизируя рабочий класс и трудящихся, облегчая возможности революционной борьбы.

В чем это конкретно выражается?

Ленин писал: «В результате этой войны мы имеем неизмеримо большее обострение всех капиталистических противоречий»[1].

Война вызвала колоссальные изменения и создала еще больше горючего материала для новых кризисов, разрешение которых требует военных путей. Она перекроила карту мира; но эта перекройка, в результате грабительского мира, не уменьшила, а, наоборот, увеличила число угнетенных, зависимых стран. «Война отбросила сразу около четверти миллиарда населения земли в положение, которое равносильно колониальному»[2].

Но это касается не только побежденных стран. «Не только колониальные, побежденные страны попадают в положение зависимости, но и внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились»[3]. Война усилила противоречия (и тем самым обострила положение) по всей линии основных противоречий

[1] Ленин, т. XVII, стр. 254. «Доклад о международном положении и основных задачах Коминтерна».

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 256.

капитализма: и взаимоотношения империалистических стран и колониальных; и взаимоотношения «победителей» и «побежденных»; и взаимоотношения буржуазии и рабочего класса.

2. Война ослабила мощь буржуазии. Буржуазии пришлось маневрировать... «Дирижеры империалистской бойни вынуждены проводить известные государственно-капиталистические, известные национальные реформы. А к тому же надо уступочками успокоить массы, озлобленные войной и дороговизной: почему не обещать (и не провести частично — это ведь ни к чему не обязывает!) «сокращения вооружений»[1].

3. Война не разрешила создавшегося кризиса, а, наоборот, его углубила, обострила, создав поводы к новым войнам и кризисам.

Война, потребовавшая значительных средств, сделавшая некоторые страны неоплатными должниками, — обогатила часть буржуазии, но зато поставила в нищенские условия большинство трудящихся. «Разруха, кризис, ужасы войны, безвыходность положения — вот куда завели капиталисты все народы»,[2] — говорит Ленин.

Подчеркивая мысль, что послевоенная разруха не специфическое явление России, а ею затронуты все страны, В. Ленин говорит: «Многие из этих стран не только в течение десятилетий, но и в течение столетий забыли уже о том, что такое голод, настолько высоко развилось у них земледелие, настолько обеспечены были громадным количеством привозного хлеба те из европейских стран, которым нехватало своего собственного хлеба, а теперь, в XX веке, на ряду с еще большим прогрессом техники, на ряду с чудесами изобретений, на ряду с громадным применением машин и электричества, новых двигателей внутреннего сгорания в земледелии, — на ряду со всем этим, мы, во всех без исключения европейских странах, видим теперь надвинувшееся на народы то же самое бедствие — голод... Мы все знаем, что вызвано это империалистической войной, — войной, которая уже четыре года терзает человечество, которая стоит народам больше, значительно больше 10 млн. молодых жизней».[3]

Это не временный кризис, заминка в торговле, а глубокий кризис обнищания. «Везде, как в воюющих, так и в нейтральных странах, война, империалистическая война двух групп гигантских хищников, несла с собой полное истощение производительных сил»[4].

4. Все эти экономические последствия войны вызвали, на ряду и попутно с колоссальным обнищанием, опустошением стран, голодом и одичанием, быстрый и значительный рост революционных настроений и революционного движения.

Вот в каких четких словах выражает В. Ленин эту мысль об историческом месте войны:

«Капитализм привел к такому тяжелому и мучительному краху, что теперь совершенно ясно для всех, что настоящая война не может окончиться без ряда наиболее тяжелых и наиболее кровавых революций, из которых русская революция была только первой, явилась только началом»[5].

---

[1] Ленин, т. XIII, стр. 488. «Поворот в мировой политике».

[2] Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 107. «Добросовестное оборончество показывает себя».

[3] Ленин, т. XV, стр. 331 «Доклад о текущем моменте» на IV Конференции Профсоюзов и фабр.-зав. ком. гор. Москвы.

[4] Ленин, т. XV, стр. 310. «Борьба за хлеб».

[5] Ленин, т. XV, стр. 332. «Доклад о текущем моменте».

Эта мысль красной нитью проходит через все высказывания В. Ленина о влиянии войны на революционное движение. Исходя из этого, и должна применяться тактика большевизма в условиях империалистической войны.

В связи с этим, В. Ленин неоднократно останавливается на словах, сказанных Энгельсом по поводу неизбежной европейской войны: «Либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой»[1]. Разъясняя эту мысль Энгельса, В. Ленин преследует задачу отвергнуть упрощенство в постановке вопроса о революции, как результате войны, и в то же время подчеркивает чрезвычайно благоприятные условия, создаваемые войной для подъема революционного движения и для победы революции.

Каковы данные, говорящие о создании в результате войны этих благоприятных условий?

Война больше, чем что-либо, помогает разоблачению этих фетишей, ложных и воспитанных буржуазией в рабочем классе представлений, усыпляющих революционную энергию в рабочем классе, укрепляющих иллюзии, что не в борьбе против капитализма, а с помощью его можно добиться улучшения положения рабочего класса. Этим война способствует отходу рабочего класса от оппортунизма. В. Ленин пишет: «Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Именно война раскрыла рабочим глаза более, чем что-либо другое; она сорвала с буржуазной демократии ложные прикрасы и открыла народу всю бездну спекуляции и погони за наживой, которые проявились во время войны и в связи с нею... Никакие усилия желтого Бернского Интернационала не помогут скрыть от масс теперь окончательно вскрытый эксплоататорский характер буржуазной свободы, буржуазного равенства и буржуазной демократии»[2].

Это разоблачительное влияние войны явилось предвестником усиления и резкого подъема революционных настроений и активности в классовой борьбе. Война неизбежно развивает активность широких масс трудящихся, требует от них «сверхнормального напряжения сил и самопожертвования». Одних это «отупляет и надламывает», но «зато просвещает и закаляет других»

В. Ленин везде подчеркивает, что революционное настроение росло не только в рабочем классе, но захватывало и все трудящиеся массы, а также и мелкую буржуазию, которую «толкает влево не только наша пропаганда, но и ряд объективных факторов — экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр.»[3].

Вот почему война, обостряющая капиталистические противоречия, ослабляющая мощь буржуазии, углубляющая кризис, вызывающая обнищание масс, способствует нарастанию революционных настроений — и должна быть использована как благоприятная обстановка для развития революционного движения.

---

[1] Ленин, т. XIII, стр. 11. «Война и российская социал-демократия».

[2] Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 188. «Какие заявления делала наша партия о войне перед революцией».

[3] Ленин, т. XVI, стр. 41. «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата».

Экономические последствия войны.

ВОЙНА ОБОСТРИЛА ПРОТИВОРЕЧИЯ КАПИТАЛИЗМА.

Европейская война означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты. (В этом, в скобках сказать, состоит благодетельное и прогрессивное действие всяких кризисов, непонятное только тупым поклонникам «мирной эволюции»).

Том XIII, стр. 23, 1914 г. «Мертвый шовинизм и живой социализм». [9])

ВОЙНА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ.

История не стоит на месте и во время контр-революций. История шла вперед и во время империалистской бойни 1914—1916 годов, которая была *продолжением* империалистской политики предыдущих десятилетий. Мировой капитализм, который в 60—70-х годах прошлого века был передовой и прогрессивной силой свободной конкуренции и который в начале XX века перерос в *монополистический* капитализм, т.-е. империализм, сделал за время войны изрядный шаг *вперед* не только к еще большей конкуренции финансового капитала, но и к превращению в *государственный капитализм*.

Том XIII, стр. 487—488. 31 января 1917 г. «Поворот в мировой политике». [29])

РАЗРУХА И ГОЛОД—ОБЩЕЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ВОЙНЫ ДЛЯ ВСЕХ СТРАН.

Разруха, кризис, ужасы войны, безвыходность положения — вот куда завели капиталисты *все* народы.

Том XIV, ч. 1, стр. 105, 22 апреля 1917 г. «Добросовестное оборончество показывает себя». [38])

...Не только на Россию, но и на все, даже наиболее культурные, передовые, цивилизованные страны надвинулось теперь это бедствие.

В России в течение ряда последних десятилетий, в особенности теперь, в революцию, бывало не раз, что голод обрушивался на целые области нашей земледельческой страны, где разорено и придавлено было гнетом царей, помещиков и капиталистов громадное большинство русского крестьянства. Но и в западноевропейских странах царит то же бедствие. Многие из этих стран не только в течение десятилетий, но и в течение столетий забыли уже о том, что такое голод, настолько высоко развилось в них

земледелие, настолько обеспечены были громадным количеством привозного хлеба те из европейских стран, которым нехватало своего собственного хлеба, а теперь, в XX веке, на ряду с еще большим прогрессом техники, на ряду с чудесами изобретений, на ряду с громадным применением машин и электричества, новых двигателей внутреннего сгорания в земледелии, — на ряду со всем этим мы, во всех без исключения европейских странах, видим теперь надвинувшееся на народы то же самое бедствие — голод. Как будто с цивилизацией, с культурой страны опять возвращаются к первобытному варварству, опять переживают такое положение, когда дичают нравы, звереют люди в борьбе за кусок хлеба. Чем вызван этот поворот к варварству в целом ряде европейских стран, в большинстве их? Мы все знаем, что вызвано это империалистической войной, войной которая уже четыре года терзает человечество, которая стоит народам уже больше, значительно больше 10 млн. молодых жизней, войной, которая вызвана корыстными капиталистами, войной, которая ведется из-за того, кто, какой величайший хищник — английский или немецкий — будет господствовать над миром, приобретать колонии, душить малые народы.

Эта война, которая охватила почти весь земной шар, которая не меньше 10 миллионов жизней унесла, не считая миллионов изуродованных, искалеченных и больных, война, которая оторвала от производительного труда, кроме того, миллионы самых здоровых и самых лучших сил, — эта война привела к тому, что человечество стоит теперь в положении совершенного варварства.

Том XV, стр. 331—332. 27 июня 1918 г. «Доклад о текущем моменте».[69а])

КТО НАЖИЛСЯ НА ВОЙНЕ.

Разбойники английского империализма были сильнее всех по количеству «колониальных рабов». Английские капиталисты не потеряли ни пяди «своей» (т.-е. награбленной ими в течение столетий) земли, а заграбили все германские колонии в Африке, заграбили Мессопотамию и Палестину, придушили Грецию и начали грабить Россию.

Разбойники германского империализма были всех сильней по организованности и дисциплинированности «их» войск, но слабее колониями. Они потеряли все колонии, но ограбили половину Европы, задушили наибольшее число маленьких стран и слабых народов. Какая великая «освободительная» война с обеих сторон! Как хорошо «защищали отечество» разбойники обеих стран, капиталисты англо-французские и германские, вместе с их лакеями, социал-шовинистами, т.-е. социалистами, перешедшими на сторону «своей» буржуазии!

Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязи тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в великой, благородной, освободительной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся п е р в ы м и из душителей слабых народов всего мира.

Том XV, стр. 404—405 20 августа 1918 г. «Письмо к американским рабочим».[71])

Но четыре года империалистской бойни не прошли даром. Обман народа негодяями обеих групп разбойников — и английской и немецкой — разоблачен до конца неоспоримыми и очевидными фактами. Четыре года войны показали на результатах ее общий закон капитализма, в применении к войне между разбойниками из-за дележа их добычи: кто был всех богаче и всех сильнее, тот нажился и награбился больше всех; кто был всех слабее, того грабили, терзали, давили, душили до конца.

Том XV, стр. 404, 20 августа 1918 г. «Письмо к американским рабочим».[71])

Богатые страны нажились, конечно, их капиталисты нажились за время войны в силу полного разорения не только России, но такой страны, как Германия, в силу придавленности, в силу обесценения денег в громадном большинстве европейских стран. Несмотря на все, торговые отношения подорваны, нарушены, богатейшие страны задыхаются, не имея возможности продавать продукты своей промышленности, так как деньги обесценены, безработица во всех странах растет неслыханно, растет невиданный экономический кризис во всем мире.

Том XX, ч. 2, стр. 457. «Речь на IV Всероссийском съезде работников швейной промышленности».[60])

ИТОГИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

В результате этой войны мы имеем неизмеримо большее обострение всех капиталистических противоречий. Война

отбросила сразу около четверти миллиарда населения земли в положение, которое равносильно колониальному. Она отбросила Россию, в которой надо считать около 130 миллионов, Австро-Венгрию, Германию, Болгарию, в которых не менее 120 миллионов. Четверть миллиарда населения — в странах, которые принадлежат частью, как Германия, к самым передовым, к самым просвещенным, культурным, технически стоящим на уровне современного прогресса. Война, путем Версальского договора, навязала им такие условия, что передовые народы оказались на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и бесправности, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил. Вы имеете картину мира: после войны сразу не менее как миллиард с четвертью населения подвергается колониальному гнету, подвергается эксплоатации зверского капитализма, который хвастался миролюбием, и лет пять-десять тому назад имел некоторые права хвастаться этим, пока земля не была поделена, пока не господствовала монополия, пока капитализм мог развиваться сравнительно мирно, без колоссальных военных конфликтов.

Теперь, после этой мирной эпохи, мы получили чудовищное обострение гнета, мы видим возвращение к гнету колониальному и военному, еще худшему, чем прежде. Версальский договор поставил Германию и целый ряд побежденных государств в условия материальной невозможности экономического существования, в условия полного бесправия и унижения.

Какое число наций воспользовалось этим? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны припомнить, что население С. Штатов Америки, которая одна полностью выиграла от войны, которая всецело превратилась из страны, имевшей массу долгов, в страну, которой все должны, — ее население не больше 100 млн. Население Японии, которая выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая громадный азиатский материк, равно 50 миллионам. Население Англии, которая после этих стран выиграла больше всех, достигает 50 миллионов. И если прибавить нейтральные государства с очень малым населением, которые разбогатели за время войны, мы получим, в круглых цифрах, четверть миллиарда.

Вы получаете, таким образом, в основных чертах картину мира, как она сложилась после империалистической войны. Миллиард с четвертью угнетенных колоний, ... стран, которые побеждены и брошены в положение колоний. Не больше четверти миллиарда, — это страны, которые уцелели на прежнем положении, но они все попали в экономическую зависимость от Америки и все во время войны были в зависимости военной, ибо

война захватила весь мир, она не позволила ни одному государству оставаться нейтральным на деле. И мы имеем, наконец, не больше четверти миллиарда жителей в странах, в которых, разумеется лишь верхушка, лишь капиталисты воспользовались дележкой земли. Сумма около одного и трех четвертей миллиарда, которые составляют все население земли. Я бы хотел эту картину мира вам напомнить, ибо все основные противоречия капитализма, империализма, которые приводят к революции, все основные противоречия в рабочем движении, которые привели к жесточайшей борьбе со II Интернационалом, о чем говорил тов. председатель, — все это связано с дележом населения земли.

Конечно, только в грубых, основных чертах этими цифрами иллюстрируется экономическая картина мира. Естественно, что на почве такого дележа населения всей земли эксплоатация финансового капитала, капиталистических монополий выросла во много раз больше.

Не только колониальные, побежденные страны попадают в положение зависимости, но и внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились. Я в кратких чертах покажу это на нескольких примерах.

Возьмите государственные долги. Мы знаем, что долги главнейших европейских государств выросли с 1914 по 1920 год не меньше, чем в семь раз. Приведу еще один экономический источник, который приобретает особенно большое значение, это — Кейнс, английский дипломат, автор книги «Экономические последствия мира», который, по поручению своего правительства, участвовал в Версальских мирных переговорах, наблюдал их непосредственно с чисто буржуазной точки зрения, шаг за шагом изучал дело детально и, как экономист, принимал участие в совещаниях. Он пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом, свирепом, зверском виде. Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: «вы делаете безумие!» Я вам приведу его цифры, которые в общем сводятся к следующему.

Как сложились долговые отношения между главными державами. Я перевожу фунты стерлингов на золотые рубли, считая 10 золотых рублей на фунт стерлингов. И вот что получается: Соединенные штаты имеют актив 19 миллиардов; пассив — ноль. Они были до войны должником Англии. Тов. Леви на последнем съезде коммунистической партии Германии, 14 апреля 1920 г.,

в своем докладе справедливо указал, что остались две державы, которые самостоятельно выступают теперь в мире: Англия и Америка. Только Америка оказалась в финансовом положении абсолютно самостоятельной. Она была должником до войны, теперь она только кредитор. Все остальные державы мира в долгу. Англия попала в такое положение, что актив ее 18 миллиардов, пассив — 17 миллиардов, она наполовину уже попала в положение должника. Притом в ее актив попало около 6 миллиардов, которые должна Россия. Военные запасы, которые во время войны делала Россия, включаются в ее долг. Недавно, когда Красин имел случай беседовать с Ллойд-Джорджем, как представитель российского советского правительства, на тему о долговых договорах, он наглядно выяснил ученым и политикам, вождям английского правительства, что если они рассчитывают получить долги, то они находятся в странном заблуждении. Заблуждение это вскрыл уже английский дипломат Кейнс.

Том XVII, стр. 254 — 257, 19 июля 1920 г. «Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала». [79])

Мы имеем теперь перед глазами несколько более полную картину всего мира. Мы знаем, что такое означает эта зависимость от горстки богачей миллиарда с четвертью людей, которые поставлены в условия невозможного существования. А с другой стороны, когда преподнесли народам договор Лиги наций, по которому Лигой наций объявляется, что она прекратила войны и отныне не позволит никому нарушать мир, когда этот договор, как последняя надежда трудящихся масс во всем мире, вступил в действие, это оказалось величайшей победой для нас. Когда он еще не вступал в действие, тогда говорили: нельзя такую страну, как Германия, не подчинять особым условиям; вот, когда будет договор, увидите, как это хорошо выйдет. Когда договор был опубликован, ярые противники большевизма должны были отречься от него! Когда договор начал вступать в действие, оказалось, что ничтожную группу богатейших стран, эту «толстую четверку» — Клемансо, Ллойд-Джорджа, Орландо и Вильсона — посадили устраивать новые отношения! Когда пустили в ход машину договора, она привела к полному распаду!

Том XVII, стр. 262, 19 июля 1920 г. «Доклад о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала». [79])

Вы знаете, что, разгромив Германию, союзные империалисты — Франция, Англия, Америка и Япония — заключают Версальский мир, который во всяком случае, является несравненно более зверским, чем пресловутый Брестский мир, о котором так много кри-

чали. И в то же время, как французы, американцы, англичане трубили на весь мир, что это война освободительная, что эта война имеет целью избавление Европы и всего мира от варварства гуннов, как они называли немцев, оказалось, что Версальский мир превзошел все жестокости, на которые был способен кайзер, когда он был победителем. Для всех побежденных стран, для Германии, для всех стран, входивших в состав Австро-Венгерской империи, вмешательство английских и французских офицеров в хозяйственную жизнь доказывает, что жить при таких условиях нельзя.

Том XVII, стр. 333, 8 октября 1920 г. «О международном положении».[80])

Революционизирующее влияние войны.

ВОЙНА РАЗОБЛАЧАЕТ ОППОРТУНИСТОВ.

Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительства и буржуазии каждой страны.

Том XIII, стр. 11, 1 сентября 1914 г. «Война и российская социал-демократия».[7])

ВОЙНА И КЛАССОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

Том XIII, стр. 17, 1/XI—1914 г. «Положение и задачи социалистического интернационала».[8])

Война несомненно породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии *всех* стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, — все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах.

Том XIII, стр. 105, август 1915 г. «Социализм и война».[16])

Что европейская война будет тяжелой не в пример другим, это все знали, видели и признавали. Опыт войны все более под-

тверждает это. Война ширится. Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны, и усилия правительств, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушения. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скандально велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в «низах» — все это налицо. А чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развивают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, но зато просвещает и закаляет других, причем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше, чем первых.

Заключение мира не только не может «сразу» прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а, напротив, во многих отношениях сделает эти бедствия еще более ощутимыми и особенно наглядными для самых отсталых масс населения.

Том XIII, стр. 141, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

Вопрос поставлен ребром, и нельзя не признать, что европейская война принесла человечеству гигантскую пользу, поставив его действительно ребром перед сотнями миллионов людей разных наций: либо защищать, ружьем или пером, прямо или косвенно, в какой бы то ни было форме, великодержавные и вообще национальные привилегии или преимущества, или притязания «своей» буржуазии, и тогда это значит быть ее сторонником или лакеем; либо использовать всякую, и особенно вооруженную, борьбу за великодержавные привилегии для разоблачения и низвержения всякого, а прежде всего своего правительства посредством революционных действий интернационально-солидарного пролетариата. Середины тут нет или, другими словами: попытка занять среднюю позицию означает на деле прикрытый переход на сторону империалистской буржуазии.

Том XIII, стр. 194, 1915 г. «Империализм и социализм в Италии».[19])

Та истина, которая была в начале войны теоретическим убеждением немногих, становится до осязательности очевидной для все растущего числа сознательных рабочих, именно: что не мо-

жет быть и речи о серьезной борьбе против войны, о борьбе за уничтожение войн и за создание прочного мира без революционной борьбы руководимых пролетариатом масс каждой страны против своих правительств, без свержения буржуазного господства, без социалистического переворота. И война сама, доводя до неслыханного напряжения силы народов, подводит человечество к этому единственному выходу из тупика, заставляя делать гигантские шаги вперед по пути государственного капитализма, показывая практически, как должно и как можно вести планомерное общественное хозяйство не в интересах капиталистов, а путем экспроприации их, в интересах гибнущих ныне от голода и прочих бедствий войны масс, под руководством революционного пролетариата.

Том XX, ч. 2, стр. 22 — 23. «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны, и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств». [30])

ЗНАЧЕНИЕ ВОЙНЫ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, объективное положение империалистических стран, впутавшихся в эту войну, доведших до голода, разорения и одичания самые передовые страны, — положение объективно безвыходное. И тут надо сказать то, что 30 лет тому назад, в 1887 году, говорил Фридрих Энгельс, оценивая вероятную перспективу европейской войны. Он рассказывал о том, как короны будут дюжинами валяться в Европе, и никто не захочет поднимать их; он говорил о том, какая неимоверная разруха станет судьбой европейских стран, и как конечным результатом ужасов европейской войны может стать лишь одно, он выразился так: «Либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой». На этот счет Энгельс выражался чрезвычайно точно и осторожно. В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лжеумствования, утверждая, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что всякая война, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучение, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови... Он говорил, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, но что это будет «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой». То-есть, следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только

подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса, и переход к тому положению, когда он возьмет в свои руки власть для создания социалистического общества.

Том XV, стр. 138—139, 8 марта 1918 г. «Доклад об изменении партийной программы и названия партии».[63])

Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о долгих муках родов, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше — добавим от себя — вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть особенно тяжелый случай родов.

В ясном сознании этого факта, Энгельс особенно осторожно говорит о рождении социализма гибнущим в всемирной войне капиталистическим обществом. «Только один результат (всемирной войны), — говорит он, — абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса».

Еще яснее эта мысль выражена в конце предисловия, разбираемого нами:

... «В конце трагедии вы (капиталисты и помещики, короли и государственные мужья буржуазии) будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все же таки неизбежна».

Трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болезни или смертельного исхода во много раз. Но если отдельные люди гибнут от родов, новое общество, рождаемое старым укладом, не может погибнуть, и его рождение станет лишь более мучительным, более затяжным, рост и развитие более медленным.

Конец войны еще не наступил. Всеобщее истощение уже наступило. Из двух непосредственных результатов войны, предсказанных Энгельсом условно (либо уже завоеванная победа рабочего класса, либо создание условий ее неизбежности, вопреки всем трудностям), из этих двух условий налицо теперь, к половине 1918 года, оба.

В одной, наименее развитой из капиталистических стран победа рабочего класса уже завоевана. В остальных, с неслыханным усилием неслыханных мук, создаются условия, делающие эту победу «все ж таки неизбежной».

Том XV, стр. 362—363, 29 июня 1918 г. «Пророческие слова».[70])

Фридриху Энгельсу случилось в 1887 году писать о грядущей всемирной войне в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма: «На память немецким убийцам-патриотам 1806—1807 годов» («Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807»). (Эта брошюра составляет выпуск XXIV «Соц.-дем. библиотеки», выходившей в 1888 году в Геттингене — Цюрихе).

Вот как судил, свыше тридцати лет тому назад, Фридрих Энгельс о грядущей всемирной войне:

... «Для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до девяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, — голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; — все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны, абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы, — только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И, если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем (uns kann es recht sein). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки (doch) неизбежна».

Фридрих Энгельс.

Лондон, 15 декабря 1887 г.

Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа! Сколько почерпнули бы отсюда те,

кто предается теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, умели мыслить, были способны мыслить!

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития! Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние.

... «Может быть война на время отбросит нас на задний план»... Дело пошло именно по этой линии, но еще дальше и еще хуже: часть «отброшенных назад» социал-шовинистов и их бесхарактерных «полупротивников», каутскианцев, стали восхвалять свое попятное движение, превратились в прямых изменников и предателей социализма.

... «Может быть, война отнимет у нас некоторые завоеванные уже позиции»... Целый ряд «легальных» позиций был отнят у рабочего класса. Зато он закален испытаниями и получает жестокие, но полезные уроки нелегальной организации, нелегальной борьбы, подготовки своих сил к революционному штурму.

... «Короны валяются дюжинами»... Несколько корон уже свалились, и из них одна такая, какая стоит дюжины других: корона самодержца всероссийского Николая Романова.

... «Абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится»... После четырех лет войны эта абсолютная невозможность, если позволительно так сказать, еще абсолютнее.

... «Безнадежная путаница нашего искусственного механизма торговли, промышленности и кредита»... В конце четвертого года войны это сказалось полностью на одном из самых больших и самых отсталых государств, втянутых капиталистами в войну, — на России. Но разве растущий голод в Германии и Австрии, недостаток одежды, сырья, изнашивание средств производства не показывают, что с громадной быстротой такое же положение надвигается и на другие страны?

Энгельс рисует последствия, вызываемые только «внешней» войной; он не касается внутренней, т.-е. гражданской, войны, без которой не обходилась еще ни одна великая революция в истории, без которой не мыслил себе перехода от капитализма к социализму ни один серьезный марксист. И если внешняя война может еще известное время тянуться, не вызывая «безнадежной путаницы» в «искусственном механизме» капитализма, то очевидно, что гражданская война без такого последствия совсем уже немыслима.

Том XV, стр. 360—361, 29 июня 1918 г. «Пророческие слова».[79])

РАЗОБЛАЧЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Империалистическая война 1914—1918 гг. раз-навсегда доказала, даже отсталым рабочим, в самых свободных республиках, что настоящая буржуазная демократия носит характер диктатуры буржуазии. Для обогащения немецких и английских миллионеров и миллиардеров десятки миллионов людей были убиты, а в самых свободных республиках была установлена военная диктатура буржуазии. Эта военная диктатура продолжает существовать в странах Антанты и после победы над Германией. Именно война раскрыла рабочим глаза более, чем что-либо другое; она сорвала с буржуазной демократии ложные прикрасы и открыла народу всю бездну спекуляции и погони за наживой, которые проявились во время войны и в связи с нею. Во имя свободы и равенства вела буржуазия эту войну, во имя свободы и равенства невероятно обогатились военные поставщики. Никакие усилия желтого бернского Интернационала не помогут скрыть от масс теперь окончательно вскрытый эксплоататорский характер буржуазной свободы, буржуазного равенства и буржуазной демократии.

Том XVI, стр. 41, 1919 г. «Тезисы к докладу о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата».[74])

Пролетариат усваивает себе теперь, среди ужасов империалистской войны, — вполне и наглядно ту великую истину, которой учат все революции, истину, которую завещали рабочим их лучшие учителя, основатели современного социализма. Эта истина — та, что не может быть успешной революции без подавления сопротивления эксплоататоров.

Том XVI, стр. 411, 20 августа 1918 г. «Письмо к американским рабочим».[72])

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА КОЛОНИИ.

Империалистская война помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности солдат для участия в этой империалистской войне. Английская буржуазия внушала солдатам Индии, что дело индусских крестьян защищать Великобританию от Германии, французская буржуазия внушала солдатам из французских колоний, что дело чернокожих защищать Францию. Они учили уменью владеть оружием. Это чрезвычайно полезное уменье, и мы за это буржуазию глубочайше могли бы благодарить, благодарить от имени всех русских рабочих и крестьян, от имени всей русской Красной армии особенно. Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю.

Том XVII, стр. 268, 19 июля 1920 г. «Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала».[79])

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КРИТИКА СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМА.

ЦЕНТРАЛЬНЫМ вопросом, пронизывающим все работы В. Ленина, посвященные революционной тактике в связи с войной, является разоблачение социал-шовинизма, его критика и анализ. Тщательно анализируя каждый новый факт практической деятельности и все важнейшие теоретические выступления оппортунистов, Ленин с колоссальной энергией боролся против социал-шовинизма, против предательской политики социалистов-оборонцев.

Эта ленинская критика ни на ноту не устарела. Ее положения остались полностью верны и для нынешнего периода, который отличается лишь «масштабом» предательства социал-шовинистов. Этот масштаб со времени 1914 г. значительно вырос, превратив политику социал-демократии в социал-империализм.

VI Конгресс Коминтерна главное внимание компартий обращает на разоблачение роли социал-демократии в подготовке новых войн:

«Империалисты могут проводить свою военную политику только благодаря активному сотрудничеству международной социал-демократии. Еще всемирная война 1914—18 г. разоблачила реформистов, как социал-патриотов и шовинистов. С тех пор политика социал-демократии успела вылиться в форму открытого социал-империализма. Вожди социал-демократии и амстердамских профсоюзов являются во всех решающих вопросах не только защитниками, но и активными передовыми бойцами за империализм» (из тез. 5).

Вот почему сегодня приобретает особенно важное знание ленинская критика социал-шовинизма и тактика борьбы против него. Главной задачей этой борьбы и критики у В. Ленина было—сколачивание ядра революционеров для возрождения на действительно революционных основах нового Интернационала и классовое просвещение рабочих масс.

Первая часть задачи достигнута, но требуется еще большая работа, чтобы всю массу членов партий всех секций Коминтерна вооружить ленинской теорией. Те же тезисы VI Конгресса отмечают, что имеется еще целый ряд ошибок и недочетов в работе компартий по военному вопросу (см. § 65—76 этих тезисов).

Вторая часть задачи также еще требует чрезвычайно больших усилий, ибо в рабочем классе имеется еще (и возможны еще рецидивы) неправильное, антипролетарское понимание своей позиции в вопросе о войне. Ибо еще не устранено идейное влияние социал-шовинистов на значительные кадры рабочего класса.

Ленинская критика и разоблачение социал-шовинизма является поэтому теоретическим фундаментом для такой же критики и разоблачения социал-империализма в современных условиях.

Социал-шовинизм не родился внезапно и неожиданно. Он выращивался всей системой взглядов оппортунистических вождей социал-демократии.

I Конгресс Коминтерна, в своей резолюции о Бернской конференции[1], отметил следующее:

«Уже в 1907 году, на международном социалистическом конгрессе в Штуттгарте, когда II Интернационал приступил к разрешению вопроса о колониальной политике и империалистических войнах, выяснилось, что больше половины II Интернационала и большая часть его вождей в этих вопросах стояли гораздо ближе к взглядам буржуазии, чем к коммунистической точке зрения Маркса и Энгельса».

И, все же, Штутгартский конгресс согласился включить в резолюцию поправку, внесенную Лениным и Р. Люксембург. Эта поправка гласит:

«В случае, если война все же разразится, они (социалисты) должны активно выступить за скорейшее окончание ее и стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства».

И Базельский конгресс принял революционный манифест. И «еще в конце июля и в начале августа 1914 года, за 24 часа до объявления мировой войны, руководящие органы и учреждения главных партий II Интернационала продолжали осуждать надвигающуюся войну, как величайшее преступление буржуазии»[2].

В том-то и трудность борьбы против социал-империалистов и важность их разоблачения, что реакционность своих взглядов они прикрывают революционной фразой. И только дело, только факты[3] обнаруживают истинное лицо их. Но когда наступит время фактов и дела, т. е. когда грянет будущая империалистическая война, будет поздно и трудно вести революционную борьбу. Конгресс и поставил перед всеми своими секциями задачу разоблачать социал-империализм сейчас, до возникновения новой войны.

Ленинские статьи окажут первостепенную помощь в этой работе.

Разоблачая оппортунистов, В. Ленин говорил:

«Социалисты всего мира торжественно заявили в 1912 г. в Базеле, что они считают грядущую европейскую войну «преступным» и реакционнейшим делом всех правительств, которое должно ускорить крушение капитализма, неминуемо порождая революцию против него. Наступила война, наступил кризис. Вместо революционной тактики большинство с.-д. партий повело реакционную, становясь на сторону своих правительств и своей буржуазии. Эта измена социализму означает крах II (1889—1914) Интернационала, и мы должны дать себе отчет в том, чем вызван этот крах, чем порожден социал-шовинизм, что дало ему силу»[4].

Помочь оставшимся верными пролетариату, отдать себе ясный отчет в причинах краха II Интернационала, в гнуснейшей роли социал-шовинистов — и составляло в тот момент главную заботу Ленина. Вот почему он беспо-

---

[1] Привожу по сборнику «Коммунистический Интернационал и война», ГИЗ, 1928, стр. 34.

[2] Из той же резолюции I Конгресса Коминтерна.

[3] Обращаем внимание на важность изучения и ознакомления с официальными документами главных партий II Интернационала в дни начала войны, напр., по сб. Грюнберга «Интернационал и мировая война». 1919 г.

[4] Том XIII, стр. 102. «Социализм и война». Курсив наш. *Ф. Б.*

щадно, с революционным напором и глубоким теоретическим обоснованием, выставляет перед пролетариатом гниющее тело социал-демократии.

Война в этом отношении сыграла положительную роль, ускорив размежевание революционных элементов в рядах социал-демократии от оппортунистов:

«Европейская война принесла ту великую пользу международному социализму, что наглядно вскрыла всю степень гнилости, подлости и низости оппортунизма, дав тем великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза»[1]. И в другом месте: «Одним из полезных результатов ее (войны) будет, несомненно, то, что война эта убьет и оппортунизм и анархизм»[2].

С первого же дня войны социал-демократия в лице большинства своих вождей и идущих за ними масс, членов партии, изменила делу пролетариата. Измена эта вдесятеро раз гнусней потому, что поведение социал-демократии в корне противоречило ее собственным решениям, принятым до войны. На этих решениях Ленин неоднократно останавливался с тем, чтобы еще рельефнее подчеркнуть пропасть и болото, в которое упала социал-демократия.

Еще вчера, накануне войны, социал-демократия голосовала за тактику, которая единственно правильно разрешила бы пролетарские задачи в империалистической войне. Это — основные решения II Интернационала, в частности и в особенности резолюция Базельского конгресса: ...«эта резолюция представляет собою самое точное и полное, самое торжественное и формальное изложение социалистических взглядов на войну и тактики по отношению к войне»[3].

Величайшее преступление оппортунистов заключается в том, что они изменили этой ими же принятой резолюции. Больше того, «ни Гайдман. ни Гэд, ни Каутский, ни Плеханов не решаются напомнить своим читателям эту резолюцию, а либо совершенно молчат о ней, либо цитируют (подобно Каутскому) второстепенные места, обходя все существенное»[4].

Ленин дальше доказывает, что Базельский манифест — не отвлеченный документ, а решение, равнявшееся именно на такую ситуацию, которая создалась с момента войны. Он задает себе вопрос: «Но, может быть, Базельский манифест представляет из себя какое-нибудь бессодержательное воззвание, в котором нет никакого точного содержания, ни исторического, ни тактического, относящегося безусловно к данной конкретной войне?»[5]. И на этот вопрос Ленин отвечает: «Базельская резолюция говорит именно о той самой войне, которая и наступила, именно о тех самых империалистических конфликтах, которые разразились в 1914 — 1915 гг.»[6].

Ленин конкретизирует этот вопрос: «Но, может быть, искренние социалисты стояли за Базельскую резолюцию в предвидении того, что война создаст революционную ситуацию, события опровергли их, и революция оказалась невозможной?»[7]. Ответ гласит недвусмысленно: ...«революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо. В этом отношении предвидение Базельского манифеста оправдалось вполне»[8].

---

[1] «Ленинский сборник», т. II, стр. 223.
[2] Там же.
[3] Том XIII, стр. 106. «Социализм и война».
[4] Том XIII, стр. 135. «Крах II Интернационала».
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 136.
[7] Там же, стр. 138.
[8] Там же, стр. 142.

Итак, все было достаточно предусмотрено. Требовалось только одно — честное революционное выполнение принятого решения. В действительности же решения остались на бумаге, ибо за них голосовали для виду, не веря в них, не собираясь на деле выполнять взятые на себя обязательства.

Но вся сила разоблачения Лениным социал-шовинизма в годы войны не только в том, что он доказал его измену своим же прежним решениям, а в том, что он вскрыл корни социал-шовинизма.

Что же представляет из себя социал-шовинизм? Как основное для характеристики социал-шовинизма Ленин берет его идею «обороны отечества». Он говорит: «Социал-шовинизм есть защита идеи «обороны отечества» в данной войне[1]. Эта идея — определяющая, так как из нее вытекает отказ от классовой борьбы во время войны, требование гражданского мира. Эта идея определяющая, так как в империалистической войне она означает защиту своей буржуазии, отстаивание для нее права грабить колонии и угнетать чужие народы.

В лозунге «обороны отечества» наиболее ярко выявилась вся предательская тактика социал-шовинизма, его природа и измена социализму.

Вся дальнейшая политика социал-демократов после мировой войны и в нынешние дни есть лишь наглядное, повседневное подтверждение этой характеристики, данной В. Лениным. И не только подтверждение, но и чрезвычайно быстрое, откровенное и окончательное перерастание в социал-империализм. Все известные нам факты лишь свидетельствуют о «непреклонной воле» социал-империалистов продолжать свой путь измены. Приводимые в этой главе оценки В. Ленина целиком и полностью действительны и на сегодняшний день.

Откуда возник социал-шовинизм? Почему вчерашние интернационалисты сегодня стали заурядными патриотами своего буржуазного отечества? В. Ленин в те времена считал нужным ставить этот вопрос, ибо еще не всем было ясно, что между оппортунизмом и социал-шовинизмом надо поставить знак равенства, что второе неизбежно вытекает из первого:

«Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это — одно и то же течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914 — 1915 гг. и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею...»[2].

Каковы важнейшие теоретические основы тактики социал-шовинизма?

Главное и основное — отказ от классового подхода к войне, к ее оценке, к своей позиции во время войны. Классовое содержание данной войны забывается, вернее заменяется буржуазным толкованием этой войны. Ее неприкрыто империалистический характер подменяют «национальными», «общенародными», «освободительными» целями, якобы преследуемыми войной. При этом прибегают к подлогам и передержкам, ссылаясь на авторитет Маркса и Энгельса, ссылаясь на аналогию их тактики в войну 1870 — 1871 гг. с тактикой, диктуемой данной войной. Пытаются механически перенести тактику того периода на совершенно другие политические условия войны 1914 года. Не видят или не хотят видеть разницы между прогрессивным характером войны 1870 — 1871 гг. со стороны Германии (до аннексии Эльзаса и Лотарингии) и реакционным характером империалистической войны. Они забывают о том, что и тогда Маркс и Энгельс, как только со стороны Германии война перешла в «грабеж Франции, они осудили немцев».

---

[1] Том XIII, стр. 100. «Социализм и война».

[2] Том XIII, стр. 166. «Крах II Интернационала».

Такую попытку аналогии с отношением Маркса и Энгельса к войне в 1870—1871 гг. Ленин называет просто «издевательством над истиной».

Отрицание действительного классового содержания войны — главная основа социал-шовинизма. И в этом его общность с оппортунизмом. Но эту основу, естественно, прикрывают «лучшими» чувствами — заботливостью к рабочему классу. И вскрыть оппортунистическую основу, прикрытую громкими революционными фразами, клятвами социализму, являлось для Ленина главной задачей разоблачения социал-шовинизма.

Он разоблачал социал-шовинизм в связи с теорией, что тактика «обороны отечества» способствует победе социализма, так как, де, завоевание социализма зависит от быстрого развития капитализма, а последнему будет способствовать победа, поражение же моей страны «задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма».

И в связи с отрицанием империалистического характера войны и пресловутой теорией Каутского об «ультраимпериализме», В. Ленин в «Крахе II Интернационала» (стр. 148—152) показывает, как Каутский «довольно странным образом» из этой теории выводит оправдание социал-шовинизма: «Из необходимости империализма левые выводят необходимость революционных действий. «Теория ультраимпериализма» служит Каутскому для оправдания оппортунистов, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто «не верят в немедленный социализм»...[1]. Разбирая каждую из этих теорий, Ленин вскрывает их оппортунистическую сущность.

Где и в чем искать корни социал-шовинизма? В чем причина такого расцвета его в мировую войну? «Оппортунизм, — говорит Ленин, — есть принесение в жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных вопросов интересов массы или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным».

Война стала для оппортунизма «стимулом» для быстрого развития и скатывания в буржуазное болото. Война вскрыла с очевидностью назревший уже задолго до войны крах: «Десятилетиями росло противоречие между революционно-социал-демократическими и оппортунистическими элементами внутри европейского социализма. Кризис назрел. Война вскрыла нарыв»[2]. «Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый»[3].

И, в результате войны, мы видим, что социал-шовинизм развернул все свои знамена.

Но было бы ошибочно думать, что социал-демократия, являясь ширмой и агитпропом для империалистической политики своей буржуазии, сама не маскирует свою политику. Не представляло бы никакой трудности вырвать массы из-под влияния социал-фашистских вождей, если бы последние выступали с откровенно империалистическими целями. В том-то и трудности для компартий, что эти цели прикрываются такими лозунгами, которые еще находят сторонников и добросовестно заблуждающихся защитников в среде рабочего класса.

В. Ленин неоднократно вскрывал, под прикрытием каких лозунгов, под каким «соусом» выступали социал-шовинисты, чтобы свести рабочий класс с правильных рельс на рельсы защиты своей буржуазии. Тут на сцену выступают разнообразнейшие методы: одни ссылаются на то, что они-де поддерживают войну, так как борются против русского

[1] Том XIII, стр. 166.
[2] Там же, стр. 64. «Софизмы социал-шовинистов».
[3] Там же, стр. 103. «Софизм и война».

царизма; другие ссылаются на то, что виноват зачинщик войны, т.-е. напавший первым. В. Ленин писал: «Едва ли не всех примитивнее теория «защитника». На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира. Это перепев заявлений всех правительств».

Сейчас социал-демократия пытается еще более замаскировать буржуазный характер основной линии своей позиции.

Для этого в борьбе буржуазных стран между собою используется ряд «софизмов», например: «защита жизни и собственности», «охрана торговли», «охрана флага» — в Китае в 1927 г.; изображение Марокко «нападающей стороной» в 1925 г.; провозглашение французскими социалистами лозунга борьбы против реакционного фашизма в войне против Италии и лозунг «за ослабление перенаселенности» в устах итальянских социал-империалистов в войне против Франции. Особенно они будут изощряться для подыскания «хитроумных» лозунгов в борьбе против нас, вроде «войны за мир», «против большевизма — за цивилизацию» и т. д.

Спекуляция на классовой несознательности — вот основной смысл этих «частных» лозунгов, стремящихся оправдать буржуазную политику.

Но лейт-мотивом всех этих «объяснений» и «программ» изменнической деятельности являлся, является и будет являться лозунг «защиты отечества».

VI Конгресс в цитированных выше не раз тезисах уделяет этому вопросу громадное внимание. В § 10 этих тезисов мы читаем:

«От принципиальной позиции пролетариата по отношению к определенной войне зависит также его позиция в вопросе о «защите отечества». Пролетариат не имеет отечества, пока он не завоевал политической власти и не вырвал средств производства из рук эксплоататоров. Выражение «защита отечества» — это наиболее ходячее, общеупотребительное, иногда простообывательское выражение, означающее оправдание войны. В войнах, которые ведет против империализма сам пролетариат или пролетарское государство, пролетариат должен защищать социалистическое отечество. В национально-революционных войнах пролетариат выступает в защиту страны от империализма. Но в империалистических войнах он должен энергичнейшим образом клеймить «защиту отечества», как защиту эксплоатации и измену социализма».

В. Ленин прекрасно видел это основное звено революционной тактики. Вот почему он и направляет свое главное внимание на разоблачение стержневого вопроса социал-шовинистской тактики — на пресловутый лозунг «защиты отечества».

Что значит для пролетариата этот лозунг? «Признание «защиты отечества» есть оправдание, с точки зрения пролетариата, данной войны, признание ее законности. А так как война остается империалистской (и при монархии и при республике) независимо от того, где стоят неприятельские войска в данный момент, в моей или чужой стране, — то признание защиты отечества есть на деле поддержка империалистской, грабительской буржуазии, полная измена социализму» [1].

Прежде всего В. Ленин разъясняет, что вопрос об отечестве «нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны» [2]. В то время как К. Маркс говорит: «рабочие не имеют отечества», оппортунисты обманывают пролетариат, «перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма» [3]. Эту мысль мы

[1] Том XV, стр. 457. «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

[2] Том XIII, стр. 15. «Положение и задачи социалистического интернационала».

[3] Там же.

встречаем у В. Ленина в различных вариациях. Чем объяснить упорное стремление оппортунистов использовать такой метод, перенося на нынешнюю эпоху тактику, предлагавшуюся Марксом для совершенно другой эпохи? В. Ленин дает этому объяснение: «Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата» [1].

Чтобы не быть неправильно понятым, В. Ленин подчеркивает, что большевики не против национально-освободительной войны, они не отвергают возможности, когда пролетариат должен поддерживать такую войну: ...«фразы о защите отечества суть обман народа, ибо эта война не национальная. В действительно-национальной войне слова «защита отечества» вовсе не обман, и мы вовсе не против нее. Такие (действительно национальные) войны имели место, особенно в 1789—1871 гг.» [1].

Но сейчас, в данной (1914—1918 гг.) войне этот лозунг—обман, измена, предательство.

Сказанное В. Лениным о лозунге «защита отечества» целиком и полностью сохраняет свое первостепенное значение и для нынешнего этапа борьбы коммунистов за завоевание масс через разоблачение империалистской сущности социал-демократии.

Другой вопрос, на котором спекулируют социал-шовинисты, — вопрос о мире и аннексиях [2]. «Одной из форм одурачивания рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира» [3].

В этом вопросе нужно различать две стороны. Во-первых, проповедь мира, пацифистский обман рабочего класса во время войны и, во-вторых, эта проповедь — в период назревания новых империалистских войн. В. Ленин уделял свое внимание, главным образом, первой стороне дела. Ибо тогда — это была со стороны оппортунистов прямая измена революционным задачам пролетариата: проповедь мира во время империалистической войны ведет к смазыванию классовой борьбы, ведет к срыву революции, к срыву превращения империалистской войны в гражданскую.

Конечно, настроения широких масс против войны выражаются на первых порах в чаяниях скорейшего мира. Обман оппортунистов состоит в том, что они эти настроения направляют не в ту сторону, питая в массах иллюзии, что будто бы возможен «мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами» [4].

Возможен ли мир? На это Ленин отвечал: или империалисты заключат между собою империалистский мир (такой мир поддерживают оппортунисты), и это будет грабительский мир, мир на основе грабежа победителями побежденных; или рабочий класс заключит «прочный и демократический мир через гражданскую войну против правительства (такой мир признают революционные социалисты)».

Каково же должно быть отношение к миру? «Программа мира» социал-демократов должна состоять прежде всего в разоблачении лицемерия буржуазных социал-шовинистских и каутскианских фраз о мире... «Программа мира» революционных социалистов должна состоять в пропаганде и организации борьбы против своей буржуазии, в классовой борьбе за революцию,

---

[1] Том XIII, стр. 48. «Конференция заграничных секций РСДРП».

[2] Том XII, стр. 342. «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме».

[3] Кроме материалов, помещенных в данной главе, отсылаем читателя ко II Ленинскому сборнику, стр. 195—196, 207—208.

[4] Том XIII стр. 51. «Конференция заграничных секций РСДРП».

[5] Там же, стр. 108. «Социализм и война».

которая только и сможет дать подлинный, демократический мир. Мир, как говорит Ленин, надо искать «в социалистической революции пролетариата». Так Ленин, разоблачением классовой сущности социал-шовинизма, его общности с оппортунизмом, его корней, лозунгов, попыток оправдания отхода от социализма, — вскрывает подлинное лицо социал-демократии. Значение этих мест из Ленина в настоящее время не только не уменьшилось, а наоборот, увеличилось. Перед всеми компартиями задача разоблачения социал-шовинизма стоит как первостепенная задача. От этого в значительной степени зависит успех завоевания рабочих масс. Вооружиться тактикой Ленина — основное условие для правильной тактики.

В заключение этой главы мы даем ряд выдержек из статей и речей В. Ленина, написанных и сказанных им после Февральской революции для анализа и критики позиции меньшевиков, эсэров и др. русских оппортунистов в вопросе о войне в условиях происшедшей в России буржуазно-демократической революции. Из всех этих материалов становится совершенно неоспоримым, что русские оппортунисты ни на шаг не отошли от общих для всего международного оппортунизма ошибок и предательской политики.

И тем более изменнической является политика русских оппортунистов, что они прикрывали правительство, лично участвуя в нем, что они спекулировали на тех иллюзиях, которые были порождены Февральской революцией в широких трудящихся массах.

Спекулируя на своем революционном прошлом, не раскрывая буржуазного характера «нового» строя в России, оппортунисты тем самым вели массы на продолжение защиты прежних, дофевральских целей войны.

Политика оппортунистов в России после Февральской революции есть лучшая иллюстрация развернутой измены и предательства. И В. Ленин беспощадно разоблачал эту политику и тем самым завоевывал массы для активного проведения той действительно пролетарской политики, к которой он звал рабочие массы всех стран до Февральской революции и которая на деле стала проводиться в жизнь русским пролетариатом после Февральского переворота превращением империалистической войны в войну гражданскую.

II Интернационал до мировой войны.

ПЕРВЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСУ О ВОЙНЕ.

Переходим к последней и едва ли не самой важной резолюции конгресса: по вопросу об антимилитаризме. Пресловутый Эрве, много нашумевший во Франции и в Европе, защищал по этому вопросу полуанархическую точку зрения, наивно предлагая «ответить» на всякую войну стачкой и восстанием. Он не понимал, с одной стороны, того, что война есть необходимый продукт капитализма, и пролетариат не может зарекаться от участия в революционной войне, ибо возможны такие войны и бывали такие войны в капиталистических обществах. Он не понимал, с другой стороны, того, что возможность «ответить» на войну зависит от характера того кризиса, который война вызывает. В зависимости от этих условий стоит выбор средств борьбы, причем эта борьба должна состоять (это — третий пункт недоразумений или недомыслия эрвеизма) не в одной замене войны миром, а в замене капитализма

социализмом. Не в том суть, чтобы помешать только возникновению войны, а в том, чтобы использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии. Но за всеми полуанархическими нелепостями эрвеизма таилась одна практически верная подкладка: дать толчок социализму в том смысле, чтобы не ограничиваться парламентскими только средствами борьбы, чтобы развить в массах сознание необходимости революционных приемов действия в связи с теми кризисами, которые война несет с собой неизбежно, — в том смысле, наконец, чтобы распространить в массах более живое сознание международной солидарности рабочих и лживости буржуазного патриотизма.

Резолюция Бебеля, которую предложили немцы и которая во всем существенном совпадала с резолюцией Геда, страдала именно тем недостатком, что не содержала в себе никакого указания на активные задачи пролетариата. Это давало возможность читать ортодоксальные положения Бебеля сквозь оппортунистические очки. Фольмар немедленно превратил эту возможность в действительность.

Поэтому Роза Люксембург и русские делегаты с.-д. внесли свои поправки к резолюции Бебеля. В этих поправках: 1) говорилось, что милитаризм есть главное оружие классового угнетения; 2) указывалась задача агитации среди молодежи; 3) подчеркивалась задача социал-демократии не только бороться против возникновения войн или за скорейшее прекращение начавшихся уже войн, но и за то, чтобы использовать создаваемый войной кризис для ускорения падения буржуазии.

Все эти поправки подкомиссия (выбранная комиссией по вопросу об антимилитаризме) включила в резолюцию Бебеля. Кроме того, Жорес предложил счастливый план: вместо указания средств борьбы (стачка, восстание) указать исторические примеры борьбы пролетариата против войны, начиная с демонстраций в Европе и кончая революцией в России. В результате всей этой переработки вышла резолюция, правда непомерно длинная, но зато действительно богатая мыслями и точно указывающая задачи пролетариата. В этой резолюции строгость ортодоксального, т.-е. единственно научного, марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы. По-фольмаровски нельзя читать этой резолюции, как нельзя и вместить ее в узенькие рамки наивного эрвеизма [1].

Том VIII, стр. 502—503, ноябрь 1907 г. «Международный социалистический конгресс в Штуттгарте». [2])

---

[1] См. также т. XX, ч. I, стр. 268 — 269, в статье «Международный социалистический конгресс в Штуттгарте».

БАЗЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС О ВОЙНЕ.

Манифест о войне, принятый единогласно в 1912 г. в Базеле, имеет в виду как раз ту войну между Англией и Германией, с их теперешними союзниками, которая и разразилась в 1914 г. Манифест прямо заявляет, что никакой народный интерес не может оправдать такой войны, ведущейся «ради прибылей капиталистов и выгод династий» на почве империалистской, грабительской политики великих держав. Манифест прямо заявляет, что война опасна «для правительств» (всех без исключения), отмечает их боязнь «пролетарской революции», указывает с полнейшей определенностью на пример Коммуны 1871 г. и октября—декабря 1905 г., т.-е. на пример революции и гражданской войны. Таким образом, Базельский манифест как раз для данной войны устанавливает тактику революционной борьбы рабочих в интернациональном масштабе против своих правительств, тактику пролетарской революции. Базельский манифест повторяет слова Штутгарттской резолюции, что, в случае наступления войны, социалисты должны использовать создаваемый ею «экономический и политический кризис» для «ускорения падения капитализма», т.-е. использовать создаваемые войной затруднения правительств и возмущение масс для социалистической революции.

Том XIII, стр. 100—101, август 1915 г. «Социализм и война».[16])

Есть ли фактические данные по вопросу о том, как перед настоящей войной и в предвидении ее смотрели социалистические партии на свои задачи и на свою тактику? Бесспорно, есть. Это — резолюция Базельского международного социалистического конгресса в 1912 году, которую мы перепечатываем вместе с резолюцией Хемницкого германского социал-демократического съезда того же года, как напоминание о «забытых словах» социализма. Подводя итог громадной пропагандистской и агитационной литературе всех стран против войны, эта резолюция представляет собой подчас самое точное и полное, самое торжественное и формальное изложение социалистических взглядов на войну и тактики по отношению к войне. Нельзя назвать иначе как изменой уже тот факт, что ни один из авторитетов вчерашнего Интернационала и сегодняшнего социал-шовинизма, ни Гайндман, ни Гед, ни Каутский, ни Плеханов, не решаются напомнить своим читателям эту резолюцию, а либо совершенно молчат о ней, либо цитируют (подобно Каутскому) второстепенные места ее, обходя все существенное.

Том XIII, стр. 135, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

Может быть, Базельский манифест представляет из себя какое-нибудь бессодержательное воззвание, в котором нет никакого точного содержания, ни исторического, ни тактического, относящегося безусловно к данной конкретной войне?

Как раз наоборот. В Базельской резолюции меньше, чем в других, пустого декламаторства, больше конкретного содержания. Базельская резолюция говорит именно о той самой войне, которая и наступила, именно о тех самых империалистических конфликтах, которые разразились в 1914—1915 гг. Конфликты Австрии и Сербии из-за Балкан, Австрии и Италии из-за Албании и т. д., Англии и Германии из-за рынков и колоний вообще, России с Турцией и проч. из-за Армении и Константинополя — вот о чем говорит Базельская резолюция, что эта война «не может быть оправдана ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса»!

Том XIII, стр. 136, 1915 г. «Крах II Интернационала». [18])

...Но, может быть, искренние социалисты стояли за Базельскую резолюцию в предвидении того, что война создаст революционную ситуацию, а события опровергли их, и революция оказалась невозможной?

Именно таким софизмом пытается оправдать свой переход в лагерь буржуазии Кунов (в брошюре «Крах партии?» и в ряде статей), а в виде намеков мы встречаем подобные «доводы» почти у всех социал-шовинистов с Каутским во главе. Надежды на революцию оказались иллюзией, а отстаивать иллюзии не дело марксиста, рассуждает Кунов, причем сей струвист ни единым словом не говорит об «иллюзии» всех подписавших Базельский манифест, а, как отменно-благородный человек, старается свалить дело на крайних левых, вроде Паннекука и Радека!

Рассмотрим по существу тот довод, что авторы Базельского манифеста искренно предполагали наступление революции, но события опровергли их. Базельский манифест говорит — 1) что война создаст экономический и политический кризис; 2) что рабочие будут считать свое участие в войне преступлением, преступной «стрельбой друг в друга ради прибылей капиталистов, ради честолюбия династии, ради выполнения тайных дипломатических договоров», что война вызывает среди рабочих «негодование и возмущение»; 3) что указанный кризис и указанное душевное состояние рабочих социалисты обязаны использовать для «возбуждения народа и для ускорения краха капитализма»; 4) что «правительства» — все без исключения — не могут начать войны «без опасности для себя»; 5) что правительства «боятся пролетарской революции»; 6) что правительствам «следует вспомнить» о Па-

рижской Коммуне (т.-е. о гражданской войне), о революции 1905 года в России и т. д. Все это — совершенно ясные мысли; в них нет р у ч а т е л ь с т в а, что революция будет; в них положено ударение на точную характеристику ф а к т о в и т е н д е н ц и й. Кто по поводу таких мыслей и рассуждений говорит, что ожидавшееся наступление революции оказалось иллюзией, тот обнаруживает не марксистское, а струвистское и полицейски-ренегатское отношение к революции.

Том XIII, стр. 138—139, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

Сущность социал-шовинизма.

ПОВЕДЕНИЕ СОЦАИЛИСТОВ—ПРЯМАЯ ИЗМЕНА СОЦИАЛИЗМУ.

2) Поведение вождей немецкой с.-д. партии II Интернационала (1889—1914 г.), голосовавших за военный бюджет и повторяющих буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой с.-д. партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национально-либеральную политику.

3) Такового же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской с.-д. партии, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства.

Том XX, ч. 1, стр. 465, август 1914 г. «Тезисы по поводу настоящей войны». [6а])

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий — в особенности немецкой — граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914 г.), социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс с л и т ь свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и

влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения.

Том XIII, стр. 7, 1 ноября 1914 г. «Война и российская социал-демократия». [7])

Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Том XIII, стр. 7, 1 ноября 1914 г. «Война и российская социал-демократия». [7])

СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ ЕСТЬ ОТКАЗ ОТ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ.

Социал-шовинизм есть защита идеи «обороны отечества» в данной войне. Из этой идеи вытекает, далее, отказ от классовой борьбы во время войны, вотирование военных кредитов и т. п. На деле социал-шовинисты проводят антипролетарскую, буржуазную политику, ибо на деле отстаивают они не «оборону отечества» в смысле борьбы с чуженациональным гнетом, а «право» тех или иных «великих» держав грабить колонии и угнетать чужие народы. Социал-шовинисты повторяют буржуазный обман народа, будто война ведется из-за защиты свободы и существования наций, и тем переходят на сторону буржуазии против пролетариата. К социал-шовинистам принадлежат как те, которые оправдываются и прикрашивают правительства и буржуазию о д н о й из воюющих групп держав, так и те, кто, подобно Каутскому, признают одинаковое право социалистов во всех воюющих державах «защищать отечество». Социал-шовинизм, будучи на деле защитой привилегий, преимуществ, грабежей и насилий «своей» (или всякой вообще) империалистской буржуазии, представляет из себя полную измену всем социалистическим убеждениям и решению Международного социалистического конгресса в Базеле.

Политика социал-шовинистов, их оправдание войны с буржуазно-освободительных точек зрения, их допущение «защиты отечества», голосование за кредиты, вступления в министерство и проч. и проч. есть прямая измена социализму, объясняемая лишь, как увидим ниже, победой оппортунизма и национал-либеральной рабочей политики внутри большинства европейских партий

Том XIII, стр. 100—101, август 1915 г. «Социализм и война». [16])

СОЦИАЛИСТЫ НА ДЕЛЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ СВОИХ ПРЕЖНИХ ВЗГЛЯДОВ.

Первый раз в мировой истории социалисты всех воюющих стран, задолго до войны, собираются вместе и заявляют: мы используем войну «для ускорения краха капитализма» (1907 г., резолюция в Штутгарте). Значит, они признают созревшими объективные условия для такого «ускорения краха», т.-е. для социалистической революции. Значит, они грозят правительствам революцией. В Базеле (1912 г.) это сказали еще яснее, ссылаясь на Коммуну и на октябрь — декабрь 1905 г., т.-е. на гражданскую войну.

Когда война разразилась, социалисты, грозившие правительствам революцией и звавшие пролетариат на революцию, начинают ссылаться на то, что было полвека назад, и оправдывают поддержку социалистами правительств и буржуазии. Тысячу раз прав марксист Гортер, когда в своей голландской брошюре: «Империализм, всемирная война и социал-демократы» (стр. 84) сравнивает «радикалов» типа Каутского с либералами 1848 года, храбрыми на словах и изменниками на деле.

СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ СОВПАДАЕТ С ОППОРТУНИЗМОМ.

Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистской войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д. Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это — одно и то же течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914—1915 гг. и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя притом к обычным факторам и стимулам ее целый ряд экстраординарных, принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилием: это обстоятельство, естественно, увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне объясняя переметывание многих вчерашних радикалов в этот лагерь.

Том XIII, стр. 165—166, 1915 г. «Крах II Интернационала».[19])

ЕДИНСТВО СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМА И ОППОРТУНИСТОВ РАЗНЫХ ОТТЕНКОВ.

В том-то и состоит традикомедия выступлений Турати и Каутского, что они не понимают той действительной, объективной политической роли, которую они играют,

роли попиков, утешающих народы, вместо того, чтобы поднимать их на революцию, роли буржуазных адвокатов, которые пышными фразами о всяких хороших вещах вообще и о демократическом мире в особенности затушевывают, прикрывают, прикрашивают, приодевают отвратительную наготу торгующего народами и кромсающего страны империалистского мира.

В том-то и состоит принципиальное единство социал-шовинистов (Плеханов и Шейдеман) и социал-пацифистов (Турати и Каутского), что и те, и другие объективно представляют из себя услужающих империализма: одни «служат» ему, прикрашивая империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», другие служат тому же империализму, прикрашивая фразами о демократическом мире назревающий и подготовляемый империалистический мир.

Империалистской буржуазии нужны лакеи обоих видов и оттенков: Плехановы — чтобы криками «долой завоевателей» поощрять продолжение бойни, Каутские — чтобы сладеньким воспеванием мира утешать и успокаивать слишком озлобленные массы.

Поэтому и общее объединение социал-шовинистов всех стран с социал-пацифистами, — тот общий «заговор против социализма», о котором говорит одно обращение Международной социалистической комиссии в Берне, та «всеобщая амнистия», о которой не раз говорили мы, — не будет случайностью, а лишь проявлением принципиального единства обоих этих направлений мирового тоже «социализма». Не случайно, что Плеханов в одно и то же время исступленно кричит об «измене» Шейдеманов и намекает на мир и единство с этими господами, когда придет тому время.

Буржуазные реформисты и пацифисты суть люди, которым, по общему правилу, в той или иной форме, платят за то, чтобы они укрепляли господство капитализма посредством починочек его, чтобы они усыпляли народные массы и отвлекали их от революционной борьбы. Когда такие «вожди» социализма, как Турати и Каутский, посредством ли прямых заявлений (одним из них «обмолвился» Турати в своей печально-знаменитой речи 17 декабря 1916 года) или посредством умолчаний (на них такой мастер Каутский), внушают массам мысль о возможности демократического мира, вырастающего из теперешней империалистской войны, при сохранении буржуазных правительств, без революционного восстания против всей сети империалистских мировых соотношений, — тогда мы обязаны заявить, что подобная проповедь есть обман народа, что она не

имеет ничего общего с социализмом, что она сводится к подкрашиванию *империалистского* мира.

Том XIII, стр. стр. 486—487, 488—489, 31 января 1917 г. «Поворот в мировой политике».[29])

...8) Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент — трудовики, с.-р. «Наша Заря», фракция Чхеидзе, О. К., г. Плеханов и т. п.

Том XIV, ч. 1, стр. 184, 13 мая 1917 г. Или дополнительный тираж, стр. 188, т. XIV, ч. 1. «Какие заявления делала наша партия о войне перед революцией».[43])

Итак, интернационализм Каутского и меньшевиков состоит вот в чем: от империалистического буржуазного правительства требовать реформы, но продолжать его поддерживать, продолжать поддерживать ведомую этим правительством войну, пока все воюющие не приняли лозунга: без аннексий и контрибуций. Такой взгляд выражали неоднократно и Турати, и каутскианцы (Гаазе и др.), и Лонгэ с К°, заявлявшие, что мы-де за «защиту отечества».

Теоретически, это — полное неумение отделиться от социал-шовинистов и полная путаница в вопросе о защите отечества. Политически, это — подмена интернационализма мещанским национализмом и переход на сторону реформизма, отречение от революции.

Том XV, стр. 457, ноября 1918 г. Основное издание т. XV, стр. 492. «Пролетарская революция и ренегат Каутский».[72])

Те социалисты, кои во время войны 1914—1918 гг. не поняли, что это война преступная, реакционная, грабительская, империалистская с обеих сторон, суть социал-шовинисты, т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле; друзья рабочего класса на словах, а на деле лакеи «своей» национальной буржуазии, помогающие ей обманывать народ, изображая «национальной», «освободительной», «оборонительной», «справедливой» и т. п. войну между английской и германской группой империалистов-хищников, *равно* грязных, корыстных, кровавых, преступных, реакционных.

Единство с социал-шовинистами есть предательство революции, предательство пролетарирата, предательство социализма, переход на сторону буржуазии, ибо это есть «единство» с национальной буржуазией «своей» страны против единства интернационального революционного пролетариата, есть единство с буржуазией против пролетариата.

Война 1914—1918 гг. окончательно доказала это. Кто этого не понял, тот пусть остается в желтом Бернском «Интернационале» социал-предателей.

Том XVI, стр. 272—273, 1 августа 1918 г. «О задачах III Интернационала».[75])

О ПОПЫТКАХ ОПРАВДАТЬ СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ ССЫЛКАМИ НА МАРКСА.

Социал-шовинисты русские (с Плехановым во главе) ссылаются на тактику Маркса в войне 1870 года; немецкие (типа Ленча, Давида и К°) — на заявления Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией вместе; наконец, социал-шовинисты типа Каутского, желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно, от 1854—1855 до 1870—1871 и 1876—1877 гг., на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разражалась.

Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов Гильома и К° искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма. Война 1870—1871 гг. была исторически-прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И, как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев. Да и в начале этой войны Маркс и Энгельс одобряли отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты и советовали с.-д. не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата. Перенесение оценки этой войны, буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной, на современную империалистскую войну есть издевательство над истиной. То же относится с еще большей силой к войне 1854—1855 гг. и всем войнам XIX века, когда не было ни современного империализма, ни созревших объективных условий социализма, ни массовых социалистических партий во всех воюющих странах, т.-е. не было именно тех условий, из которых Базельский

манифест выводил тактику «пролетарской революции» в связи с войной между великими державами.

Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи прогрессивной буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества» — словах, относящихся именно к эпохе реакционной, отжившей буржуазии, к эпохе социалистической революции, тот бесстыдно искажает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной.

Том XIII, стр. 101—102, 1915 г. «Социализм и война».[16])

Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, то-есть империалистической, то-есть ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии — значит сравнивать аршины с пудами. Это похоже на сравнение «представителей буржуазии» Робеспьера, Гарибальди, Желябова с «представителями буржуазии» Мильераном, Саландрой, Гучковым. Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом. И нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского, говорящих о «защите отечества» по поводу удушения немецкими империалистами Бельгии или по поводу сделки империалистов Англии, Франции, России и Италии о грабеже Австрии и Турции.

Еще одна «марксистская» теория социал-шовинизма: социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит, и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма. Такую, струвистскую, теорию развивает у нас Плеханов, у немцев Ленч и другие. Каутский спорит против этой грубой теории, против прямо защищающего ее Ленча, против прикрыто отстаивающего ее Кунова, но спорит только для того, чтобы добиться примирения социал-шовинистов всех стран на основе более тонкой, более иезуитской шовинистской теории.

Том XIII, стр. 146—147, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

КАУТСКИЙ НЕ ВИДИТ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ДАННОЙ ВОЙНЫ.

Все старые и один новый софизм в защиту социал-шовинизма Каутский свел и подытожил сам следующим образом:

«Это просто не правда, будто война чисто империалистическая, будто альтернатива при наступлении войны стояла так: империализм или социализм, будто социалистические партии и пролетарские массы Германии, Франции, во многих отношениях также Англии без размышления, по одному только призыву горстки парламентариев бросились в объятия империализма, предали социализм и вызывали таким образом беспримернейший во всей истории крах».

Новый софизм и новый обман рабочих: война, изволите видеть, не «чисто» империалистская!

«По вопросу о характере и значении современной войны Каутский колеблется поразительно, причем все время точные и формальные заявления Базельского и Хемницкого съездов обходятся сим партийным вождем так же осторожно, как вор обходит место своей последней кражи. В брошюре о «Национальном государстве и т. д.», писанной в феврале 1915 года, Каутский утверждал, что война «все же в последнем счете империалистская» (стр. 64). Теперь вносится новая оговорка: не ч и с т о империалистская — а какая же еще?

Оказывается, еще — национальная! Каутский договорился до этой вопиющей вещи посредством вот какой «Плехановской» тоже-диалектики:

«Теперешняя война — детище не только империализма, но и русской революции». Он, Каутский, еще в 1904 году предвидел, что русская революция возродит панславизм в новой форме, что «демократическая Россия неизбежно должна сильно разжечь стремления австрийских и турецких славян к достижению национальной независимости ... Тогда и польский вопрос станет острым ... Австрия тогда развалится, ибо с крахом царизма распадется тот железный обруч, который связывает ныне стремящиеся прочь друг от друга элементы» (последняя цитата приводится теперь самим Каутским из его статьи 1904 года) ... «Русская революция ... дала новый могучий толчок национальным стремлениям Востока, прибавила к европейским проблемам азиатские. В с е э т и п р о б л е м ы во время т е п е р е ш н е й войны бурно заявляют о себе и приобретают сугубо решающее значение для настроения н а р о д н ы х масс, в том числе и п р о л е т а р с к и х, тогда как в господствующих классах преобладают империалистские тенденции» (стр. 273, курсив наш).

Вот вам еще образчик проституирования марксизма. Т а к к а к «демократическая Россия» разожгла бы стремления наций на Востоке Европы к свободе (это неоспоримо), п о э т о м у теперешняя война, которая ни одной нации не освобождает, а при всяком исходе многие нации порабощает, не есть «чисто» империалистская война. Т а к к а к «крах царизма» означал бы

распад Австрии в силу недемократичности ее национального строения, поэтому временно окрепший контрреволюционный царизм, грабя Австрию и неся еще большее угнетение нациям Австрии, придал «теперешней войне» не чисто империалистский, а в известной мере национальный характер. Так как «господствующие классы» надувают тупых мещан и забитых крестьян сказками о национальных целях империалистской войны, поэтому человек науки, авторитет «марксизма», представитель II Интернационала вправе примирять массы с этим надувательством посредством «формулы»: у господствующих классов империалистские тенденции, а у «народа» и у пролетарских масс «национальные» стремления.

Диалектика превращается в самую подлую, самую низменную софистику!

Том XIII, стр. 158—159, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

Поэтому вспоминать о том, что война не «чисто» империалистическая, когда речь идет о вопиющем обмане «народных масс» империалистами, заведомо прикрывающими цели голого грабежа «национальной» фразеологией, — значит быть бесконечно тупым педантом или крючкотвором и обманщиком. Вся суть дела именно в том, что Каутский поддерживает обман народа империалистами, когда говорит, что «для народных масс, и пролетарских в том числе, решающее значение имели» национальные проблемы, а для господствующих классов «империалистические тенденции» (стр. 273), и когда «подкрепляет» это якобы диалектической ссылкой на «бесконечно разнообразную действительность» (ст. 274).

Том XIII, стр. 160, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

ТЕОРИЯ «УЛЬТРАИМПЕРИАЛИЗМА» КАК ОПРАВДАНИЕ СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМА.

Самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность, теорией социал-шовинизма является выдвинутая Каутским теория «ультраимпериализма». Вот самое ясное, самое точное и самое новое изложение ее самим автором:

«Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала, — все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистской, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов

между собой общую эксплоатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» («Neue Zeit» № 5, 30/IV 1915 г., стр. 144).

...«Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход теперешней войны. Она может совершенно раздавить слабые зачатки ультраимпериализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также и между финансовыми капиталистами, усиливая вооружения и стремление обогнать в этом друг друга, делая неизбежной вторую всемирную войну. Тогда-то предвидение, которое я формулировал в своей брошюре: «Путь к власти», осуществится в ужасных размерах, увеличится обострение классовых противоречий, а вместе с тем и моральное отмирание» (буквально: отхозяйничание, Abwirtschaftung, «крах капитализма»...) «Надо заметить, что под этим вычурным словечком Каутский разумеет просто-напросто «вражду» к капитализму со стороны «промежуточных слоев между пролетариатом и финансовым капиталом», именно: «интеллигенции, мелких буржуа, даже мелких капиталистов»... «Но война может кончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма». «Ее уроки» (это заметьте!) «могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть». Новая фаза, разумеется, принесет с собой «новые бедствия» для пролетариата, «может быть еще более худшие», но «на время» «ультраимпериализм» «мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма» (стр. 145).

Каким образом выводится из этой «теории» оправдание социал-шовинизма?

Довольно странным — для «теоретика» — именно следующим образом:

Левые социал-демократы в Германии говорят, что империализм и порождаемые им войны не случайность, а необходимый продукт капитализма, приведшего к господству финансового капитала. Поэтому необходим переход к революционной борьбе масс, ибо эпоха сравнительно мирного развития изжита. «Правые» социал-демократы грубо заявляют: раз империализм «необходим», надо быть империалистами и нам. Каутский, в роли «центра», примиряет:

«Крайние левые», — пишет он в своей брошюре: «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (Нюрнберг, 1915 г.), — хотят «противопоставить» неиз-

бежному империализму социализм, т.-е. «не только пропаганду его, которую мы в течение полувека противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь оттолкнуть всякого, кто не верит в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма» (стр. 17, курсив наш).

Говоря о немедленном осуществлении социализма, Каутский «осуществляет» передержку, пользуясь тем, что в Германии, при военной цензуре особенно, нельзя говорить о революционных действиях. Каутский прекрасно знает, что левые требуют от партии немедленной пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не «немедленного практического осуществления социализма».

Из необходимости империализма левые выводят необходимость революционных действий. «Теория ультраимпериализма» служит Каутскому для оправдания оппортунистов, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто «не верят» в немедленный социализм, ожидая, что перед нами «может быть» новая «эра» разоружения и длительного мира. «Теория» сводится к тому и только к тому, что надеждой на новую мирную эру капитализма Каутский оправдывает присоединение оппортунистов и официальных социал-демократических партий к буржуазии и их отказ от революционной (т.-е. пролетарской) тактики во время настоящей бурной эры, вопреки торжественным заявлениям Базельской резолюции!

Заметьте, что Каутский при этом не только не заявляет: новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий, — а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об «осуществимости» новой фазы я еще не могу решить. Да и в самом деле, взгляните на те «тенденции» к новой эре, которые Каутский указал. Поразительно, что к числу экономических фактов автор относит «стремления к разоружению»! Это значит: от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией притупления противоречий, прятаться под сень невинных мещанских разговоров и мечтаний. «Ультраимпериализм» Каутского,— это слово, кстати сказать, совсем не выражает того, что автор хочет сказать, — означает громадное притупление противоречий капитализма. «Ослабление протекционизма в Англии и Америке» — говорят нам. Где же тут хотя бы малейшая тенденция к новой эре? Доведенный до крайности протекционизм Америки ослаблен, но протекционизм остался, как остались и привилегии, предпочтительные тарифы английских колоний в пользу Англии.

Вспомним, на чем основана смена предыдущей, «мирной», эпохи капитализма современною, империалистической: на том, что свободная конкуренция уступила место монополистским союзам капиталистов, и на том, что весь земной мир поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительное мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, причем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т.-е. столь громадных, что они господствуют во всей данной отрасли промышленности, еще не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий (Вероятно, этот процесс ни в Англии, ни в Америке не приостановился? Едва ли даже Каутский решится отрицать, что война ускорила и обострила его.) делает невозможной прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара заставляет от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за передел колоний и сфер влияния. Смешно и думать, что ослабление протекционизма в двух странах может изменить тут что-либо.

Далее, уменьшение вывоза капитала в двух странах за несколько лет. Эти две страны, Франция и Германия, по статистике, например, Хармса в 1912 году имели капиталов за границей приблизительно на 35 миллиардов марок (около 17 миллиардов рублей) каждая, а Англия одна вдвое больше. Рост вывоза капитала никогда не был и не мог быть при капитализме равномерным. О том, чтобы накопление капитала ослабело, или чтобы емкость внутреннего рынка серьезно изменилась, например, крупным улучшением в положении масс, Каутский не может и заикнуться. При таких условиях из уменьшения вывоза капитала за несколько лет в двух странах выводить наступление новой эры никак не приходится.

«Усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала». Это — единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма. Но почему из нее должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных «пушечных» (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, например, Армстронга.

Недавно английский «Экономист» (от 1 мая 1915 г.) сообщал, что прибыли этой фирмы с 606 тысяч фунтов стерлингов (около 6 миллионов рублей) в 1905/6 гг. поднялись до 856 в 1913 г. и до 940 (9 миллионов рублей) в 1914 г. Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все воз-

растает; немецкие капиталисты «участвуют» в делах английской фирмы; английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению — значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их.

Том XIII, стр. 148—152, 1915 г. «Крах II Интернационала». [18])

ОПРАВДАНИЕ СВОЕЙ ТАКТИКИ РЕАКЦИОННЫМ ХАРАКТЕРОМ СТРАН ПРОТИВНИКОВ.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д. заявляем, что такое оправдание считаем простым софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать в России.

Том XIII, стр. 7—8, 1 ноября 1914 г. «Война и российская социал-демократия». [7])

2) Нельзя игнорировать вопрос, кто явился настоящим зачинщиком войны, «тем самым поставив все страны, подвергшиеся военному нападению, в необходимость защищать свою самостоятельность». И на той же странице признание, что «французские империалисты стремились, конечно, через два-три года вызвать

войну»! За это время, изволите видеть, усилился бы пролетариат и шансы на мир! Но мы знаем, что за это время усилился бы любезный сердцу Аксельрода оппортунизм и шансы на его еще более подлую измену социализму. Мы знаем, что десятилетиями трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России, Франции) вооружались для ограбления Германии. Удивительно ли, что два разбойника напали раньше, чем трое успели получить заказанные ими новые ножи? Разве это не софизм, когда фразами о «зачинщиках» замазывается всеми социалистами бесспорно, единогласно признанная в Базеле одинаковая «виновность» буржуазии всех стран?

Том XIII, стр. 39—40, 1 февраля 1915 г. «Русские Зюдекумы». [11])

Едва ли не всех примитивнее теория «зачинщика». На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетарита требуют отпора нарушителям европейского мира. Это — перепев заявлений всех правительств и декламаций всей буржуазной и желтой печати всего мира. Плеханов даже и столь избитую пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя иезуитской ссылкой на «диалектику» во имя учета конкретной ситуации, надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы (см. брошюру Плеханова «О войне», Париж, 1914, и повторение ее рассуждений у Аксельреда в «Голосе», № 86 и 87). В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из «доводов», и еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Плеханов выхватывает цитату из немецкой социал-демократической печати: сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию, — и баста. О том, что русские социалисты много раз разоблачали завоевательные планы царизма насчет Галиции, Армении и т. д., Плеханов молчит. У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики обеих воюющих ныне групп держав.

В применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что «война есть просто продолжение поли-

тики другими» (именно насильственными) «средствами». Такова формулировка Клаузевитца, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время.

Том XIII, стр. 143—144, 1915 г. «Крах II Интернационала». [18])

Корни социал-шовинизма.

(Шовинизм и оппортунизм).

Оппортунисты сорвали решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (так называемой «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; — отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов; — проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества; — ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; — превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвения обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное «дополнение» оппортунизма, — столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т.-е. марксистской точке зрения, — анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса [1].

Том XIII, стр. 9—10, 1 ноября 1914 г. «Война и российская социал-демократия». [7])

[1] См. также том XX, ч. 2, стр. 465 — 466, в статье «Тезисы по поводу настоящей войны».

Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давало им крохи от прибылей своего, национального, капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Империалистская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за привилегии великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса — вот естественное продолжение мелкобуржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней. И, разумеется, сила привычки, рутина сравнительно «мировой» эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них — все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих оппортунизм и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы только на время, якобы только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила так сказать, с основным потоком оппортунизма много новых ручейков и струй, но основной поток не исчез.

Том XIII, стр. 166—167, 1915 г. «Крах II Интернационала». [18])

Влияние войны на развитие оппортунизма.

В прошлую эпоху, до войны, оппортунизм считался нередко хотя и «уклонением», «крайностью», но все же законной составной частью с.-д. партии. Война показала невозможность этого в будущем. Оппортунизм «дозрел», довел до конца свою роль эмиссара буржуазии в рабочем движении ...

Объективные условия конца XIX века особенно усиливали оппортунизм, превращая использование буржуазной легальности в раболепство перед ней, создавая маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партий много мелкобуржуазных «попутчиков».

Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый. При этом военные власти повсюду ввели военные положения и намордник для рабочей массы, старые вожди которой почти поголовно перешли к буржуазии.

Том XIII, стр. 103—104, август 1915 г. «Социализм и война».[18])

Война 1914—1915 гг. есть такой великий перелом истории, что отношение к оппортунизму н е м о ж е т остаться старым. Нельзя сделать небывшим того, что было, и нельзя вычеркнуть ни из сознания рабочих, ни из опыта буржуазии, ни из политических приобретений нашей эпохи вообще — того факта, что оппортунисты в момент кризиса оказались ядром тех элементов внутри рабочих партий, которые перешли на сторону буржуазии. Оппортунизм — если говорить в общеевропейском масштабе — был, так сказать, в юношеском состоянии до войны. С войны он окончательно возмужал, и его нельзя сделать опять «невинным» и юным. Созрел целый общественный слой парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который с р о с с я со своей национальной буржуазией и которого вполне сумела оценить и «приспособить» эта буржуазия. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя — можно и должно безбоязненно итти вперед, от приготовительных, легальных, плененных оппортунизмом, организаций рабочего класса к революционным, умеющим не ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистской измены, организациям пролетариата, вступающего в «борьбу за власть», в борьбу за свержение буржуазии.

Том XIII, стр. 172—173, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

Победа империализма есть начало неизбежного, неминуемого во всех странах раскола социалистов на два лагеря. Кто теперь продолжает говорить о социалистах, как о чем-то целом, как о чем-то таком, что может быть целым, тот обманывает себя и других. Весь ход войны, все два с половиной года войны вызывали этот раскол — с тех пор, как Базельский манифест, который был подписан единогласно, сказал, что эта война на почве империалистского капитализма. В нем, в Базельском манифесте, нет ни одного слова «о защите отечества». Нельзя было иной манифест написать перед войной, — как теперь ни один социалист не предложит написать манифест о «защите отечества» в войне между Японией и Америкой, когда не своей шкуры касается, не

своих капиталистов и не своих министров. Напишите резолюцию для международных съездов! Вы знаете, что война между Японией и Америкой уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна, тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно! Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаково разбойны. О «защите отечества» с обеих сторон будут говорить; это будет или преступно, или это будет страшной слабостью, вызванной «защитой» интересов наших врагов-капиталистов. Вот почему мы говорим, что социализм раскололся бесповоротно. Социалисты ушли целиком от социализма, именно кто перешел на сторону своего правительства или своих банкиров, своих капиталистов, как бы от них ни оттоваривались, как бы их ни осуждали. Дело не в осуждении. Но подчас осуждение того, что немцы поддерживают своих капиталистов, прикрывает защиту того же «греха» со стороны русских! Если вы обвиняете немецких социал-шовинистов, т.-е. людей, которые на словах социалисты — может быть, многие из них в душе социалисты, — а на деле шовинисты, на деле защищают не немецкий народ, а защищают грязных, корыстных и разбойных немецких капиталистов, то не защищайте капиталистов английских и французских и русских. Немецкие социал-шовинисты не хуже тех, которые в нашем министерстве продолжают ту же политику тайных договоров, грабежа и прикрывают это добрыми невинными пожеланиями, в которых много доброго, в которых, с точки зрения масс, я признаю абсолютнейшую искренность, но в которых я не признаю и не могу признать ни единого слова политической правды. Это только ваше желание, а война продолжает оставаться такой же империалистской и за те же тайные договоры! Вы другие народы зовете свергать банкиров, но своих поддерживаете!

Том XIV, ч. 1, стр. 313, 30 июня; 1 и 2 июля 1917 г. «О войне».[46])

Война 1914—1918 гг. окончательно доказала предательство социализма, переход на сторону буржуазии в о ж д е й и в е р х у ш е к пролетариата, всех социал-шовинистов, Гомперсов, Брантингов, Реноделей, Макдональдов, Шейдеманов и т. д., причем разумеется, по косности часть рабочей массы идет некоторое время за этой буржуазной сволочью.

Том XVI, стр. 326—327, сентября 1919 г. «Как буржуазия использует ренегатов».[78])

Разоблачение лозунга «защиты отечества».

Из тех буржуазных и шовинистских софизмов, которыми в особенности одурачивают массы буржуазные партии и прави-

тельства двух главных соперничающих наций континента — германской и французской — и которые рабски повторяют плетущиеся за буржуазией социалистические оппортунисты, как откровенные, так и прячущиеся, — следует, в особенности, отметить и заклеймить следующие: когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, — они лгут, ибо прусское юнкерство с Вильгельмом II во главе и крупная буржуазия Германии всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут при всяком исходе войны направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая — угнетает датчан, поляков и французов (в Эльзас-Лотарингии), ведя наступательную войну против Бельгии и Франции ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который им казался более удобным для использования их последних усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией. Когда французские буржуа ссылаются точно так же на защиту родины и проч., они также лгут, ибо на деле они защищают отсталые в отношении капиталистической техники, более медленно развивающиеся страны, нанимая на свои миллиарды черносотенные банды русского царизма для наступательной войны с целью грабежа австрийских и немецких земель. Обе воюющие группы наций не уступают друг другу в жестокости и варварстве при ведении войны.

Том, XX, ч. 1, стр. 466, август 1914 г. «Тезисы по поводу настоящей войны».[6а])

Вопрос об отечестве — ответим мы оппортунистам — нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Эта война империалистская, т.-е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи к о н ц а капитализма. Рабочий класс должен сначала «устроиться в пределах наций» — говорит «К о м м у н и с т и ч е с к и й М а н и ф е с т», указывая при этом г р а н и ц ы и у с л о в и я нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а, следовательно, и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение не феодализма, а капитализма, ясно и определенно говорит Карл Маркс: «рабочие не имеют отечества». Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое дви-

жение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс в с я к о й национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Том XIII, стр. 15, 1 ноября 1914 г. «Положение и задачи социалистического Интернационала». [5])

Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа.

В основе действительно-национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789—1871 гг., лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь, в совершенно иную, империалистическую эпоху, софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Том XIII, стр. 48, 29 марта 1915 г. «Конференция заграничных секций РСДРП». [12])

Что «народ», т.-е. масса мелких буржуа и часть одураченных рабочих, верит в буржуазную сказку о «злокачественности» неприятеля, это несомненно. Но задача с.-д. бороться с обманом, а не поддерживать его. Все социал-демократы во всех странах задолго до войны говорили и в Базеле подтвердили, что к а ж д а я из великих держав на деле стремится к укреплению и расширению господства над колониями, к угнетению маленьких наций и т. д. Война идет из-за дележа колоний и грабежа чужих земель; воры дерутся — и ссылаться на то, что в данную минуту терпит поражение такой-то вор, для изображения интереса воров интересом народа или отечества, есть бессовестная буржуазная ложь. «Народу», страдающему от войны, мы должны говорить п р а в д у, которая состоит в том, что защита от бедствий войны

невозможна без свержения правительства и буржуазии каждой воюющей страны. Защищать Бельгию посредством удушения Галиции или Венгрии не есть «защита отечества».

Но сам Маркс, осуждая войны, например, 1854—1876 гг., становился на сторону одной из воюющих держав, когда война, вопреки воле социалистов, оказывалась фактом. Таково главное содержание и главный «козырь» брошюры Каутского. Такова же позиция г. А. Потресова, который под «международностью» понимает определение того, чей успех в войне наиболее желателен или наименее вреден, с точки зрения интересов не национального, а всего мирового пролетарита. Войну ведут правительства и буржуазия; пролетариат должен определить, победа какого правительства для рабочих всего мира наименее опасна.

Софизм этих рассуждений состоит в том, что совершают подмен, ставя прежнюю. давно минувшую, историческую эпоху на место настоящей. Основная черта прежних войн, на которые ссылается Каутский, была следующая: 1) прежние войны решали вопросы буржуазно-демократических преобразований и свержения абсолютизма или чуженационального гнета; 2) тогда не назрели еще объективные условия социалистической революции, и ни один социалист не мог говорить, до войны, об использовании ее «для ускорения краха капитализма», как говорят Штутгартская (1907 г.) и Базельская (1912 г.) резолюции; 3) тогда не было сколько-нибудь сильных, массовых, испытанных в ряде битв, социалистических партий в государствах обеих воюющих сторон.

Говоря короче: удивительно ли, что Маркс и марксисты ограничивались определением того, победа какой буржуазии безвреднее (или полезнее) для всемирного пролетариата, когда не могло еще быть и речи об общем пролетарском движении против правительств и буржуазии во всех воюющих странах?

Том XIII, стр. 62 — 63, 1 мая 1915 г. «Софизмы социал-шовинистов». [14])

Резолюция нашей партии, принятая на Бернской конференции в марте 1915 года и носящая заголовок: «О лозунге защиты отечества», начинается словами: «Действительная сущность современной войны заключается» в том-то и том-то.

Речь идет о современной войне. Яснее этого нельзя сказать по-русски. Слова «действительная сущность» показывают, что надо отличать кажущееся от действительного, внешность от сущности, фразы от дела. Фразы о защите отечества в данной войне облыжно выдают империалистическую войну 1914—1916 гг., войну из-за раздела колоний, из-за грабежа чужих земель и т. д.—

за национальную войну. Чтобы не оставить ни малейшей возможности исказить наши взгляды, резолюция добавляет особый абзац о «действительно-национальных войнах», которые «имели место особенно» (заметьте: особенно не значит исключительно!) «в эпоху 1789—1871 гг.».

Резолюция поясняет, что «в основе» этих «действительно»-национальных войн «лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета»...

Кажется, ясно? В теперешней империалистической войне, которая порождена всеми условиями империалистической эпохи, т.-е. явилась не случайно, не исключением от общего и типичного, фразы о защите отечества суть обман народа, ибо эта война не национальная. В действительно-национальной войне слова «защита отечества» вовсе не обман, и мы вовсе не против нее. Такие (действительно-национальные) войны имели место «особенно» в 1789—1871 гг., и резолюция, ни словом не отрицая их возможность и теперь, поясняет, как надо отличать действительно-национальную войну от империалистической, прикрываемой обманно-национальными лозунгами. Именно для отличия надо рассмотреть, лежит ли «в основе» «длительный процесс массовых национальных движений», «свержение национального гнета». В резолюции о «пацифизме» говорится прямо: «с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например» (заметьте это: «например») «от 1789 до 1871 года ради свержения национального гнета»... Могла ли бы резолюция нашей партии в 1915 году говорить о национальных войнах, примеры которых бывали в 1789—1871 годах, и указывать, что позитивного значения таких войн мы не отрицаем, если бы такие войны не признавались возможными и теперь? Ясно, что не могла бы.

Комментарием к резолюциям нашей партии, т.-е. популярным пояснением их, является брошюра Ленина и Зиновьева: «Социализм и война». В этой брошюре на стр. 5 черным по белому написано, что «социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость защиты отечества или оборонительной войны» только в смысле «свержения чуженационального гнета». Приводится пример: Персия против России и т. п. и говорится: «это были бы справедливые, оборонительные войны независимо от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетенных, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав»...

П. Киевский называет лозунг защиты отечества «предательским». Мы можем спокойно уверить его, что всякий лозунг

является и всегда будет являться «предательским» для тех, кто будет механически повторять его, не понимая значения, не вдумываясь в дело, ограничиваясь запоминанием слова без анализа их смысла.

Что такое «защита отечества», вообще говоря? Есть ли это какое-либо научное понятие из области экономики или политики и т. п.? Нет! Это просто наиболее ходячее, общеупотребительное, иногда просто обывательское выражение, означающее оправдание войны. Ничего больше, ровнехонько ничего! «Предательского» тут может быть только то, что обыватели способны всякую войну оправдать, говоря: «мы защищаем отечество», тогда как марксизм, не принижающий себя до обывательщины, требует исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать эту войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, в этом смысле законной, справедливой и т. п.

Лозунг защиты отечества есть сплошь да рядом обывательски несознательное оправдание войны, при неумении исторически разобрать значение и смысл каждой отдельной войны.

Марксизм дает такой анализ и говорит: если «действительная сущность» войны состоит, например, в свержении чужеземного гнета (что особенно типично для Европы 1789—1871 гг.), то война прогрессивна со стороны угнетенных государств или наций. Если «действительная сущность» войны есть передел колоний, дележ добычи, грабеж чужих земель (такова война 1914—1916 гг.) — тогда фраза о защите отечества есть «сплошной обман народа».

Том XIII, стр. 341 — 344, август 1916 г. «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме».[25])

Если немец при Вильгельме или француз при Клемансо говорят: я вправе и обязан, как социалист, защищать родину, если неприятель вторгся в мою страну, то это рассуждение не социалиста, не интернационалиста, не революционного пролетария, а мещанина-националиста. Ибо в этом рассуждении исчезает классовая революционная борьба рабочего против капитала, исчезает оценка всей войны в целом с точки зрения мировой буржуазии и мирового пролетариата, т.-е. исчезает интернационализм, остается убогий, заскорузлый национализм. Мою страну обижают, мне до большего нет дела, — вот к чему сводится такое рассуждение, вот в чем его мещански-националистическая узость. Это все равно, как если бы по отношению к индивидуальному насилию над одним лицом кто-либо рассуждал: социализм против насилия, поэтому я лучше пойду на предательство, чем сидеть в тюрьме.

Француз, немец или итальянец, который говорит: «социализм против насилия над нациями, поэтому я защищаюсь, когда враг вторгся в мою страну», предает социализм и интернационализм. Ибо такой человек видит только свою «страну», выше всего ставит «свою» ... буржуазию, не думая об интернациональных связях, делающих войну империалистскою, делающих его буржуазию звеном в цепи империалистского грабежа.

Все мещане и все тупые и темные мужички рассуждают именно так, как рассуждают ренегаты каутскианцы, лонгетисты, Турати и К°, именно: в моей стране враг, а больше мне ни до чего нет дела [1].

Том XV, стр. 496, ноябрь 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский». [72])

О пацифизме и лозунге мира в империалистической войне.

Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистской стадии, войны неизбежны. А с другой стороны, с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например, от 1789 до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально раздробленных — национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций.

Том XIII, стр. 51, 29 марта 1915 г. «Конференция заграничных секций РСДРП». [12])

---

[1] Социал-шовинисты (Шейдеманы, Ренодели, Хендерсоны, Гомперсы и К°) отказываются от всяких речей об «Интернационале» во время войны. Они считают «изменниками» ... социализму врагов «своей» буржуазии. Они за завоевательную политику своей буржуазии. Социал-пацифисты (то-есть социалисты на словах, мещанские пацифисты на деле) выражают всякие «интернационалистские» чувства, восстают против аннексий и проч., но на деле продолжают поддерживать свою империалистскую буржуазию. Разница между двумя типами несерьезная, в роде как разница между капиталистом со злыми и капиталистом со сладкими речами на устах.

О ПАЦИФИЗМЕ И ЛОЗУНГЕ МИРА.

Настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны. Использовать это настроение — долг всех с.-д. Они примут самое горячее участие во всяком движении и во всякой демонстрации на этой почве, но они не будут обманывать народ допущением мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами. Такой обман народа был бы лишь на-руку тайной дипломатии воюющих правительств и их контрреволюционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии.

Том XIII, стр. 108, август 1915 г. **«Социализм и война».** [16])

«Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира... Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран». Так гласит Бернская резолюция нашей партии (см. № 40 «Социал-Демократа» и «Социализм и Война»).

Многочисленные — среди русской эмиграции, а не среди русских рабочих — противники нашей постановки вопроса о мире не дали себе ни разу труда разобрать эти положения. Теоретически неопровержимые, они получают теперь, именно в силу поворота событий в нашей стране, особенно наглядное практическое подтверждение.

Газета питерских ликвидаторов-легалистов, идейно поддерживаемая О. Комитетом, «Рабочее Утро», заняла, как известно, в первом же номере социал-шовинистскую «оборонческую» позицию. Она напечатала «оборонческие» манифесты питерских и московских социал-шовинистов. В обоих манифестах выражена, между прочим, идея «мира без аннексий», и № 2 «Рабочего Утра», особо выдвигая вперед этот лозунг, печатает его курсивом, называет его «линией, обеспечивающей стране выход из тупика». Вот, дескать, какая это клевета, будто мы шовинисты; мы вполне признаем самый «демократический», даже «истинно-социалистический» лозунг «мира без аннексий».

Нет сомнения, что Николаю Кровавому очень выгодно теперь выдвигание его верноподданными такого лозунга. Царизм, опираясь на помещиков и буржуазию, повел войска грабить и пора-

бощать Галицию (не говоря уже о договоре насчет дележа Турции и проч.).

Войска столь же грабительских немецких империалистов отбили русских разбойников и вытеснили их не только из Галиции, но и из «русской Польши». (При этом во имя интересов обеих клик на полях смерти легли сотни тысяч русских и немецких рабочих и крестьян.) Лозунг «мира без аннексий» оказался, таким образом, чудесной «игрушкой в руках тайной дипломатии» царизма: вот-де, мы обиженные, нас ограбили, у нас отняли Польшу, мы против аннексий!

Том XIII, стр. 229—230, 29 февраля 1916 г. «О мире без аннексий и независимости Польши, как лозунгах дня в России».[22])

«Программа мира» социал-демократов должна состоять прежде всего в разоблачении лицемерия буржуазных, социал-шовинистских и каутскианских фраз о мире. Это первое и основное. Без этого мы — невольные или вольные пособники о б м а н а масс. Наша «программа мира» требует, чтобы главный пункт демократии в этом вопросе — отрицание аннексий — применялся на деле, а не на словах, служил интернационалистской пропаганде, а не национальному лицемерию. Для этого надо разъяснять массам, что отрицание аннексий, т.-е. признание самоопределения, искренно лишь тогда, когда социалист к а ж д о й нации требует свободы отделений наций, угнетенных его нацией. Как положительный лозунг, вовлекающий массы в революционную борьбу и разъясняющий необходимость революционных мер для «демократического мира», должен быть выставлен лозунг: отказ от платежа государственных долгов.

Наша «программа мира», наконец, должна состоять в разъяснении того, что империалистские державы и империалистская буржуазия н е м о г у т дать демократического мира. Его н а д о и с к а т ь и добиваться — н о н е п о з а д и, в реакционной утопии н е империалистского капитализма или союза равноправных наций п р и капитализме, — а в п е р е д и, в социалистической революции пролетариата. Ни одно коренное демократическое требование не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистских государствах иначе, как ч е р е з революционные битвы под знаменем социализма.

И кто сулит народам «демократический» мир, не проповедуя в то же время социалистической революции, отрицая борьбу за нее, борьбу уже во время войны, тот обманывает пролетариат.

Том XIII, стр. 239, 1 мая 1916 г. «О «программе мира».[23])

Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение *той же* политики, *с записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь *ускоряет* это развитие.

Война 1870—1871 гг. была продолжением буржуазно-прогрессивной (десятилетиями тянувшейся) политики освобождения и объединения Германии. Разгром Наполеона III и свержение его ускорили это освобождение. Программа мира социалистов той эпохи была учетом этого прогрессивно-буржуазного итога, была поддержкой демократической буржуазии: не грабить Францию, почетный мир с республикой.

Посмотрите, каким клоунством является попытка рабски «повторить» этот пример в обстановке империалистской войны 1914—1916 гг. Эта война продолжает политику перезревшей реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывающей колонии и т. д. Эта война, на почве буржуазных отношений, *не может*, в силу объективного положения не может, вести ни к какому демократическому «прогрессу», а только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности, и это при любом исходе войны.

Та война ускорила развитие в направлении демократическом, буржуазно-прогрессивном: свержение Наполеона III, объединение Германии. *Эта* война ускоряет развитие *только* к социалистической революции. *Тогда* программа демократического (буржуазного) мира имела под собой *объективную* историческую основу. *Теперь* этой основы нет, и фразерство о демократическом мире есть буржуазное лганье, объективное значение которого состоит в отвлечении рабочих от революционной борьбы за социализм! *Тогда* программой демократического мира социалисты поддерживали имевшееся в наличии глубокое, десятилетиями проявившее себя, демократически-буржуазное движение *масс* (к свержению Наполеона III, к объединению Германии). *Теперь* программой демократического мира на почве буржуазных отношений социалисты поддерживают *обман* народа буржуазией, желающей отвлечь пролетариат от *социалистической* революции.

Как фразы о «защите отечества» облыжно несут в массы идеологию национально-освободительной войны, так фразы о демократическом мире *обходным путем* протаскивают ту же самую буржуазную ложь.

«Значит, у вас нет никакой программы мира, значит, вы против демократических требований», возражают каутскианцы, спе-

кулируя на то, что невнимательные люди не заметят заключающуюся в этом возражении подмену существующих социалистических задач несуществующими буржуазно-демократическими задачами.

О, нет, господа, отвечаем мы каутскианцам. Мы *за* демократические требования, мы *одни* боремся за них *нелицемерно*, ибо объективное историческое положение не позволяет ставить их вне связи с социалистической революцией. Возьмите для примера тот «компас», который служит Каутскому и К° для буржуазного обмана рабочих.

Зюдекум и Плеханов «единодушны» в «программе мира»: против аннексий! За самостоятельность наций! И заметьте, что Зюдекумы *правы*, когда они говорят, что отношение России к Польше, Финляндии и т. д. есть отношение аннексионистское. Прав и Плеханов, говоря, что таково же отношение Германии к Эльзас-Лотарингии, Сербии, Бельгии и пр. Оба правы, не правда ли? И Каутский «примиряет» Зюдекума немецкого с Зюдекумом русским.

Но всякий толковый рабочий сразу видит, что и Каутский и *оба* Зюдекума — лицемеры. Это ясно. Чтобы быть социалистом, надо не мириться с лицемерным демократизмом, а *разоблачать* его. Как же разоблачить его? Очень просто: «признание» самостоятельности наций можно считать нелицемерным *лишь* тогда, когда представитель угнетающей нации и до войны и во время ее требовал свободы отделения нации, угнетенной *его собственным* «отечеством».

Это требование одно только соответствует марксизму. Маркс выставлял его, исходя из интересов британского пролетариата, когда требовал свободы Ирландии, допуская при этом вероятность федерации после отделения, т.-е. требуя свободу отделения не ради раздробления и обособленности, а ради более прочной и более демократической связи. Во всех случаях, когда есть угнетенные и угнетающие нации, когда нет налицо особых обстоятельств, выделяющих революционно-демократические и реакционные нации (такие обстоятельства были налицо, например, в 40-х годах XIX века), политика Маркса по отношению к Ирландии должна стать образцом пролетарской политики. А империализм есть как раз та эпоха, когда существенно и типично деление наций на угнетающие и угнетенные, а различие реакционных и революционных наций в Европе совсем невозможно.

Наша партия еще в 1913 году выставила, в резолюции по национальному вопросу, обязательность для социл-демократов применять понятие самоопределения в указанном здесь смысле. И война 1914—1916 гг. целиком подтвердила нас.

Возьмите последнюю статью Каутского в «Neue Zeit» от 3/III 1916 г. Он прямо заявляет свое *согласие* с заведомым и крайним немецким шовинистом в Австрии, Аустерлицем, редактором шовинистской венской «Габсбургской Газеты», согласие в том, что не надо «смешивать самостоятельность наций с ее суверенностью». Другими словами: довольно с угнетенных наций и национальной автономии внутри «государства национальностей», не обязательно требовать для них равного права на политическую самостоятельность. И тут же, в той же статье Каутский утверждает, что нельзя доказать, что «принадлежность к русскому государству есть необходимость для поляков».

Что это значит? Это значит, что в угоду Гинденбургу, Зюдекуму, Аустерлицу и К° Каутский признает *свободу отделения* Польши от России, хотя Россия есть «государство национальностей», но о свободе отделения поляков от Германии он молчит! Французских социалистов Каутский в той же статье объявляет отступившими от интернационализма на том основании, что они *войной* хотят добиваться свободы Эльзаса-Лотарингии. О том, что немецкие Зюдекумы и К° отступают от интернационализма, когда они отказываются требовать свободы отделения Эльзас-Лотарингии от *Германии*, Каутский молчит!

Словечко «государство национальностей» — это словечко могут применить и к Англии, имея в виду Ирландию, и к Германии, имея в виду Польшу, Эльзас и проч. — Каутский использует для явной защиты социал-шовинизма. «Борьба против аннексий» Каутский превратил в «программу *мира*»... с шовинистами, превратил в вопиющее лицемерие.

Том XIII, стр. 235—238, 1 мая 1916 «О «программе мира». [23])

ПАЦИФИЗМ КАУТСКОГО И ТУРАТИ.

В ряде социал-демократических газет Германии помещены теперь статьи Каутского об условиях мира, перефразирующие официальное заявление «социал-демократической трудовой группы», с которыми она выступила по поводу известной ноты германского правительства, предложившей переговоры о мире. Требуя предложения правительством определенных условий мира, это заявление, между прочим, содержит следующую характерную фразу:

... «Для того, чтобы эта нота (германского правительства) повела к миру, необходимо, чтобы во всех странах недвусмысленно была отвергнута мысль об аннексиях чужих областей, о политическом, хозяйственном или военном подчинении какого бы то ни было народа другой государственной власти»...

Перефразировывая и конкретизируя это положение, Каутский в своих статьях обстоятельно «доказывает», что Константинополь не должен достаться России, и что Турция не должна быть чьим бы то ни было вассальным государством.

Присмотримся внимательнее к этим политическим лозунгам и аргументам Каутского и его единомышленников.

Когда дело касается России, т.-е. империалистского соперника Германии, тогда Каутский выдвигает не абстрактное, не «общее», а совершенно конкретное, точное, определенное требование: Константинополь не должен достаться России. Он разоблачает тем самым действительные империалистские замыслы... России. Когда дело касается Германии, т.-е. именно той страны, буржуазии и правительству которой большинство партии, считающей Каутского своим членом (и назначившей Каутского редактором своего главного, руководящего теоретического органа «Neue Zeit»), помогает вести империалистскую войну, тогда Каутский не разоблачает конкретных империалистских замыслов своего правительства, а ограничивается «общим» пожеланием или положением: Турция не должна быть чьим бы то ни было вассальным государством!!

Чем же отличается, по ее действительному содержанию, политика Каутского от политики боевых, так сказать, социал-шовинистов (т.-е. социалистов на словах, а шовинистов на деле) Франции и Англии, которые прямо разоблачают конкретные империалистские шаги Германии, отделываясь «общими» пожеланиями или положениями насчет стран или народов, завоевываемых Англией и Россией? О захвате Бельгии, Сербии кричат, а о захвате Галиции, Армении, колоний в Африке молчат?

На деле политика Каутского и Санба—Хендерсона одинаково помогает своему империалистскому правительству, обращая главное внимание на злокозненность соперника и неприятеля, набрасывая флер туманных, общих фраз и добреньких пожеланий на столь же империалистские шаги «своей» буржуазии. И мы перестали бы быть марксистами, перестали бы быть вообще социалистами, если бы ограничились христианским, так сказать, созерцанием доброты, добреньких общих фраз, не вскрывая их действительного политического значения. Разве мы не видим постоянно, что дипломатия всех империалистских держав щеголяет прекраснодушнейшими «общими» фразами и «демократическими» заявлениями, прикрывая ими грабеж, изнасилование и удушение мелких народов?

«Турция не должна быть ничьим вассальным государством»... Если я говорю только это, видимость получается такая, будто я сторонник полной свободы Турции. Но на деле я повторяю лишь фразу, обычно произносимую и немецкими дипломатами, кото-

рые заведомо лгут и лицемерят, прикрывая этой фразой тот факт, что Германия сейчас превратила Турцию в своего и финансового и военного вассала! И если я — немецкий социалист, то германской дипломатии только выгодны мои «общие» фразы, ибо действительное значение их состоит в подкрашивании германского империализма.

... «Во всех странах должна быть отвергнута мысль об аннексиях... о хозяйственном подчинении какого бы то ни было народа»!! Какое прекраснодушие! Империалисты тысячи раз «отвергают мысль» об аннексиях и финансовом удушении слабых народов, но не следует ли сопоставлять с этим факты, показывающие, что любой крупный банк Германии, Англии, Франции, Соединенных штатов держит в «подчинении» мелкие народы? Может ли на деле теперешнее буржуазное правительство богатой страны отвергнуть аннексии и хозяйственное подчинение чужих народов, когда миллиарды и миллиарды вложены в железные дороги и прочие предприятия слабых народов?

Кто борется действительно с аннексиями и т. п., — тот ли, кто бросает на ветер прекраснодушные фразы, объективное значение которых совершенно равносильно христианской святой водице, окропляющей коронованных и капиталистических разбойников, или тот, кто разъясняет рабочим невозможность прекращения аннексий и финансового удушения без свержения империалистской буржуазии и ее правительств?

Вот еще итальянская иллюстрация того пацифизма, который проповедуется Каутским.

В центральном органе итальянской социалистической партии «Avanti» («Вперед») от 25 декабря 1916 г. известный реформист Филипп Турати поместил статью под заглавием «Абракадабра». «22 ноября 1916 г., — пишет он, — парламентская социалистическая группа Италии внесла в парламент предложение о мире. В этом предложении она констатировала согласие принципов, провозглашенных представителями Англии и Германии, принципов, долженствующих лечь в основу возможного мира, и пригласила правительство начать переговоры о мире при посредстве Соединенных штатов и других нейтральных стран». Так излагает содержание социалистического предложения сам Турати.

6 декабря 1916 г. палата «хоронит» социалистическое предложение, «откладывая» обсуждение его. 12 декабря германский канцлер в рейхстаге от себя предлагает то, чего хотели социалисты Италии. 22 декабря выступает со своей нотой Вильсон, «перефразируя и повторяя — по выражению Ф. Турати — идеи и мотивы социалистического предложения». 23 декабря другие нейтральные государства выступают на сцену, перефразируя ноту Вильсона.

Нас обвиняют, что мы продались Германии! — восклицает Турати. — Не продались ли Германии и Вильсон и нейтральные государства?

17 декабря Турати держал в парламенте речь, одно место которой вызвало необыкновенную — и заслуженную — сенсацию. Вот это место, по отчету «Avanti»:

... «Предположим, что обсуждение такого рода, которое нам предлагает Германия, способно разрешить в главных чертах вопросы вроде эвакуации Бельгии, Франции, восстановления Румынии, Сербии и, если вам угодно, Черногории; я добавлю вам исправление итальянских границ в отношении того, что является бесспорно итальянским и отвечает гарантиям стратегического характера» ... В этом месте буржуазная и шовинистская палата прерывает Турати; со всех сторон раздаются возгласы: «Превосходно! Значит, и вы также хотите всего этого! Да здравствует Турати! Да здравствует Турати!»...

Турати, почувствовав, видимо, что-то неладное в этом восторге буржуазии, пытается «поправиться» или «объясниться»:

... «Господа, — говорит он, — не надо неуместных шуток. Одно дело допускать уместность и право национального единства, всегда признававшегося нами; другое дело — вызывать или оправдывать войну из-за этой цели».

Ни это «объяснение» Турати, ни статьи «Avanti» в его защиту, ни письмо Турати от 21 декабря, ни статья некоего «вв» в цюрихском «Volksrecht» нисколько не «поправляют» дела и не устраняют факта, что Турати попался... А вернее: попался не Турати, а попался весь социалистический пацифизм, представляемый Каутским и, как увидим ниже, французскими «каутскианцами». Буржуазная пресса Италии была права, подхватив это место в речи Турати и ликуя по поводу него.

Упомянутый «вв» пытается защитить Турати тем, что он-де говорил о «праве наций на самоопределение».

Плохая защита! При чем же тут «право наций на самоопределение», которое, как всем известно, относится в программе марксистов — и относилось всегда в программе международной демократии — к защите угнетенных народов? К империалистской войне, т.-е. к войне из-за дележа колоний, из-за угнетения чужих стран, к войне между грабительскими, угнетающими державами из-за того, кому угнетать больше чужих народов?

Ссылаться на самоопределение наций в оправдание империалистской, а не национальной войны — чем же это отличается от речей Алексинского, Эрве, Гайдмана, которые ссылаются на республику во Франции, противостоящую монархии в Германии, хотя всем известно, что данная война идет вовсе не из-за

столкновения республиканизма с монархическим началом, а из-за дележа колоний и пр. между двумя империалистскими коалициями?

Турати объяснял и оправдывался, что он в о в с е не «оправдывает» войны.

Поверим реформисту Турати, стороннику Каутского — Турати, что его н а м е р е н и е м не было оправдывать войну. Но кто же не знает, что в политике учитываются не намерения, а дела? Не благие пожелания, а факты? Не воображаемое, а действительное?

Пусть Турати не хотел оправдывать войны, пусть Каутский не хотел оправдывать установление Германией вассальных отношений Турции к немецкому империализму. Н о н а д е л е у обоих добреньких пацифистов п о л у ч и л о с ь и м е н н о о п р а в д а н и е в о й н ы! Вот в чем суть. Если бы Каутский не в журнале, который так скучен, что его никто не читает, а с трибуны парламента, перед живой, впечатлительной, обладающей южным темпераментом буржуазной публикой произнес победную фразу: «Константинополь не должен достаться России, Турция не должна быть ничьим вассальным государством», то не было бы ничего удивительного в возгласах остроумных буржуа: «Превосходно! Правильно! Да здравствует Каутский!».

Турати стоял фактически, — независимо от того, хотел ли он этого, сознавал ли он это, — на точке зрения буржуазного маклера, предлагающего полюбовную сделку между империалистскими хищниками. «Освобождение» итальянских земель, принадлежащих Австрии, было бы н а д е л е прикрытием вознаграждения итальянской буржуазии за участие в империалистской войне гигантской империалистской коалиции, было бы несущественным придатком к дележу колоний в Африке, сфер влияния в Далмации и Албании. Реформисту Турати, пожалуй, естественно стоять на буржуазной точке зрения, но Каутский фактически ровнехонько ничем не отличался от Турати.

Чтобы не прикрашивать империалистской войны, чтобы не помогать буржуазии облыжно выдавать такую войну за национальную, за освобождающую народы, чтобы не оказываться на позиции буржуазного реформизма, надо было бы говорить не так, как говорят Каутский и Турати, а так, как говорил Карл Либкнехт, — надо было бы заявить с в о е й буржуазии, что она лицемерит, толкуя о национальном освобождении, что демократический мир невозможен в связи с данной войной, если пролетариат не «обратит оружия» против с в о и х правительств.

Такова и только такова могла бы быть позиция действительного марксиста, действительного социалиста, а не буржуазного реформиста. Не тот работает действительно на пользу демокра-

тического мира, кто повторяет общие, ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, добренькие пожелания пацифизма, а тот, кто разоблачает империалистский характер и данной войны, и подготовляемого ею империалистского мира, кто призывает народы к революции против преступных правительств.

Некоторые пытаются иногда защитить Каутского и Турати тем, что легально нельзя бы итти дальше «намека» против правительства, а такой «намек» есть у пацифистов этого рода. Но на это следует ответить, во-первых, что невозможность говорить правду легально есть довод не в пользу сокрытия правды, а в пользу необходимости нелегальной, т.-е. свободной от полиции и цензуры организации и печати; во-вторых, что бывают исторические моменты, когда от социалиста т р е б у е т с я разрыв со всякой легальностью; в-третьих, что даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь-в-точь такие речи, как Турати и Каутский.

В следующей статье мы перейдем к французскому пацифизму, нашедшему себе выражение в резолюциях двух только что состоявшихся конгрессов рабочих и социалистических организаций Франции.

Том XX, ч. 2, стр. 8—13, 1 января 1917 г. «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический».[28])

ПАЦИФИЗМ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ И СИНДИКАЛИСТОВ.

Только-что закончились конгрессы французской CGT (Confédération générale du Travail, Всеобщий союз профессиональных рабочих союзов) и французской социалистической партии. Истинное значение и истинная роль социалистического пацифизма в настоящий момент с особенной ясностью обрисовались здесь.

Вот резолюция синдикального конгресса, е д и н о г л а с н о принятая всеми, и большинством ярых шовинистов с печально-знаменитым Жуо (Jouhaux) во главе, и анархистом Брутшу, и... «циммервальдистом» Мерргеймом:

«Конференция национальных корпоративных федераций, союзов, синдикатов (профессиональных союзов), бирж труда, приняв к сведению ноту президента Соединенных штатов, «приглашающего все нации, находящиеся ныне в войне друг с другом, изложить публично их взгляды на те условия, на которых война могла бы быть окончена», —

просит французское правительство согласиться на это предложение;

приглашает правительство взять на себя инициативу подобного же выступления перед своими союзниками, чтобы ускорить час мира;

заявляет, что федерация наций, являющаяся одним из залогов окончательного мира, может быть обеспечена лишь при независимости, территориальной неприкосновенности и политической и экономической свободе всех наций, и малых, и больших.

Организации, представленные на конференции, берут на себя обязательство поддерживать и распространять эту идею среди массы рабочих, дабы прекратилось неопределенное, двусмысленное положение, которое выгодно лишь для тайной дипломатии, против каковой всегда восставал рабочий класс».

Вот образец «чистого» пацифизма, вполне в духе Каутского,— пацифизма, одобренного официальной организацией рабочих, не имеющей ничего общего с марксизмом, состоящей в большинстве из шовинистов. Перед нами — выдающийся, заслуживающий самого серьезного внимания, документ политического объединения шовинистов и «каутскианцев» на платформе пустой пацифистской фразы. Если в предыдущей статье мы старались показать, в чем теоретическая основа единства взглядов шовинистов и пацифистов, буржуа и социалистических реформистов, то теперь мы видим это единство практически осуществленным в другой империалистской стране.

Том XX, ч. II, стр. 14—15, 1 января 1917 г. «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический».[28])

Социалисты не могли бы оставить без решительного протеста ни единой фразы в той резолюции, за которую единогласно голосовали Жуо и Мерргейм. Социалисты заявили бы, в прямую противоположность этой резолюции, что выступление Вильсона явная ложь и лицемерие, ибо Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительства, доведшего до бешенства вооружение Соединенных штатов явно в целях второй великой империалистской войны; — что французское буржуазное правительство, связанное по рукам и по ногам финансовым капиталом, рабом коего оно является, и тайными империалистскими, насквозь грабительскими и реакционными договорами с Англией, Россией и т. д., не в состоянии ни сказать, ни сделать чего-либо, кроме такой же лжи, по вопросу о демократическом и «справедливом» мире; — что борьба за подобный мир состоит не в повторении общих, пустых, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих, на деле только прикрашивающих империалистскую скверну, добреньких и сладеньких пацифистских фраз, а в заявлении народам правды, именно в заявлении народам: дабы получить демо-

кратический и справедливый мир, надо свергнуть буржуазные правительства всех воюющих стран и воспользоваться для этого вооружением миллионов рабочих, а также всеобщим озлоблением масс населения, дороговизной жизни и ужасами империалистской войны.

Вот что должны были бы сказать социалисты вместо резолюции Жуо и Мерргейма...

Том XX, ч. 2, стр. 17, 1 января 1917 г. «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический».[28])

Социалистический пацифизм, не выясняющий рабочим иллюзорности надежд на мир вне свержения буржуазии и организации социализма, есть лишь перепев буржуазного пацифизма, который внушает рабочим доверие к буржуазии, прикрашивает империалистские правительства и их сделки между собой, отвлекает массы от назревшей, от поставленной событиями на очередь дня социалистической революции.

Том XX, ч. 2, стр. 23—24. «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств».[30])

Мы за демократический мир. И именно поэтому мы не хотим лгать народам, как лгут — конечно, из самых благих намерений и с самыми добродетельными побуждениями — Турати и Каутский. Мы будем говорить правду: что демократический мир невозможен, если революционный пролетариат Англии, Франции, Германии и России не свергнет буржуазных правительств. Мы считаем величайшей нелепостью, если бы революционные социал-демократы стали отрекаться от борьбы за реформы вообще, в том числе и за «государственное строительство». Но именно теперь Европа переживает такой момент, когда, больше, чем обыкновенно, следует памятовать истину, что реформы суть побочный результат революционной классовой борьбы. Ибо на очереди дня — не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс, создающих новые устои, а не сделки на почве сгнившего и отмирающего старого.

Том XIII, стр. 489, 31 января 1917 г. «Поворот в мировой политике».[29])

Империалистическая война и национальный вопрос.

Самым распространенным обманом народа буржуазией в данной войне является прикрытие ее грабительских целей «национально-освободительной» идеологией. Англичане сулят сво-

боду Бельгии, немцы — Польше и т. д. На деле, как мы видели, это есть война угнетателей большинства наций мира за укрепление и расширение такого угнетения.

Социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций. Поэтому они безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии угнетающих стран (так называемых «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право угнетенных наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т.-е. право на политическое отделение. Социалист великодержавной или владеющей колониями наций, не отстаивающий этого права, есть шовинист.

Отстаивание этого права не только поощряет образование мелких государств, а напротив ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами.

Социалисты угнетенных наций в свою очередь должны безусловно бороться за полное (в том числе организационное) единство рабочих угнетенных и угнетающих народностей. Идея правового отделения одной нации от другой (так называемая «культурно-национальная автономия» Бауэра и Реннера) есть реакционная идея.

Империализм есть эпоха прогрессирующего угнетения наций всего мира горсткой «великих» держав, и потому борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение. «Не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы» (Маркс и Энгельс). Не может быть социалистическим пролетариат, мирящийся с малейшим насилием «его» нации над другими нациями.

Том XIII, стр. 108 — 109, август 1915 г. «Социализм и война». [16])

Национальный элемент в теперешней войне представлен только войной Сербии против Австрии (что отмечено, между прочим, резолюцией Бернского совещания нашей партии). Только в Сербии среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы «национальных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т.-е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и проч., тогда все социалисты обязаны были бы желать успехов сербской буржуазии — это единственно правильный и абсолютно необходимый вывод из национального мо-

мента в теперешней войне. Но софист Каутский, находящийся ныне в услужении у австрийских буржуа, клерикалов и генералов, этого вывода как раз не делает!

Том XIII, стр. 159—160, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

Национальный момент сербско-австрийской войны никакого серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь. Если победит Германия, она задушит Бельгию, еще часть Польши, может быть часть Франции и пр. Если победит Россия, она задушит Галицию, еще часть Польши, Армению и т. д. Если будет «ничья», останется старое национальное угнетение. Для Сербии, т.-е. какой-нибудь сотой доли участников теперешней войны, война является «продолжением политики» буржуазно-освободительного движения. Для $^{99}/_{100}$ война есть продолжение политики империалистской, т.-е. одряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций. Тройственное согласие, «освобождая» Сербию, продает интересы сербской свободы итальянскому империализму за помощь в грабеже Австрии.

Том XIII, стр. 160, 1915 г. «Крах II Интернационала».[18])

До какой степени «понутру» социал-шовинистам «Рабочего Утра» эта роль лакеев царизма, видно особенно из статьи в № 1 «Польская эмиграция». «Истекшие месяцы войны, — читаем в ней, — зародили в сознании широких слоев польского народа глубокое стремление к независимости». До войны его, конечно, не было!! «В общественном сознании широких слоев польской демократии восторжествовала масса» (очевидно, опечатка; надо читать: идея, мысль и т. п.) «национальной независимости Польши»... «Перед русской демократией встает во всей полноте польский вопрос»... «Русские либералы» отказываются дать простые ответы на проклятые вопросы «о независимости Польши»...

Ну, еще бы, Николай Кровавый, Хвостов, Челноков, Милюков и К° вполне за независимость Польши, всей душой за нее теперь, когда этот лозунг на практике означает лозунг победы над Германией, отнявшей у России Польшу. Заметьте, что творцы «Столыпинской рабочей партии» до войны выступали всецело и исключительно против лозунга самоопределения наций, против свободы отделения Польши, выпуская для этой благородной цели защиты царского гнета над Польшей оппортуниста Семковского. Теперь, когда Польша отобрана от России, они за «независимость» Польши (от Германии, об этом умалчивается скромно)...

Не обмануть вам сознательных рабочих России, господа социал-шовинисты. Ваш «октябрьский» 1915 года лозунг независимости Польши и мира без аннексий есть на деле лакейство перед царизмом, которому именно теперь, именно в феврале 1916 г. как раз нужно прикрытие его войны прекраснодушными словами о «мире без аннексий» (выгнать Гинденбурга из Польши) и независимости Польши (от Вильгельма, но зависимость от Николая II).

Русский социал-демократ, не забывший своей программы, рассуждает иначе. Русская демократия, скажет он, имея прежде всего и больше всего в виду великорусскую демократию, ибо она пользовалась тогда в России свободой языка, эта демократия выиграла безусловно от того, что Россия теперь не угнетает Польши, не держит ее насильно. Русский пролетариат безусловно в выигрыше от того, что он не угнетает одного из народов, который он помогал угнетать вчера. Немецкая демократия проиграла безусловно: пока немецкий пролетариат будет терпеть угнетение Польши Германией, он остается в положении хуже чем раба, в положении хама, помогающего держать в рабстве других. Выиграли безусловно только юнкера и буржуа Германии.

Отсюда вывод: русские социал-демократы должны разоблачать обман царизмом народа, когда теперь в России выдвигаются лозунги «мира без аннексий» и «независимости Польши», ибо оба эти лозунга при данном положении означают стремление продолжать войну и оправдывают такое стремление. Мы должны говорить: никакой войны из-за Польши! Русский народ не хочет снова стать ее угнетателем!

А как помочь освобождению Польши от Германии? Разве мы не должны помогать этому? Конечно, должны, но только не поддержкой империалистской войны царской или хотя бы буржуазной, даже буржуазно-республиканской России, а поддержкой революционного пролетариата Германии, поддержкой тех элементов социал-демократической партии Германии, которые борются с контрреволюционной рабочей партией Зюдекумов, Каутского и К°. Каутский совсем недавно доказал свою контрреволюционность особенно наглядно: 26 ноября 1915 г. он назвал выступления на улицах «авантюрой» (как Струве перед 9 ноября 1905 г. говорил, что в России нет революционного народа). А 30 ноября 1915 г. в Берлине демонстрировало 10 000 работниц!

Все, кто нелицемерно, не по-Зюдекумовски, не по-Плехановски, не по-Каутскиански хочет признавать свободу народов, право наций на самоопределение, должны быть против войны из-за угнетения Польши; — за свободу отделения от России тех народов, которых Россия теперь угнетает: Украины, Финляндии и проч. Все, кто не хочет быть на деле социал-шовини-

стом, должны поддерживать те элементы социалистических партий всех стран, которые прямо, непосредственно, тотчас работают за пролетарскую революцию внутри своей страны.

Том XIII, стр. 230—232, 29 февраля 1916 г. «О мире без аннексий и контрибуций и о независимости Польши, как лозунгах дня в России».[22])

Февральский переворот и российские социал-шовинисты.

При ближайшем изучении доставляемых прессой сообщений о Совете Рабочих и Солдатских Депутатов можно установить, что в нем три течения. Первое течение — наиболее близкое к социал-патриотическому. Оно доверяет министру юстиции Керенскому, этому герою фразы, пешке в руках Гучковых и Милюковых. Он не скупится на звонкие фразы в духе западноевропейских социал-патриотов и социал-пацифистов. В действительности же он «примиряет» рабочих с продолжением грабительской войны. Устами Керенского империалистическая буржуазия говорит рабочим: мы даем вам республику, восьмичасовой рабочий день (который фактически уже был проведен в Петербурге), мы обещаем вам всяческие свободы, — но все это только затем, чтобы вы помогли нам ограбить Турцию и Австрию, вырвать у германского империализма его добычу и обеспечить добычу англо-французскому империализму.

Второе течение представлено нашей Российской Социал-Демократической Рабочей Партией. В газетах было опубликовано извлечение из Манифеста нашего Центрального Комитета. Манифест этот появился в Петербурге 18 марта. В нем выставлены следующие требования: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация дворянского землевладения в пользу крестьян, конфискация хлебных запасов, немедленная подготовка мирных переговоров не правительством Гучкова и Милюкова, а Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Этот совет, по словам упомянутого манифеста, и является действительным революционным правительством (корреспонденты «Таймс» и «Тан» все время говорят о существовании двух правительств в России). Мирные переговоры должны вестись не с буржуазными правительствами, а с пролетариатом всех воюющих стран. Манифест призывает всех рабочих, крестьян и солдат посылать делегатов в Совет Депутатов.

Это — единственно возможная социалистическая революционная тактика.

Третье течение представлено Чхеидзе и его друзьями. Они постоянно колеблются, что отражается и в отзывах «Таймс»

и «Тан», которые то хвалят, то ругают их. Когда Чхеидзе отказался вступить во в т о р о е временное правительство, когда он объявляет войну империалистской, он ведет пролетарскую политику.

Когда Чхеидзе принял участие в п е р в о м правительстве (Комитет Думы), когда он в третьем пункте своего воззвания требует достаточного участия представителей российского рабочего класса в правительстве (участия интернационалистов в правительстве империалистской войны!), когда он совместно со Скобелевым приглашает это и м п е р и а л и с т с к о е правительство начать мирные переговоры (вместо того, чтобы объявить рабочим, что б у р ж у а з и я по рукам и ногам связана интересами финансового капитала, что она не в состоянии порвать с империализмом), когда друзья Чхеидзе—Туляков и Скобелев — разъезжают по поручению правительства Гучкова и Милюкова, чтобы успокаивать солдат, бунтующих против либерально-буржуазных генералов (убийство адмирала Непенина), тогда Чхеидзе и его друзья ведут самую скверную буржуазную политику и, таким образом, вредят революции.

Том XIII, стр. 8—16. «Война и российская социал-демократия» [7]).

В нашем теперешнем новом Временном Правительстве 10 министров принадлежат к партиям помещиков и капиталистов, а 6 — к партии «народников» («социалистов-революционеров») и «меньшевиков социал-демократов». По нашему убеждению, народники и меньшевики делают глубокую и роковую ошибку, входя в правительство капиталистов и соглашаясь вообще поддерживать его. Такие люди, как Церетели и Чернов, надеются побудить капиталистов скорее и честнее окончить эту захватную войну. Но эти вожди партии народников и меньшевиков ошибаются — на деле они помогают капиталистам готовить наступление русских войск против Германии, то-есть затягивать войну, увеличивать неслыханно-тяжелые жертвы, принесенные русским народом войне.

Том XIV, ч. 1, стр. 154—155, 11 мая 1917 г. «Открытое письмо к делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов». [41])

В то время как Церетели, попав в положение пленника буржуазии, тысячами уверток пытался замять насущность, важность, злободневность политического вопроса о немедленном наступлении, третьеиюньские зубры, соратники Николая Кровавого и Столыпина-Вешателя, помещики и капиталисты, не побоялись поставить вопрос прямо, открыто. Вот последняя, — и самая

существенная, — принятая ими единогласно резолюция о наступлении:

«Государственная Дума (??) признает, что только в немедленном наступлении, в тесном общении с союзниками, кроется залог скорого достижения окончания войны и закрепления навсегда завоеванных народом свобод».

Вот это ясно.

Вот это — политики, люди дела, верные слуги своего класса, помещиков и капиталистов.

А как служат своему классу Церетели, Чернов и К°. Они отделываются добренькими пожеланиями на словах, поддержкой капиталистов на деле.

Церетели уверял, что вопрос о немедленном наступлении нельзя даже ставить, ибо знай он, министр Церетели, о «немедленном» наступлении, он, министр, никому не сказал бы об этом. Говоря это, Церетели не подозревал (о, наивность!), что его опровергли третьеиюньские зубры, опровергли делом, ибо нисколько не побоялись даже в резолюции, во всеуслышание, сказать не о наступлении вообще, а именно о немедленном наступлении. И они были правы, ибо это вопрос политический, вопрос судеб всей нашей революции.

Тут середины нет: «немедленное наступление», за или против, тут воздержаться нельзя; тут уклоняться ссылками или намеками на военную тайну прямо было бы недостойно ответственного политика.

За немедленное наступление — это значит за продолжение империалистской войны, за избиение русских рабочих и крестьян в интересах удушения Персии, Греции, Галиции, балканских народов и проч., за оживление и укрепление контр-революции, за окончательное сведение на-нет фраз о «мире без аннексий», за войну ради аннексий.

Против немедленного наступления, это значит за переход всей власти к советам, за пробуждение революционного почина угнетенных классов, за немедленное предложение угнетенным классам всех стран «мира без аннексий», мира на точных условиях свержения ига капитала и освобождения всех без изъятия колоний, всех без изъятия угнетенных или неполноправных народностей.

Первый путь — вместе с капиталистами, в интересах капиталистов, ради достижения целей капиталистов, путь доверия капиталистам, третий год обещающим все на свете и многое сверх того, под условием «продолжения» войны «до победы».

Второй путь — путь разрыва с капиталистами, недоверия к ним, обуздания их грязной корысти и наживы сотен миллионов на поставках, путь доверия к угнетенным классам и прежде всего

к рабочим всех стран, путь доверия к международной рабочей революции против капитала, путь всемирной поддержки ее.

Выбор есть только между этими двумя путями. Церетели, Чернов и К° — любители средних путей. В этом пункте среднего быть не может, и, если они будут колебаться или отделываться фразами, они, Церетели, Чернов и К°, окончательно скатятся к роли орудия в руках контрреволюционной буржуазии.

Том XIV, ч. 1, стр. 238—239 (стр. 243—245), 6 июня 1917 г. «Третьеиюньские зубры за немедленное наступление». [47])

Настал поворотный момент в русской революции, — сказал Церетели, сообщая Съезду советов о начавшемся наступлении. Да, поворотный момент настал не только для русской революции, но и для всего хода мировой войны. Русское правительство после трех месяцев колебаний пришло на деле к тому решению, которого требовали от него правительства «союзников».

Наступление объявлено во имя мира. Но «во имя мира» бросают войска в бой империалисты всех стран; при каждом наступлении каждой из воюющих стран генералы пытаются поднять дух солдат живой надеждой на то, что данное наступление приведет к скорейшему миру.

Этот обычный прием всех империалистов русские министры из «социалистов» разукрасили самыми трескучими фразами, в которых слова о социализме, демократии, революции звучат, как погремушки в руках ловкого жонглера. Никакими трескучими фразами не прикрыть того факта, что революционная армия России послана в бой во имя целей империалистов Англии, Франции, Италии, Японии, Америки. Никакие софизмы бывшего циммервальдиста и нынешнего партнера Ллойд-Джорджа, Чернова, не могут скрыть того, что — если русская армия и русский пролетариат, действительно, не имеют захватных целей, — то это ни капли не изменяет империалистского грабительского характера борьбы двух мировых трестов. До тех пор, пока не пересмотрены тайные договоры, связывающие Россию с империалистами других стран, пока Рибо, Ллойд-Джордж и Соннино, как союзники России, продолжают говорить о захватных целях своей внешней политики, до тех пор наступление русских войск есть и остается служением империалистам.

Но, ведь, мы же неоднократно заявляли, что от всяких захватов отказываемся, возражают Церетели и Черновы. Тем хуже, скажем мы: значит, слово у вас расходится с делом, ибо на деле вы служите и русскому и чужому империализму. А когда вы начинаете активно содействовать «союзному» империализму, вы

оказываете великолепные услуги русской контрреволюции. Радость всех черносотенцев и всех контрреволюционеров по поводу решительного поворота вашей политики свидетельствует об этом яснее всего. Да, русская революция переживает поворотный момент. Русское правительство в лице министров-«социалистов» сделало то, чего не могли сделать министры-империалисты, Гучков и Милюков: оно предоставило русскую армию в распоряжение штабов и дипломатов, действующих во имя и на почве не отмененных тайных договоров, во имя целей, открыто провозглашенных Рибо и Ллойд-Джорджем. Но свою задачу правительство могло выполнить лишь потому, что ему поверила, за ним пошла армия. Пошла на смерть, веря, что жертвы ее приносятся во имя свободы, во имя революции, во имя скорейшего мира. Но армия пошла на это потому, что она лишь часть народа, пошедшего на данном этапе революции за партиями эсэров и меньшевиков. Этот общий и основной факт — доверие большинства мелкобуржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эсэров — определяет позицию и поведение нашей партии.

С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая попрежнему рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления.

Дело в этапе общенародной революции. Церетели и Черновы, попав в зависимость от империализма, проводят этап мелкобуржуазных иллюзий, мелкобуржуазных фраз, прикрывающих тот же самый циничный империализм.

Этот этап надо изжить. Поможем скорее и безболезненнее изжить его. Он приведет к избавлению народа от п о с л е д н и х мелкобуржуазных иллюзий, к переходу власти в руки революционного класса.

Том XIV, ч. 1, стр. 273—274 (стр. 279—281), 21 июня 1917 г. «Революция, наступление и наша партия».[49])

«Рабочая Газета» обеспокоена п о л и т и ч е с к и м смыслом наступления. Один из ее сотрудников упрекает другого даже в том, будто его увертливые фразы в конце-концов сводятся к признанию того, что русская революционная армия объективно проливает сейчас кровь не во имя мира без аннексий, а во имя захватных планов союзнической буржуазии («Рабочая Газета» № 93, стр. 2, фельетон, столбец № 1).

Вот этот-то «объективный» смысл наступления не может не беспокоить рабочих масс, идущих еще частью за меньшевиками. А это отражается и на страницах «Раб. Газеты». Не желая итти на открытый разрыв с рабочими, газета пытается связать

как-нибудь «наступление» с революционной пролетарской борьбой за мир. Беда же хитроумной редакции заключается в том, что никакой связи, кроме отрицательной, установить здесь нельзя.

И трудно представить себе зрелище людей, более жалких, более запутавшихся, чем эта почтенная редакция, испугавшаяся тех духов, которых она сама же совместно с с.-р. вызвала.

С одной стороны, «Раб. Газета» сообщает, что «теперь на Западе значение русского наступления воспринимается совершенно ложно. Английские и французские буржуазные газеты видят в нем отказ от «утопических» планов Совета. Шовинистические резолюции проводятся под флагом приветствия Керенскому и наступающей революционной армии. И под гром военных барабанов по поводу русского наступления усиливаются гонения на единомышленников русской демократии, признающих одну из последней платформу мира».

Очень ценное признание! Особенно, когда оно идет со страниц министерской газеты, еще вчера считавшей наши предсказания этих неизбежных последствий наступления результатом большевистской злонамеренности. Оказывается, дело не в нашей «злонамеренности», а в том, что политика, усвоенная вождями Советов, имела свою логику и что эта логика ведет к усилению во вне и внутри России антиреволюционных сил.

Вот этот-то неприятный факт «Рабочая Газета» и хотела бы как-нибудь смазать. И средства, предложенные редакцией, очень просты: «срочно необходимо выступление Центрального Исполнительного Комитета Съезда С. Р. и С. Д. вместе с Советом крест. депутатов с определенным и категорическим заявлением о том, что цели войны остаются для русской демократии те же, что и раньше» и т. д. и т. д. Видите, как решительно борются меньшевики с империалистской войной: они готовы сделать еще одно срочное, категорическое заявление. Сколько их уже было этих самых «срочных», самых «категорических», самых «страстных» заявлений. И сколько же раз придется повторять эти самые категорические заявления в наискорейшем порядке, чтобы словами хоть чуть-чуть смягчить дела того правительства, которое министерская «Рабочая Газета» всецело поддерживает?

Нет, господа, самыми «категорическими» словами, декларациями и нотами вы не ослабите тех фактов, о которых сами сообщаете. Этим фактам можно противопоставить лишь дела, которые в действительности знаменовали бы разрыв с политикой продолжения империалистской войны. Правительство Львова—Терещенки—Шингарева—Керенского—Церетели этого сделать не может. Оно может лишь своей трусливой, жалкой политикой относительно Финляндии и

Украины подтвердить свою полную неспособность осуществить самые «категорические» заявления о «без аннексий» и о «праве» самоопределения. А при этих условиях все эти обещанные декларации будут символом, обращающимся для оглушения масс. Оглушение масс звучными декларациями, а не «пролетарская борьба за мир» — вот программа «Рабочей Газеты», вот ее действительный ответ на рост антиреволюционных сил в связи с наступлением.

Том XIV, ч. 1, стр. 298—300 (стр. 305—306), 30 июня 1917 г. «Как же это сделать».[50])

Товарищи, позвольте мне для вступления к разбору вопроса о войне напомнить два места из воззвания для всех стран, опубликованного 14 марта Петроградским С. Р. и С. Д. «Наступила пора, — говорилось в этом воззвании, — начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран, наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Другое место обращения — к пролетариям австро-германской коалиции, где говорится: «откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров». Вот эти два места, которые повторены в различных формулировках в десятках, сотнях, я даже думаю, в тысячах резолюций рабочих и крестьян России. Эти два места, по моему убеждению, показывают лучше всего то противоречивое, неудержимо запутанное положение, в которое благодаря теперешней политике меньшевиков и народников революционные рабочие и крестьяне попали. С одной стороны, они за поддержку войны, с другой стороны, они принадлежат к представителям классов, которые не заинтересованы в захватных стремлениях правительств всех стран, и они не могут этого не сказать. Эта психология и идеология, как бы она ни была смутна, почти у всякого рабочего и крестьянина заложена необыкновенно глубоко. Это — сознание того, что война ведется из-за захватных стремлений правительств всех стран. Но рядом с этим в высшей степени неясно понимание или даже есть непонимание того, что правительство, какой бы формы правления оно ни было, выражает интересы определенных классов, что поэтому противополагать правительство и народ, как это делает первая приведенная мною цитата, есть величайшая теоретическая путаница, есть величайшая политическая беспомощность, есть осуждение самих себя и всей своей политики на самое шаткое, неустойчивое положение и поведение. И точно так же заключительные слова второй цитаты, которую я прочел, это превосходное обращение: «откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров» великолепно, но только и своих собственных, потому

что если вы, русские рабочие и крестьяне, обратитесь к рабочим и крестьянам Австрии и Германии, правительства которых и правящие классы которых ведут такую же разбойничью и грабительскую войну, как русские капиталисты и банкиры, как английские и французские, — если вы говорите: «откажитесь служить орудием в руках ваших банкиров», а собственных банкиров пускаете в министерство и сажаете с социалистами-министрами, вы превращаете все свои воззвания в ничто, всю свою политику на деле опровергаете. На деле как будто не было ваших превосходных стремлений или желаний, ибо вы помогаете вести со стороны России ту же самую империалистическую войну, ту же самую захватную войну. Вы приходите в противоречие с теми массами, которые вы представляете, потому что эти массы никогда не станут на точку зрения капиталистов, открыто выражаемую Милюковым, Маклаковым и другими, которые говорят: «нет преступнее идеи, что война ведется в интересах капитала». Я не знаю, преступна ли эта идея, но не сомневаюсь, что с точки зрения тех, которые сегодня полусуществуют, а завтра, может быть, существовать не будут, эта идея преступна, но она единственно правильна, она одна выражает наше понимание этой войны, она одна, которая выражает интересы угнетенных классов, как борьбу против угнетателей; и когда мы говорим, что война капиталистическая, захватная, не надо делать иллюзий: тут нет и тени того, будто бы преступления отдельных лиц, отдельных королей, могли вызвать такую войну.

Борьба с империалистической войной невозможна иначе, как борьба революционных классов против господствующих классов, и против этих господствующих классов во всемирном масштабе. Это не помещики вообще, хотя помещики есть в России и они играют в России большую роль, чем где бы то ни было в других странах, но это не тот класс, который создал империализм. Это класс капиталистов, который возглавляется крупнейшими финансовыми магнатами и банками, и пока этот класс, господствующий над угнетенными пролетариями — в союзе с беднейшими крестьянами — полупролетариями, как они называются в нашей программе, — пока этот класс не свергли, выхода из этой войны нет. И питать такие иллюзии насчет того, что вы можете прокламациями, обращениями к другим народам соединить трудящихся всех стран, можно только с ограниченной русской точки зрения, не знающей того, как западно-европейская пресса, где рабочие и крестьяне привыкли к политическим переворотам, видели их десятки, как она смеется над подобными фразами и обращениями. Они не знают, что в России действительно поднялась масса рабочих, которые абсолютно в своей массе искренно верят и осуждают захватные стремления всех стран и желают

освобождения народов от банкиров. Но они, европейцы, не понимают, что пока вы не освободились от своих собственных банкиров, что пока вы, имеющие такие организации, которых ни один народ в мире не имеет, как Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые вооружены, что вы посылаете своих социалистов в министры. Вы все-таки отдаете власть этим банкирам. За границей вас обвиняют не только в наивности, это бы еще ничего, но и в лицемерии — европейцы разучились понимать наивность в политике, разучились понимать, что в России есть десятки миллионов людей, которые в первый раз просыпаются в жизни, что в России не знают, что такое связь классов с правительством, что такое связь правительства с войной...

Поэтому, когда вы пишете в ваших воззваниях рабочих и крестьян: «свергайте ваших банкиров», — над вами всякий сознательный рабочий в европейской стране либо смеется, либо с горечью плачет и говорит себе: «что мы можем поделать, если там свергли полудикого идиота и изверга-монарха, каких мы убрали давно — в этом все наше преступление, и теперь поддерживают со своими «почти-социалистами» министрами русских банкиров!?»

Банкиры остаются у власти, ведут внешнюю политику путем империалистической войны, продолжающей целиком те договоры, которые заключены в России Николаем II. У нас это особенно наглядно. Все основы русской внешней империалистической политики предопределены не теперешними капиталистами, а прежним правительством, с Николаем Романовым, которого мы свергли. Он эти договоры заключил, они остаются тайными, капиталисты не могут их опубликовать, потому что они капиталисты. Но ни один рабочий и крестьянин этой путаницы понять не может, потому что он себе говорит: если мы приглашаем свергать капиталистов в других странах, тогда прежде всего долой банкиров наших, иначе никто нам не поверит и никто нас не возьмет всерьез, о нас скажут — вы наивные русские дикари, которые пишете слова, превосходные сами по себе, но не имеющие практического содержания, или подумают, еще хуже, что вы лицемеры. Такие вещи вы можете встретить в заграничной печати, если бы она свободно всех оттенков проходила в Россию через границу, а не задерживалась в Торнео английскими и французскими властями. Из одного подбора цитат заграничных газет вы убедились бы, в какое вопиющее противоречие вы попадете, убедились бы, как невероятно смешна и ошибочна эта идея против этой войны бороться социалистическими конференциями, соглашениями с социалистами на съездах. Если бы империализм был виной или преступлением отдельных лиц, тогда

социализм мог бы остаться социализмом. Империализм есть последняя ступень в развитии капитализма, когда он дошел до того, что поделил весь мир между собой, и в мертвой схватке схватились две гигантские группы. Либо служи одной, либо другой, либо свергай обе эти группы, никакого иного пути тут нет. Когда вы отговариваетесь от сепаратного мира тем, что мы-де не хотим служить немецкому империализму — это совершенно верно, поэтому и мы против сепаратного мира. Но вы, фактически, помимо вашего желания, продолжаете служить англо-французскому империализму с такими же захватными, грабительскими стремлениями, которые и русскими капиталистами при помощи Николая Романова претворены в договоры. Мы не знаем текста этих договоров, но каждый, кто следил за политической литературой, кто хотя одну книжку просмотрел об экономике и дипломатии, тот знает содержание этих договоров. Да и Милюков, насколько я помню, в своих книгах писал об этих договорах и обещаниях, что они ограбят Галицию, ограбят проливы, Армению, сохранят старые аннексии и получат кучу других. Это все знают, и их продолжают скрывать, а нам говорят, если вы отмените это — это значит разрыв с союзниками.

Том XIV, ч. 1, стр. 300—304 (стр. 307—308) 309—310, 30 июня, 1 и 2 июля 1917 г. «О войне».[46])

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ.

МАТЕРИАЛЫ предыдущих глав показывают, что В. Ленин, строя тактику партии в связи с войной и во время войны, исходил из трех основных предпосылок: во-первых, классовый анализ войны, как средства продолжения политики господствующего класса; во-вторых, безоговорочная оценка войны 1914—1918 гг., как войны империалистской; в третьих, учет тех экономических и политических изменений, которые влечет за собой война.

Это тактика, стержнем которой является подлинный интернационализм, представляет собой урок для борьбы коммунистических партий во время будущих войн и в период подготовки к ним. На этом уроке целиком основана намеченная VI Конгрессом Коммунистического Интернационала тактика: «Политическая подготовка коммунистов во время империалистической войны является той же самой программой, которую партия большевиков, под руководством Ленина, выработала и применила в своей героической борьбе против первой империалистической всемирной войны [1].

В чем заключается генеральная линия революционной тактики большевиков во время империалистской войны (а отсюда и периода борьбы против надвигающейся войны и подготовки к ней пролетариата)? Эту генеральную линию можно сформулировать в следующих пяти положениях (из тех же тезисов):

Первое: Отказ от защиты империалистического отечества, разъяснение рабочим и крестьянам реакционного характера этой войны, энергичнейшая борьба против всех течений рабочего движения, явно или скрыто оправдывающих эту войну.

Второе: Пораженчество, т.-е. содействие поражению своего империалистического правительства в этой войне.

Третье: Подлинный интернационализм, т.-е. не «интернационалистские» фразы, не формальные «соглашения», а революционная пораженческая работа пролетариата во всех воюющих странах, направленная на свержение отечественной буржуазии.

Четвертое: Превращение войны империалистических государств в гражданскую войну пролетариата против буржуазии.

Пятое: Центральным лозунгом должен быть не мир, а пролетарская революция.

Весь богатый и многочисленный по количеству цитат материал этой главы и служит великолепной иллюстрацией, как тактика революционной борьбы, провозглашенная В. Лениным с первого дня войны (а в общей поста-

---

[1] Из § 18 тезисов VI Конгресса Коминтерна о «Борьбе против империалистской войны и задачах коммунистов».

новке — и задолго до войны), осуществлялась на деле, применяясь к конкретной обстановке.

Материал главы может быть разделен на две главные группы: первая группа относится к деятельности партии и В. Ленина до Февральской революции, вторая — после этой революции. Последняя, не изменив принципиальной стороны тактики, внесла все же много нового: изменился, значительно ускорившись, темп фактического осуществления ленинской программы борьбы, возник ряд новых частных, практических проблем, отчасти затруднявших эту борьбу (иллюзии, порожденные Февральской революцией, «добросовестное» оборончество, и др.).

Отметим важнейшие мысли В. Ленина в области тактики партии в связи с войной. (При этом мы исходим из того, что читатель познакомился из предшествовавшей главы с ленинской критикой социал-шовинизма.)

Эти мысли нашли особенно яркое и законченное выражение в таких классических документах, как «Тезисы по поводу настоящей войны» (август 1914 г.), «Война и российская социал-демократия» или иначе «Манифест ЦК» (1 ноября 1914 года), «Положение и задачи социалистического Интернационала» (1 ноября 1914 г.), «О поражении своего правительства в империалистической войне» (26 июля 1915 г.), «Социализм и война» (август 1915 г.), «Крах II Интернационала» (тогда же), «Предложения ЦК РСДРП 2-й социалистической конференции (Кинтальской)» (написаны в марте 1916 г.) и, наконец, «О лозунге «разоружения» (декабрь 1916 г.).

Какие задачи ставил В. Ленин перед пролетариатом во время войны, до Февральской революции?

Прежде всего необходимо добиться полного разоблачения лозунга «защиты отечества» и всякого другого шовинистического или полушовинистического лозунга, толкающего рабочего на поддержку своей буржуазии: «Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну»[1]. Из главы третьей читатель уже знает те оценки, которые В. Ленин дает попыткам оппортунистов подсунуть пролетариату эту теорию «защиты отечества», влекущую за собою «гражданский мир», временное перемирие, отказ от классовой борьбы.

Незыблемой предпосылкой для В. Ленина служит то, что, несмотря на войну, классовая борьба не должна прекращаться, ослабляться, а, наоборот, эту борьбу надо всячески форсировать. Раз война — не случайность, «а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир»[2], то не подлежит никакому сомнению, что ...«и в военное время, и на войне и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы». Вот почему «пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста». Стержнем тактики этой классовой борьбы во время войны является тактика лозунг поражения своего правительства в этой империалистической войне.

Конечная цель, максимальное достижение при проведении этой тактики пораженчества есть превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Естественно, что для открытых и явных социал-шовинистов, не только пропагандировавших, но и практической работой (в правительстве, обществен-

---

[1] Том XIII, стр. 15. «Война и российская социал-демократия».

[2] Том XIII, стр. 16. «Положение и задачи социалистического Интернационала».

ных организациях) участвовавших в защите буржуазного отечества, ленинский лозунг «поражения своего правительства» был равносилен «государственной измене», предательству и т. д. Но с этими явными врагами рабочего класса, хотя и трудно, но все же легче справиться, легче их разоблачить перед рабочим классом, нежели скрытых, маскирующих свою оппортунистическую позицию «левой» фразой. Вот почему В. Ленин особенно резко борется с Каутским, Троцким и т. д.

Как ставит вопрос о пораженчестве В. Ленин? Во всех империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству [1].

Лозунг пораженчества, как известно, вызвал наибольшие нападки на Ленина. И отдельные большевики иногда не совсем его понимали. А между тем аргументация Ленина в пользу этого лозунга отличалась особой силой. Задача социалиста и во время войны бороться за революцию. Это аксиома для революционера. Но во время войны революция не может быть ничем иным, кроме как гражданской войной, вооруженной борьбой классов. Задача пролетариата добиваться условий, облегчающих возникновение революции и ослабляющих буржуазию. Одним из таких условий является военная неудача, поражение. Вот почему борьба за революцию во время войны неразрывно связана с пораженчеством. Без пораженчества нельзя реально ставить борьбу за революцию, а во время войны это значит превращение империалистической войны в войну гражданскую. Но, мало этого, вся сила аргументации Ленина заключается еще и в том, что лозунг пораженчества является общим для пролетариата всех империалистических стран. Он интернационален. «Во всех империалистических странах пролетариат должен желать поражения своему правительству». Это сразу отделяет постановку Ленина от тех, кто солидаризировался с лозунгом пораженчества только для одной страны.

Такова, например, позиция Аксельрода. Она внешне революционна. Аксельрод был сторонником поражения царского правительства. Но только царского правительства, как реакционного правительства. Основа такого «пораженчества» совсем иная, чем Ленина. И ничем не отличается от основы социал-шовинизма. И Аксельрод, и социал-шовинисты, ратующие за поражение противной страны, исходят из одного и того же. Одна страна реакционная (для Аксельрода это своя страна — Россия; для немецкого шовиниста—чужая страна—Россия; для французского шовиниста—Германия и т. д.), надо быть сторонником ее поражения; другая страна — прогрессивная (для Аксельрода — это Германия; немецкого шовиниста — тоже Германия; французского — Франция). Общность лозунга поражения одной страны с социал-шовинизмом в том и состоит, что и тот и другой исходят из разделения империалистических стран на реакционные и прогрессивные. Грех лозунга поражения одной стороны состоит и в том, что он не интернационален. И в этом его общность с социал-шовинизмом. И не случайно, а в силу общности исходной позиции Аксельрод солидаризировался с германской социал-демократией, оправдывая ее тактику, солидаризировался с бельгийскими социалистами, заявляя, что «упрекать бельгийских социалистов за оборону своей страны» есть «не марксизм, а цинизм».

Эту позицию Ленин рассматривает как одну из замаскированных разновидностей социал-шовинизма: «Заявление Аксельрода («поражение России» ... и т. д.») верно само по себе, взятое отдельно, но взятое в связи с оправданием немецких шовинистов оно представляет из себя не что

[1] Том XIII, стр. 79. «О поражении своего правительства в империалистической войне».

иное, как попытку подслужиться к Зюдекумам. Признавать пользу поражения России, не обвиняя открыто в измене немецких и австрийских социал-демократов, значит на деле помогать им оправдаться, вывернуться, обмануть рабочих»[1].

Борясь за тактику пораженчества, Ленин борется против упрощения этого лозунга. И когда Каутский пытался представить этот лозунг, как наивную иллюзию, что «в ответ» на войну «массы» должны были в «24 часа» сделать революцию, ввести «социализм» против империализма, — иначе «массы» проявили бы «бесхарактерность и измену»[2], Ленин развертывает программу лозунга пораженчества. Этот лозунг не наивная мечта, не только надежда поднять массы в «24 часа» против войн, для революции, а целая программа действий, начиная от голосования против кредитов и кончая братанием в траншеях и пропагандой необходимости революционных действий.

Это не лозунг для непосредственного начала революции; это лозунг для действительной революционной работы, классовой борьбы, упорной и трудной во время войны. И попытка упрощения этого лозунга — не что иное как попытка оправдания своей измены, своего перехода на сторону буржуазии.

Свою измену Каутский пытается прикрыть толкованием лозунга поражения своего правительства как призыва к немедленному перевороту и введению социализма.

На одну доску с социал-шовинистами, пацифистами типа Каутского ставит Ленин и Троцкого с его «оригинальной» теорией: ни победы, ни поражения.

А что означает этот лозунг? «Этот лозунг, — говорит Ленин, — если вдуматься в него, означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов «своей» буржуазии и «своему» правительству»[3].

И эту позицию В. Ленин характеризует «в лучшем случае» как позицию «примирительного мелкого буржуа». Кто отстаивает эту позицию, тот враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов»[4].

В противовес этим «отклонениям» от пролетарской тактики В. Ленин всегда и всюду ставил перед пролетариатом четкую задачу: «Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы является политика использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения. А этого нельзя достигнуть, к этому нельзя стремиться, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению»[5].

Эту безоговорочную линию В. Ленин проповедывал и требовал от всех партий и рабочих всех стран. И эту же линию он всеми усилиями стремился проводить на практике в политике большевистской партии и рабочего класса России.

По отношению к последней В. Ленин последовательно исходил из общих, интернациональных задач, которые он и немногие, шедшие с ним, ставили с первого же дня войны. В «Тезисах по поводу настоящей войны» (август 1914 г.) он писал (в тезисе 6-м): «С точки зрения рабочего класса и тру-

---

[1] Том XIII, стр. 42. «Русские Зюдекумы».
[2] Том XIII, стр. 164. «Крах II Интернационала».
[3] Том XIII, стр. 82. «О поражении своего правительства в империалистической войне».
[4] Там же, стр. 82.
[5] Там же, стр. 82.

довых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск»[1].

В Манифесте ЦК мы читаем: «Наша партия, Российская с.-д. рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство — Российская социал-демократическая рабочая фракция в Гос. Думе — сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседаний Думы для еще более энергичного выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистскую»[2].

Цель пораженческой тактики ясна, и стремиться к ней необходимо рабочему классу каждой из воюющих стран. Эта цель — развертывание, благодаря поражению, гражданской войны против правящих классов.

Как и основные решения довоенного II Интернационала, особенно Базельский манифест, так и В. Ленин, особенно во время войны, всегда подчеркивал, что тактика поражения не означает разрешения своих задач стачкой, тактикой бойкота войны и т. д. В указаниях нашей делегации на Гаагскую конференцию (1922 г.) он, исходя из опыта войны, писал: «Бойкот войне — глупая фраза. Коммунисты должны итти на любую реакционную войну». Эти указания давались В. Лениным еще в ноябре 1914 года: «Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн»[3].

«Ответить» на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно «ответить» на войну «революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений», — читаем мы в тех же указаниях к Гаагской конференции.

Вместо этих упрощенных, внешне-революционных, но фактически беспомощных, бесполезных и даже вредных способов и лозунгов борьбы (ибо они усыпляют бдительность рабочего класса и ослабляют действительную борьбу), В. Ленин упирает на важнейшие способы пораженческой тактики. Это — безоговорочное провозглашение и широкая пропаганда этой тактики в отношении к своей армии, своего правительства, это — братание, это — обучение владению оружием, это — руководство, организация и расширение действительно массовых революционных выступлений, это — широкая и энергичная пораженческая работа в своей армии, это — обеспечение себя нелегальным аппаратом и т. д. И каждому должно быть ясно, что совокупность всех этих мероприятий будет всегда рассматриваться буржуазией, как «государственная измена», ибо «пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей с «нами» страны, не совершая «государственной измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистской «великой державы»[4].

Из материалов главы видно, какое большое значение придавал В. Ленин усвоению партией и всеми действительно революционными элементами этой программы действия. Вот почему В. Ленин собирает и широко использует все сведения о фактах братания. Он видел в этом неопровержимый при-

---

[1] Том XX, ч. 2, стр. 467.

[2] Том XIII, стр. 8. «Война и российская социал-демократия».

[3] Том XIII, стр. 16. «Положение и задачи социалистического Интернационала».

[4] Том XIII, стр. 82. «О поражении своего правительства в империалистической войне».

знак роста революционного брожения и правильного понимания пролетариатом тактики поражения.

Центральный лозунг всей тактики — не борьба за мир, а борьба за пролетарскую революцию. Вот почему тактика поражения своего правительства требует постановки в качестве конечной цели не лозунга мира, не окончания войны на той же буржуазной основе, а превращения этой империалистской, реакционной войны в войну гражданскую. Вот почему не могут уживаться рядом лозунг поражения и лозунг борьбы за мир.

А между тем некоторые социалисты, хотя и не стоявшие на позиции обороны «своей» страны, т. е. защиты буржуазного отечества, все же не сумели четко и безоговорочно стать на позиции Ленина, пытались совместить эти две несовместимые тактики.

В ноябре 1914 года В. Ленин провозглашает: «Долой поповски-сентиментальные и глупенькие воздыхания о «мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны!» [1]

Возможен ли мир в результате этой войны. Возможен, но весь вопрос в том — какой мир возможен! ...«Если революция пролетариата не свергнет теперешних господствующих классов воюющих «великих» держав, то абсолютно невозможен никакой иной мир, кроме более или менее кратковременного перемирия между империалистскими державами, мир, сопровождающийся усилением реакции внутри государств, усилением национального гнета и порабощения слабых наций, увеличением горючего материала, подготовляющего новые войны, и прочее и т. п.».

А между тем шовинисты, полу-шовинисты, пацифисты каутскианского толка возбуждали «в народных массах мысли или надежды на возможность прочного или демократического и т. п. мира между теперешними правительствами и теперешними господствующими классами» [2]. Этот обман масс насчет возможного мира подслащивается «якобы единодушным признанием борьбы против старых и новых аннексий» [3].

Против этой проповеди мира во время войны должна быть объявлена беспощадная борьба, ибо «всякая «война с войной» и «борьба за мир» является лицемерием, если она не связана неразрывно с немедленной революционной массовой борьбой, с пропагандой и подготовкой таковой» [4].

Та же четкая линия — борьбы за превращение империалистической войны в гражданскую и борьбы против иллюзий возможности мира без революции — проводится В. Лениным в критике лозунга «разоружения». Не всеобщее разоружение во время войны, а вооружение рабочего класса для захвата власти, для победы в гражданскую войну!

И до Февральской революции и после нее В. Ленин не уставал учить, что мир возможен только после пролетарской революции. Сейчас же, пока идет империалистская война, главная задача — превращение ее в гражданскую. И мы видим, как по мере роста революционного сознания и брожения, по мере усложнения и ухудшения экономических и политических условий, как следствие войны, В. Ленин ставит все более глубокие и широ-

---

[1] Том XII, стр. 16. «Положение и задачи социалистического Интернационала».

[2] Из «предложения ЦК РСДРП» — Второй социалистической конференции в апреле 1916 г.

[3] Из «предложения ЦК РСДРП» — Второй социалистической конференции, в августе 1916 г.

[4] Том XIII, стр. 49. «Конференция заграничных секций РСДРП».

кие очередные задачи. В марте 1915 г. он намечал следующие задачи: «Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира» (bloc national, Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще»[1].

От этих «первых шагов» В. Ленин повел пролетариат России до конечной задачи — до восстания и захвата власти. Ибо намеченная тактика борьбы не была поколеблена, а наоборот — ускорила развитие событий в связи с Февральской революцией, еще дальше толкнувшей оппортунистов по пути измены рабочему классу, но временно посеявшей в последнем ряд иллюзий.

Февральская революция поставила перед большевиками задачу осуществления тех тактических задач, которые были выдвинуты с начала войны для пролетариата всех воюющих стран.

Русские социал-шовинисты и оппортунисты всех толков не только ничего не поняли из случившегося в России, но, наоборот, Февральская революция ускорила их полный переход на сторону буржуазии. У них закружилась голова от «левых» лживых фраз о революции, республике, демократии. Но это было бы полбеды, если бы не временное усиление иллюзий. Защита отечества или лозунг поражения, борьба за выход из войны через мир или революцию — во всех этих задачах русские социал-шовинисты заняли еще более реакционную буржуазную позицию. Ибо они еще больше, чем до февраля, верили и призывали рабочих верить в прогрессивный характер войны России против Германии и Австрии.

Вот почему В. Ленин прежде всего требует четкого понимания того, что Февральская революция не изменила империалистского характера войны с обеих сторон. Он это доказывал с первого дня Февральской революции и исходил из этого во всей тактике после нее. Ссылаясь на прежние заявления партии, Ленин говорил: ...«если в России победит революция и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистскую войну, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем против «защиты отечества» в такой войне»[2].

А раз так, то задачи пролетариата остаются прежними. Они становятся реальнее и конкретнее, ибо, победив в первом этапе (свержение царизма), пролетариат должен «подготовить свою победу во втором этапе революции» (свержение буржуазии).

В. Ленин с удовлетворением отмечает, что, несмотря на то, что лозунг «превращения империалистской войны в гражданскую войну» «был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием с.-д. «центра», несмотря на это — «теперь, после марта 1917 г., только слепой может не видеть, что

---

[1] Том XIV, ч. 2, стр. 404, «Прощальное письмо к швейцарским рабочим».

[2] И, рассматривая обстановку и проводимую новым правительством политику, В. Ленин приходит к заключению, что «приблизительно такой случай наступил».

этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в гражданскую становится фактом»[1].

Как мы уже указывали, на ряду с тем, что Февральская революция не изменила тактики большевиков, ибо не изменилась классовая основа продолжающейся войны, все же Февральский переворот поставил в порядок дня ряд дополнительных и новых задач.

Первая из них — необходимость считаться с наличием в массах иллюзий, посеянных ложно-революционным характером политики нового правительства. Эти иллюзии вызвали к жизни то отношение масс к войне, которое В. Ленин назвал «добросовестным оборончеством». Это определение В. Ленин давал для отличия этих массовых настроений от сознательной оборонческой политики социал-шовинистов.

С первым надо считаться: «ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала»[2].

Со вторым — беспощадная борьба, ибо «буржуазия обманывает народ, играя на благородной гордости революцией и изображая дело так, будто социально-политический характер войны со стороны России изменился от этого этапа революции»[3]...

Продолжение тактики, проверенной всем опытом борьбы в первые годы войны, потребовало обстоятельного, настойчивого и терпеливого разъяснения, что без свержения нового правительства возможен только насильнический мир. И Ленин не сомневался, что массы высвободятся и изживут в себе эти иллюзии и «предрассудки старины», что у масс это временное заблуждение.

В чем трудность, созданная этим заблуждением? В том, что «можно свергать того, кто известен народу». А новое правительство, после февральский режим еще не разоблачен (к апрелю 1917 г.). «К ним (массам. *Ф. В.*) надо уметь подойти с разъяснением, и это является самой трудной задачей, в особенности для партии, которая еще вчера находилась в подполье... В России первая гражданская война кончилась, мы переходим теперь ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом. В этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду»[4].

Особенно важно разоблачать в этой разъяснительной работе, что «никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий», ибо слово аннексия означает как «завоевание чужих стран», так и «насильственное удержание в пределах России каких-либо народностей».

Таким образом, осуществлению лозунга поражения нового, буржуазного правительства, превращения его войны в войну гражданскую надо было сочетать и увязывать с разъяснительной работой, пропагандой о классовой сущности февральского переворота.

Дальнейшее революционизирование, освобождение от иллюзий первых дней, «весны» Февральской революции не заставило себя долго ждать.

---

[1] Том XIV, ч. 2, стр. 408, 409. «Прощальное письмо к швейцарским рабочим».

[2] Том XIV, ч. 1, стр. 43. «Задачи пролетариата в нашей революции».

[3] Том XIV, ч. 1, стр. 18. «О задачах пролетариата в данной революции».

[4] Том XIV, ч. 2, стр. 417. «Речь на Всероссийской апрельской конференции РСДРП (1917)».

С фронта шли вести о стихийном братании. И, верные своей тактике, большевики целиком поддерживали это движение, «стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата» [1].

И тут, в связи с этим, В. Ленин дает четкую установку по вопросу о братании, ибо шовинисты, например, Плеханов обвиняли, что поощрение братания есть путь к сепаратному миру. «Нет, господин бывший социалист, братание, которое мы поддерживали на всех фронтах, ведет не к «сепаратному» миру между капиталистами нескольких стран, а к всеобщему миру между революционными рабочими всех стран вопреки капиталистам всех стран, против капиталистов, для свержения ига» [2].

Еще и еще раз, вплоть до 25 октября В. Ленин неустанно провозглашает единственно революционное разрешение вопроса о мире.

С первого дня войны В. Ленин ставил вопрос:

«Есть ли путь к миру без отмены аннексий (захватов), без дележа добычи капиталистами-разбойниками?» И ответ гласил всегда: «Есть — через рабочую революцию против капиталистов всех стран». Этот ответ давался им сейчас же в марте 1917 г., когда главной формой борьбы за этот лозунг была пропаганда, разоблачение империалистского характера нового правительства и разъяснение массам их «оборонческих» заблуждений. Этот ответ был стержнем всей тактики после июльского разгрома, разоблачившего лучше всего контрреволюционное существо февральского режима и потребовавшего развернутой борьбы и подготовки на фронте и в тылу к захвату пролетариатом власти. Сентябрьские события (поражение корниловского восстания) потребовали дальнейшего углубления и развертывания непосредственной борьбы за власть, и большевики четко и воткрытую провозглашают свою программу мира, предпосылка которой — победное восстание пролетариата.

Итак, мы видим, что после Февральской революции полностью сохраняются в силе все главнейшие линии тактики во время войны. И особенно выдвигается на первый план непосредственная борьба за превращение империалистской войны в гражданскую, как единственно обеспечивающая «выход» из войны, действительное заключение мира.

И жизнь полностью подтвердила и подчеркнула гениальность этой тактики. Пролетариат и трудящееся крестьянство к октябрю почти отделались от февральских иллюзий, от добросовестного оборончества и пошли за Лениным и его партией, чтобы, в гражданской войне, в захвате власти, в пролетарской революции завоевать действительный мир.

---

[1] Там же, стр. 438. «Речь о резолюции о войне».
[2] Том XIV, ч. 1, стр. 132. «Значение братания».

Платформа большевиков [1].

1. Как всякая война есть лишь продолжение средствами насилия той политики, которую вели воюющие державы и господствующие классы в них долгие годы или десятилетия до войны, так и мир, заканчивающий любую войну, может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в результате данной войны.

2. Поэтому величайшей нелепостью и тупоумием является, с точки зрения теории, с точки зрения учения социализма, и величайшим обманом рабочего класса на практике всякие разговоры об оценке данной войны на основе «простых» понятий обороны и нападения и об оценке грядущего мира на основе «простых» благочестивых пожеланий о прочном, демократическом, почетном и т. п. мире.

3. Настоящая война есть империалистическая война, т.-е. война, порожденная противоречиями на почве высоко развитого, монополистического, созревшего для перехода в социализм, капитализма.

Эта война ведется ради мировой гегемонии, т.-е. ради нового угнетения слабых наций, нового раздела мира, раздела колоний, сфер влияния и пр. — такого раздела, при котором бы старые грабительские державы, Англия, Франция, Россия, уступили долю своей добычи молодой и более сильной грабительской державе, Германии.

4. Поэтому, если революция пролетариата не свергнет теперешних правительств и теперешних господствующих классов воюющих «великих» держав, то абсолютно невозможен никакой иной мир, кроме более или менее кратковременного перемирия между империалистическими державами, мир, сопровождающийся усилением реакции внутри государств, усилением национального гнета и порабощения слабых наций, увеличением горючего материала, подготовляющего новые войны, и прочее и т. п. Ибо из объективного содержания той политики, которая порождена всей эпохой империализма и которую вела буржуазия всех воюющих «великих» держав как перед этой войной, так и во время нее, с неизбежностью вытекает мир на основе нового и худшего угнетения наций и т. д.

---

[1] «Предложения ЦК РСДРП второй Циммервальдской конференции, созванной в Кинтале (Интернациональной социалистической комиссией) (Бернской)». «Предложения ЦК РСДРП второй социалистической (Кинтальской) конференции», происходившей 24—30 апреля 1916 г., были написаны В. И. Лениным в марте 1916 г. Сохранилось два варианта этих «предложений». Ниже печатается по рукописи первый вариант с необходимыми примечаниями. [Примечания института Ленина].

5. Возбуждать в народных массах мысли или надежды на возможность прочного или демократического и т. п. мира между теперешними правительствами и теперешними господствующими классами (т.-е. буржуазией в союзе с помещиками), как это делает большинство официальных социалистических партий, значит не только бесстыдно обманывать народ, но и усыплять его, отвлекать его от революционной борьбы, которая фактически уже начинается в виде стачечного демонстрационного движения.

6. Именно такой характер обмана народа и отвлечения пролетариата от революционной борьбы имеет та «программа мира», которую «единодушно» выставляют теперь и официальный представитель II Интернационала, Гюйсманс, на съезде Social-Demokratische Arbeiter Partei [1] Голландии в Arnheim'e [2] и влиятельнейший теоретик II Интернационала, влиятельнейший защитник социал-патриотов и социал-шовинистов всех стран, Каутский. Их программа состоит в словесном и лицемерном признании нескольких демократических благопожеланий: отрицание аннексий и контрибуций, самоопределение наций, демократизация внешней политики, третейские суды для разбора конфликтов между государствами, разоружение, Соединенные штаты Европы и т. д. и т. п.

7. Наиболее наглядным подтверждением того, что эта «программа мира» является сплошным лицемерием, является, с одной стороны, словесное признание ее рядом буржуазных пацифистов и демагогических министров воюющих стран, с другой — повторение ее заведомыми (notorisch) шовинистами на конференциях «социалистов» одной группы воюющих держав в Лондоне (II. 1915) [3] и другой в Вене (IV. 1915?) [4]. Именно те социалисты, которые вступают в буржуазные министерства, ведущие грабительскую войну, вотировали военные кредиты, помогали войне участием в различных организациях и учреждениях и т. п., именно они, ведущие на деле политику защиты старых и новых аннексий, колониального угнетения и проч., провозглашают перед

[1] Социал-демократической рабочей партии.

[2] Съезд голландской социал-демократической рабочей партии в Арнгейме состоялся 8—9 января 1916 г. г. Гюйсманс, секретарь Международного социалистического бюро, произнес на съезде речь, в которой развивал «демократическую программу мира».

[3] Лондонская конференция социал-шовинистов и отчасти каутскианцев Антанты, созванная по инициативе Вандервельде английской независимой рабочей партией, состоялась 14 февраля 1915 г. На конференции присутствовали делегаты Англии, Франции, Бельгии и России (2 меньшевика и 3 эсера). По поручению ЦК РСДРП (большевиков) т. М. Литвинов, представлявший партию большевиков в Международном социалистическом бюро, явился на конференцию с целью изложить точку зрения ЦК и, огласив декларацию ЦК, покинул затем конференцию.

[4] Венская конференция представителей социалистических партий Германии и Австро-Венгрии происходила 13—14 апреля 1915 года.

всем миром свою «программу мира», состоящую в отрицании аннексий и т. д.

8. Если самый большой авторитет II Интернационала Каутский объявил перед всем миром 21 мая 1915 года («Neue Zeit») [1], что это согласие и «единодушие» «социалистов» в Копенгагене [2] и в Вене насчет принципа «самостоятельности» или самоопределения наций доказывает «единодушие» и «жизненность» II Интернационала в «программе мира», то эта защита и санкция самого вопиющего, самого наглого лицемерия и обмана рабочих представляет из себя отнюдь не случайность, а систематическую политику, которую в целом ряде стран ведут люди, на словах выдающие себя за «интернационалистов», на деле же прикрывающие империалистическую войну применением к ней идеи «защиты отечества» и укрепляющие господство над рабочим движением изменивших социализму социал-шовинистов проповедью «единства» с ними. Эту политику, наиболее вредную и опасную для рабочего класса, ведут Каутский, Гаазе и пр. в Германии, Лонге, Прессман и др. — во Франции, большинство вождей в Англии, Аксельрод, Мартов и Чхеидзе с К° в России, Тревес и др. в Италии (см. угрозу центрального органа итальянской партии «Avanti» от 5 марта 1916 года разоблачить Тревеса и других «реформистов-поссибилистов» в том, кто «пустил в ход все средства, чтобы помешать действию правления партии и Оддино Моргари, направленному к Циммервальдскому объединению и к самому новому Интернационалу»).

Эта всемирная политика, наиболее опасная для рабочего класса, может быть названа, по имени ее авторитетнейшего представителя, каутскианской политикой.

9. Социалисты не могут отказаться от борьбы за реформы. Они должны голосовать, между прочим, и в парламентах, за всякие, хотя бы даже ничтожные улучшения в положении масс, например, за увеличение пособий жителям разоренных областей, за ослабление национального или военного гнета и т. п. Но, очевидно, что на почве данной войны и вытекающего из нее мира подобная реформистская деятельность за улучшение положения масс возможна лишь в миниатюрных размерах. Было бы вопиющим обманом масс внушить им, прямо или косвенно, мысль о возможности рефрмистского решения вопросов, поставленных данной войной. Ибо эта война создала революционную ситуацию в Европе, поставив на очередь самые коренные вопросы империализма, которые не могут не быть решены по-им-

[1] Вл. Ильич имеет в виду статью К. Каутского «Nochmals unsere Illusionen» (Еще раз о наших иллюзиях») в «Neue Zeit», № 8 от 21 мая 1915 г.

[2] Копенгагенская конференция представителей социалистических партий «нейтральных» стран происходила 17 — 18 января 1915 г.

периалистски, за исключением случая революционного свержения теперешних правительств и господствующих классов Европы. Поэтому главной и основной задачей в борьбе за прочный и демократический мир со стороны социалистов должно быть: 1) разъяснение массам необходимости революционной массовой борьбы, систематическая пропаганда ее и создание соответствующей организации; 2) разоблачение лицемерия и лжи как буржуазно-пацифистских, так и социалистических, особенно каутскианских, фраз насчет мира и «единодушия» II Интернационала в вопросе о «программе мира». Такие фразы вдвойне лицемерны со стороны «социалистов», отрицающих, вслед за буржуазией, возможность превращения данной империалистической войны в гражданскую войну за социализм и противодействующих всякой революционной работе в этом направлении.

10. Центральным пунктом господствующего ныне лицемерия насчет «программы мира» является якобы единодушное признание борьбы против старых и новых аннексий. Но говорящие об аннексиях и борьбе с ними не умеют или не хотят большей частью подумать, что такое аннексия. Ясно, что аннексией нельзя назвать всякое присоединение «чужой» территории, ибо социалисты, вообще говоря, сочувствуют устранению границ между нациями, сближению и слиянию наций, образованию более крупных государств. Ясно, что аннексией нельзя считать всякое нарушение status quo: это было бы величайшей реакционностью и насмешкой над основными понятиями исторической науки. Ясно, что аннексией нельзя считать всякое насильственное военное присоединение, ибо против насилия, если оно применяется в интересах массы населения и в интересах прогресса человечества, социалисты возражать не могут. Ясно, что аннексией можно и должно считать лишь присоединение территории вопреки воле ее населения. Другими словами, понятие аннексии неразрывно связано с понятием самоопределения наций.

11. Именно на почве данной войны, в силу того, что она является империалистической со стороны обеих групп воюющих «великих» держав, должно было вырасти и выросло то явление, что буржуазия и социал-шовинисты усиленно «борются» с «аннексиями», если их совершило или совершает неприятельское государство. Зюдекум и его австро-германские друзья и защитники, вплоть до Гаазе и Каутского, молчат об аннексии, совершенной Германией по отношению к Эльзас-Лотарингии, Дании, Польше и пр., но очень часто «борются против аннексий», совершенных Россией по отношению к Финляндии, Польше, Украине, Кавказу и т. д., Англией

по отношению к Индии и т. п. С другой стороны, английские, французские, итальянские и русские Зюдекумы, т.-е. Гайндман, Гэд, Вандервельде, Ренодель, Тревес, Плеханов, Аксельрод, Чхеидзе и К°, молчат об аннексиях Англии по отношению к Индии, Франции по отношению к Ницце или Марокко, Италии по отношению к Триполи или Албании, России по отношению к Польше, Украине и пр., но зато б о л ь ш е й ч а с т ь ю «борются против аннексий», совершаемых Германией.

Ясно, что подобная «борьба против аннексий» со стороны социал-шовинистов и каутскианцев носит насквозь лицемерный характер, а подобной борьбе буржуазия помогает и прямо, ассигнуя миллионы и миллионы на шовинистскую пропаганду, и косвенно, давая монополию легальности только социал-шовинистам и каутскианцам.

Ясно, что и французские «социалисты», оправдывающие войну за Эльзас-Лотарингию, и немецкие, не требующие свободы отделения Эльзас-Лотарингии от Германии, одинаково являются аннексионистами, как бы они ни клялись в обратном. Ясно, что русские «социалисты», говорящие или пишущие против «распада» России или оправдывающие ныне, прямо или косвенно, войну из-за того, кто поработит Польшу, во имя лозунга «мир без аннексий», являются такими же аннексионистами, и т. д. и т. д.

12. Чтобы не превращать «борьбу против аннексий» в пустую фразу или в отвратительное лицемерие, социалисты должны: 1) разъяснять массам необходимость революционной борьбы за завоевание политической власти пролетариатом и совершение социалистического переворота, который вырастает из всех условий империалистической эпохи и данной империалистической войны и который один только в состоянии прочно и повсюду обеспечить самоопределение наций, т.-е. освободить угнетенные нации и осуществить сближение и слияние наций не на основе насилия, а на основе равноправия и согласия пролетариата и трудящихся масс всех наций; 2) должны немедленно провести самую широкую пропаганду и агитацию против прикрытого шовинизма и аннексионизма официальных социалистических партий, особенно в «великих» державах. Социалисты должны разъяснять массам, что только на словах является социалистом и интернационалистом, а на деле шовинистом и аннексионистом тот английский социалист, который не борется тотчас за свободу отделения Ирландии, Индии и т. д., тот французский социалист, который не борется за свободу французских колоний, против войны за присоединение Эльзаса и Лотарингии и т. д., тот немецкий социалист, который не борется за свободу отделения Эльзас-Лотарингии, датчан, поляков, бельгийцев, сербов и пр., тот русский социалист, который не борется за свободу отделения Польши,

Украины, Финляндии и пр., против войны из-за Польши, тот итальянский социалист, который не борется за свободу отделения Триполи, Албании и т. д., тот голландский социалист, который не борется за свободу отделения и независимость Голландской Индии, тот польский социалист, который не борется за полную свободу и равноправие угнетенных поляками евреев и украинцев и т. д.

13. Из Циммервальдского манифеста и из циркуляра I. S. K. от 10 февраля 1916 года (Бюллетень № 3 [1]) вытекает с неизбежностью, что всякая «война с войной» и «борьба за мир» являются лицемерием, если они не связаны неразрывно с немедленной революционной массовой борьбой, с пропагандой и подготовкой таковой. Но этот вывод надо изложить прямо и определенно. Надо, во-первых, разъяснить массам, к чему может и должно (muss) привести развитие революционной массовой борьбы в обстановке европейской войны. Оно ведет неизбежно к превращению империалистической войны в гражданскую войну за социализм. На это намекают все речи о том, что рабочие должны лучше гибнуть за свое, а не за чужое дело. Но намека недостаточно. Надо ясно поставить перед массами великую, хотя, быть может, и не близкую цель. Надо знать, куда и зачем итти. Во-вторых, если мы зовем массы бороться с их правительствами «независимо от военного положения данной страны», то мы тем самым не только отвергаем в принципе допустимость «защиты отечества» в данной войне, но и признаем желательность поражения всякого буржуазного правительства для превращения этого поражения в революцию. И это надо сказать прямо: революционная массовая борьба не может стать интернациональной, если сознательные представители ее не объединятся открыто меж собой во имя поражения и свержения всех буржуазных правительств. В третьих, — и это самое главное, — нельзя вести революционной массовой борьбы, не создав повсюду, не на верхах только, а в массах, нелегальной организации для пропаганды, подготовки, обсуждения хода и условий ее. Если в Германии были уличные демонстрации, если во Франции был ряд писем с фронта, призывающих не подписываться на военный заем, если в Англии, не говоря уже о России, были массовые стачки, то для помощи этой борьбы, для ее интернационального сплочения безусловно необходимо освещать в свободной, т.-е. нелегальной, печати каждый шаг по этому пути,

[1] Циркуляр И. С. К. «Ко всем примыкающим партиям и группам» от 10 февраля 1916 г. был принят на расширенном совещании И. С. К., состоявшемся 5—10 февраля в Берне, напечатан в «Bulletin der I. S. K. zu Bern» № 3, 29 февраля 1916 г., по-русски — в «Социал-Демократе» № 52. В основу циркуляра, близкого по развиваемым в нем положениям к точке зрения циммервальдской левой, лег проект Р. Гримма, поддержанного представителем ЦК.

проверять успехи, взвешивать их условия, сплачивать и развивать борьбу. Без нелегальной организации и нелегальной печати признание «массового действия» останется (как это и есть в Швейцарии) голой фразой.

ИЗ МАНИФЕСТА Ц. К.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разъединить рабочих и направить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага), — тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказываться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений...

Наша партия, Российская с.-д. рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство — Российская социал-демократическая рабочая фракция в Государственной Думе — сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседаний Думы для еще более энергического выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистическую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи рабочие в России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом...

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии...

Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы,

после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма...

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму...

Том XIII, стр. 6—12, 1 ноября 1914 г. «Война и российская социал-демократия». [7])

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен Штуттгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о «защите отечества», а об «ускорении краха капитализма», об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено «по желанию» отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму «своей» страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом «своей» буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность, — вот та линия работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара...

Том XIII, стр. 15—16, 1 ноября 1914 г. «Положение и задачи социалистического Интернационала».

ЧТО ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ

5. Ни в мирное, ни в военное время с.-д. партия и депутаты ее никоим образом не могут голосовать за военные кредиты,

какими бы обманными речами о «защите нейтральности» и пр. такое голосование ни оправдывалось.

6. Ответом на войну со стороны пролетариата должна быть пропаганда, подготовление и осуществление революционных массовых действий с целью низвержения господства буржуазии, завоевания политической власти и осуществления социалистического строя, который один избавит человечество от войн и решимость осуществить который зреет в сознании рабочих всех стран с невиданной раньше быстротой.

7. В числе революционных действий должны быть демонстрации и массовые стачки, но никоим образом не отказ от военной службы. Напротив, не отказ брать оружие, а только обращение оружия против своей буржуазии может отвечать задачам пролетариата и соответствовать лозунгам лучших представителей интернационализма, например, К. Либкнехта.

8. Малейшие шаги правительства перед войной или во время войны к отмене или стеснению политических свобод должны повести к образованию с.-д. рабочими нелегальных организаций, имеющих целью систематическую, настойчивую, не останавливающуюся перед жертвами пропаганду войны войне перед массами и разъяснение массам истинного характера войны...

23. Расширение и усиление с.-д. работы в войске как перед вступлением молодежи в ряды его, так и во время отбывания службы. Создание с.-д. групп во всех воинских частях. Разъяснение исторической неизбежности и законности, с точки зрения социализма, употребления оружия в единственно законной войне, именно в войне пролетариата с буржуазией, за освобождение человечества от наемного рабства. Пропаганда против изолированных аттентатов (покушений) во имя связи борьбы революционной части войска с широким движением пролетариата и эксплоатируемых в населении вообще. Усиление пропаганды той части Ольтенского решения, которое рекомендует солдатам отказ в повиновении при употреблении войска против стачечников, а равно необходимости не ограничиваться пассивным отказом в повиновении.

Том XIII, стр. 492—493 и 498, январь—февраль 1917 г. «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии».[27])

НЕ «ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА», А ПОРАЖЕНИЕ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики-дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на

войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на уничтожающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе, хотя бы и дальневосточной Европе, «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов с в о е г о отечества, т.-е. х у д ш и х врагов нашей родины; — нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $^{9}/_{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $^{9}/_{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, уничтожает, обесчещивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Том XIII, стр. 27 — 29, 12 декабря 1914 г. «О национальной гордости великороссов».[10])

Что же было делать бельгийским социалистам? Если они не могли совершить социального переворота вместе с французами и т. д., им надо было подчиниться большинству нации в данный момент и итти на войну. Но, подчиняясь воле класса рабовладельцев, надо было на них свалить ответственность, не голосовать кредитов, послать Вандервельде не в министерские поездки к эксплоататорам, а в организаторы (вместе с революционными социал-демократами в с е х стран) нелегальной революционной пропаганды «социалистического переворота» и гражданской войны; надо было и в армии вести эту работу (опыт показал, что возможно даже «братанье» рабочих-солдат в траншеях воюющих

армий!). Болтать о диалектике и марксизме и не уметь соединить необходимое (если оно на время необходимо) подчинение большинству с революционной работой при всяких условиях есть издевательство над рабочими, насмешка над социализмом. «Граждане Бельгии! Нашу страну постигло великое несчастье, его вызвала буржуазия всех стран и Бельгии в том числе. Вы не хотите свергнуть этой буржуазии, не верите в апелляцию к социалистам Германии? Мы в меньшинстве, я подчиняюсь вам и иду на войну, но я и на войне буду проповедывать, буду готовить гражданскую войну пролетариев всех стран, ибо вне этого нет спасения крестьянам и рабочим Бельгии и других стран!» За такую речь депутат Бельгии или Франции и т. п. сидел бы в тюрьме, а не в кресле министра, но он был бы социалистом, а не изменником, о нем говорили бы теперь в траншеях и французские, и немецкие солдаты-рабочие, как о *своем* вожде, а не как о предателе рабочего дела.

Том XIII, стр. 40—41, 1 февраля 1915 г. «Русские Зюдекумы».[11])

Заявление Аксельрода: «поражение России, не могущее затронуть органического развития страны, помогло бы ликвидировать старый режим», верно само по себе, взятое отдельно, но, взятое в связи с оправданием немецких шовинистов, оно представляет из себя не что иное как попытку *подслужиться* к Зюдекумам. Признавать пользу поражения России, не обвиняя открыто в измене немецких и австрийских социал-демократов, значит на *деле* помогать им оправдаться, вывернуться, обмануть рабочих.

Том XIII, стр. 42, 1 февраля 1915 г. «Русские Зюдекумы».[11])

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и *облегчает гражданскую войну против правящих классов*.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. *В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом*.

Том XIII, стр. 51, 29 марта 1915 г. «Конференция заграничных секций РСДРП».[12])

Защитники победы своего правительства в данной войне, как и защитники лозунга «ни победы, ни поражения», одинаково стоят на точке зрения социал-шовинизма. Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства, не может не видеть связи его военных неудач с облегчением низвержения его. Только буржуа, верящий, что война, начатая правительствами, непременно кончится, как война между правительствами, и желающий этого, находит «смешной» или «нелепой» идею о том, чтобы социалисты *всех* воюющих стран выступили с пожеланием поражения *всем* «своим» правительствам. Напротив, именно такое выступление соответствовало бы затаенным мыслям всякого сознательного рабочего и лежало бы по линии нашей деятельности, направленной к превращению империалистской войны в гражданскую.

Несомненно, серьезная агитация против войны части английских, немецких, русских социалистов «ослабляла военную мощь» соответственных правительств, но такая агитация была заслугой социалистов. Социалисты должны разъяснять массам, что для них нет спасения вне революционного низвержения «своих» правительств и что затруднения этих правительств в теперешней войне надо использовать именно для этой цели.

Том XIII, стр. 107—108, август 1915 г. «Социализм и война».[16])

О ТРОЦКОМ И О ЛОЗУНГЕ ПОРАЖЕНИЯ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству.

Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов. К числу первых принадлежит, например Семковский из О. К. (№ 2 его «Известий»). К числу вторых — Троцкий и Буквоед, а в Германии — Каутский. Желание поражения России, — пишет Троцкий, — есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла» (№ 105 «Нашего слова»).

Вот — образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм. «Революционная борьба против войны» есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои II Интернационала, *если* под ней не разуметь революционные действия *против своего правительства* во время войны. Достаточно чуточку подумать, чтобы понять это. А революционные действия во время войны против своего прави-

тельства, несомненно, неоспоримо, означают не только желание поражения ему, но на деле и содействие такому поражению. (Для «проницательного читателя»: это вовсе не значит, что надо «взрывать мосты», устраивать неудачные военные стачки и вообще помогать революционерам нанести поражение правительству).

Отделываясь фразами, Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России — *значит* желать победы Германии (Буквоед и Семковский прямее выражают эту общую им с Троцким «мысль», вернее: недомыслие). И в этом Троцкий повторяет «методологию социал-патриотизма»! Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№ 40 «Социал-Демократа») пояснила: во *всех* империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству. Буквоед и Троцкий предпочли обойти эту истину, а Семковский (оппортунист, всех больше приносящий пользу рабочему классу откровенно-наивным повторением буржуазной премудрости), Семковский «мило ляпнул»: это бессмыслица, ибо победить может либо Германия, либо Россия (№ 2 «Известий»).

Возьмите пример Коммуны. Победила Германия Францию, и Бисмарк с Тьером победил рабочих! Если бы Буквоед и Троцкий подумали, то увидали бы, что они стоят на точке зрения войны *правительств буржуазии*, т.-е. они раболепствуют перед «политической методологией социал-патриотизма», говоря вычурным языком Троцкого.

Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны — невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению.

От «лозунга» поражения потому и открещиваются шовинисты (с О. К., с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг *один только* означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы революционнейших фраз о войне против «войны и условий» и т. д. не стоят ломаного гроша.

Кто серьезно хотел бы опровергнуть «лозунг» поражения своего правительства в империалистской войне, тот должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—1915 гг. не реакционна; или 2) что революция в связи с ней невозможна; или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений во *всех* воюющих странах. Последнее соображение особенно важно для России, ибо это — самая отсталая страна, в которой социалистическая революция

непосредственно невозможна. Именно поэтому русские социал-демократы должны были первыми выступить с теорией и практикой «лозунга» поражения. И царское правительство было вполне право, что агитация Р. С.-Д. Р. фракции — единственный образец в Интернационале не одной парламентской оппозиции, а действительной революционной агитации в массах против своего правительства, что эта агитация ослабляла «военную мощь» России, содействовала ее поражению. Это факт. Неумно прятаться от него.

Противники лозунга поражения просто боятся самих себя, не желая прямо взглянуть на очевиднейший факт неразрывной связи между революционной агитацией против правительства и содействием его поражению.

Возможно ли соответствие и содействие революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе? В этом не сомневался за последнее десятилетие ни один высказавшийся публично социалист, и движение в австрийском пролетариате после 17 октября 1905 года фактически доказало эту возможность.

Спросите любого именующего себя интернационалистом социал-демократом, сочувствует ли он соглашению социал-демократов разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств? Многие ответят, что оно невозможно, как ответил Каутский («Neue Zeit» от 2 октября 1914 г.), этим вполне доказав свой социал-шовинизм. Ибо, с одной стороны, это — заведомая, вопиющая неправда, бьющая в лицо общеизвестным фактам и Базельскому манифесту. А, с другой стороны, если бы это была правда, тогда оппортунисты были бы во многом правы.

Многие ответят, что сочувствуют. И тогда мы скажем: если это сочувствие не лицемерно, то смешно думать, что на войне и для войны требуется соглашение «по форме»: выбор представителей, свидание, подписание договора, назначение дня и часа! Думать так в состоянии лишь Семковские. Соглашение о революционных действиях даже в одной стране, не говоря о ряде стран, осуществимо только силой примера серьезных революционных действий, приступа к ним, развития их. А такой приступ опять-таки невозможен без желания поражения и без содействия поражению. Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции, — оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистской войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы.

Отказываться от лозунга поражения значит превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие.

Том XIII, стр. 78—81, 26 июля 1915 г. «О поражении своего правительства в империалистической войне».[15])

И чем же предлагают нам заменить «лозунг» поражения? Лозунгом «ни побед, ни поражений» (Семковский в № 2 «Известий». то же весь О. К. в № 1). Но ведь это не что иное как перифразировка лозунга «защита отечества»! Это — именно перенесение вопросов в плоскость войны правительств (которые, по содержанию лозунга, должны остаться в старом положении, «сохранить свои позиции»), а не борьбы угнетенных классов против своего правительства! Это есть оправдание шовинизма всех империалистских наций, буржуазии которых всегда готовы сказать, — и говорят народу, — что они «только» борются «против поражения». «Смысл нашего голосования 4 августа: не за войну, а против поражения», пишет вождь оппортунистов Э. Давид в своей книге. «Окисты», вместе с Буквоедом и Троцким, вполне становятся на почву Давида, защищая лозунг: «ни победы, ни поражения»!

Этот лозунг, если вдуматься в него, означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов «своей» буржуазии и «своему» правительству, а нанесение во время войны удара своему правительству есть государственная измена (к сведению Буквоеда!), есть содействие поражению своей страны. Кто признает лозунг «ни побед, ни поражений», тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за «разрыв гражданского мира», тот на деле отрекается от самостоятельной пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче вполне буржуазной: охранять от поражения данные империалистские правительства. Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения. А этого нельзя достигнуть, к этому нельзя стремиться, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению.

Когда итальянские социал-демократы перед войной поставили вопрос о массовой стачке, буржуазия ответила им — безусловно правильно с ее точки зрения: это будет государственной изменой, и с вами поступят, как с изменниками. Это — правда, как правда и то, что братанье в траншеях есть государственная измена. Кто пишет против «государственой измены», как Буквоед, против

«распада России», как Семковский, тот стоит на буржуазной, а не на пролетарской точке зрения. Пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей с нами страны, не совершая «государственной измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистской «великой» державы.

Кто стоит за лозунг «ни побед, ни поражений», тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов.

Взглянем на вопрос еще с одной стороны. Война не может не вызвать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами, невозможна революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», говорит архи-реакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу» — чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть «продолжение политики» империализма, и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а, с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза без революции против своего правительства. Нельзя возбудить ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения, — и нельзя быть нелицемерным противником «гражданского (классового) мира», не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии!!!

Сторонники лозунга «ни побед, ни поражений» фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, «не веря» в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, не желая помогать развитию таких действий — задаче, бесспорно, нелегкой, но единственно достойной пролетария, единственно социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских социал-демократов, в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к проч-

ному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне.

Том XIII, стр. 81—82, 26 июля 1915 г. «О поражении своего правительства в империалистической войне».[15])

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ГРАЖДАНСКУЮ.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственный правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами.

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), — за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира» (bloc national, Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Том XIII, стр. 48—49, 29 марта 1915 г. «Конференция заграничных секций РСДРП».[12])

О ЛЕГАЛЬНЫХ И НЕЛЕГАЛЬНЫХ ФОРМАХ РАБОТЫ ПАРТИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты «берегут» легальные организации ценой измены своим убеждениям, — революционные с.-д. используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм

борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран.

Том XIII, стр. 11, 1 ноября 1914 г. «Война и российская социал-демократия». [7])

Не отказываясь ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах от использования самомалейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма, — с.-д. партии должны порвать с раболепством перед легальностью. «Стреляйте первыми, господа буржуа», писал Энгельс, намекая именно на гражданскую войну и на необходимость нарушения легальности нами п о с л е того, как ее нарушит буржуазия. Кризис показал, что буржуазия нарушает ее во всех, даже самых свободных странах, и что нельзя вести к революции массы, не создавая нелегальной организации для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных средств борьбы. В Германии, например, все, что делается ч е с т н о г о социалистами, делается против подлого оппортунизма и лицемерного «каутскианства» и делается именно нелегально. В Англии посылают на каторгу за печатные призывы не итти в войско.

Считать совместимым с принадлежностью к с.-д. партии отрицание нелегальных приемов пропаганды и высмеивание их в легальной печати есть измена социализму.

Том XIII, стр. 106—107, август 1915 г. «Социализм и война». [16])

Не только при войне, но, безусловно, при всяком обострении политического положения, не говоря уже о каких-либо революционных действиях масс, правительство с а м о й с в о б о д н о й буржуазной страны всегда будет грозить распущением такого же рода «практическими последствиями». Как же быть? Оправдывать ли на этом основании оппортунистов, как делает Каутский? Но это значит освящать превращение социал-демократических партий в национал-либеральные рабочие партии.

Том XIII, стр. 178, 1915 г. «Крах II Интернационала». [18])

Отношение большевиков к братанию.

Из Берлина от 8 января нового стиля сообщали в швейцарские газеты: «В последнее время газеты неоднократно печатали известия о мирных попытках сближения между траншеями немцев и французов. Как сообщает «Tägliche Rundschau», приказ по армии от 29 декабря запрещает братание и вообще всякое сближение с неприятелем в траншеях; нарушение этого приказа будет караемо как государственная измена».

Итак, братание и попытки сближения есть факт. Военное начальство Германии обеспокоено им: следовательно, оно придает ему серьезное значение. В английской рабочей газете «Labour Leader» от 7 января 1915 года сообщается целый ряд цитат из буржуазных английских газет, свидетельствующих о случаях братания английских и немецких солдат, устраивавших «перемирие на 48 часов» (на Рождество), дружелюбно встречавшихся на полпути между траншеями и т. д. Английское военное начальство запретило братанье особым приказом. А социалистические оппортунисты и их защитники (или слуги? Подобно Каутскому) уверяли печатно рабочих с видом необычайно самодовольным и спокойным сознанием, что военная цензура охранит их от опровержений, — уверяли, будто соглашения между социалистами воюющих стран о действиях против войны невозможны (буквальное выражение Каутского в «Neue Zeit»!).

Представьте себе, что Гайндман, Гед, Вандервельде, Плеханов, Каутский и т. д. вместо того пособничества буржуазии, которым они сейчас заняты, составили бы международный комитет для агитации за «братание и попытки сближения» между социалистами воюющих стран как в «траншеях», так и в войске вообще. Каковы были бы результаты через несколько месяцев, если теперь через 6 месяцев после начала войны, против всех, предавших социализм, главарей, вождей и звезд первой величины, растет повсюду оппозиция против голосовавших за кредиты и против министериалистов, и военное начальство грозит смертью за «братание»!

«Практический вопрос один: победа или поражение собственной страны», писал слуга оппортунистов Каутский, в унисон с Гедом, Плехановым и К°. Да, если забыть о социализме и классовой борьбе, это будет верно. Но если не забывать о социализме, это не верно: есть другой практический вопрос. Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым и беспомощным рабом, или погибать за «попытки братания» между рабами в целях свержения рабства?

Вот каков на деле «практический» вопрос.

Том XIII, стр. 59 — 60, 29 марта 1915 г. Статья «К иллюстрации лозунга гражданской войны». [13])

Буржуазные газеты всех воюющих стран приводили примеры братания солдат воюющих наций даже в траншеях. И издание военными властями (Германии, Англии) драконовских указов против такого братания доказало, что правительство и буржуазия придавали ему серьезное значение. Если при полном господстве оппортунизма в верхах с.-д. партий Западной Европы и при под-

держке социал-шовинизма всей с.-д. прессой, всеми авторитетами II Интернационала были возможны случаи братания, то это показывает нам, насколько возможно было бы сократить теперешнюю преступную, реакционную и рабовладельческую войну и организовать революционное интернациональное движение при систематической работе в этом направлении хотя бы только левых социалистов всех воюющих стран.

Том XIII, стр. 106, август 1915 г. «Социализм и война».[16])

О лозунге «разоружения».

В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, например в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа», новым: «разоружение».

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

I.

Одной из основных посылок в пользу разоружения является не всегда высказываемое прямо соображение: мы против войны, вообще против всякой войны, а самое определенное, ясное, недвусмысленное выражение этого нашего взгляда и есть требование разоружения...

Социалисты не могут быть против всякой войны, не переставая быть социалистами. Нельзя давать себя ослеплять теперешней империалистской войной. Для империалистской эпохи типичны именно такие войны между «великими» державами, но вовсе не невозможны и демократические войны и восстания, например, угнетенных наций против угнетающих их, за освобождение от гнета. Неизбежны гражданские войны пролетариата против буржуазии, за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других, буржуазных или реакционных, стран.

Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века, — как и вообще в эпоху цивилизации, — это не кулак и не дубина, а войско. Поставить в программу «разоружение» значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом также нет ни грани марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия!

Заметим, что международная дискуссия по данному вопросу велась главным образом, если не исключительно, на немецком языке. А по-немецки употребляются два слова, различие между которыми не легко передать по-русски. Одно значит собственно «разоружение» и употребляется, например, Каутским и каутскианцами в смысле сокращения вооружений. Другое значит собственно «обезоружение» и употребляется преимущественно левыми в смысле отмены милитаризма, отмены всякой милитаристской (военной) системы. Мы говорим в этой статье о втором, обычном среди некоторых революционных социал-демократов, требовании.

Каутскианская проповедь «разоружения», обращенная именно к теперешним правительствам империалистских великих держав, есть пошлейший оппортунизм, буржуазный пацифизм, служащий на деле — вопреки «благим пожеланиям» сладеньких каутскианцев — отвлечению рабочих от революционной борьбы. Ибо рабочим внушается подобною проповедью та мысль, будто теперешние буржуазные правительства империалистских держав не опутаны тысячами нитей финансового капитала и десятками или сотнями соответственных (т.-е. грабительских, разбойничьих, готовящих империалистскую войну) тайных договоров между собой.

II.

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пацифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и быть не может иного выхода, кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса.

Во всяком классовом обществе, — будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде, — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в самых демократических буржуазных республиках, например в Швейцарии — есть вооружение буржуазии против пролетариата. Это — такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска (республикански-демократической милиции в том числе) против стачечников, явление, общее всем без исключения капиталистическим странам.

Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества.

И перед лицом такого факта революционным социал-демократам предлагать, чтобы они выставили «требование» «разоружения»! Это равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это — единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего объективного развития капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь после того, как пролетариат обезоружил буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но—только тогда, никоим образом не раньше.

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и проч., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу настоящая, реакционнейшая из всех войн подготовляет конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным как проявлением именно отчаяния является, по своему объективному значению, «требование» разоружения — вернее сказать: мечтание о разоружении — в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготовляется единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что это оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщин, с одной стороны, Коммуну 1871 г. и декабрьское восстание 1905 года в России, с другой.

Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но как боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим итти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!

Это рассуждение, учитывающее объективный ход развития, применимо, с соответственными изменениями, и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская буржуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее,

тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Как могут социал-демократы давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не «оторванная от жизни теория», не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уже плохо, если бы социал-демократы, вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 г. в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!». Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны на ряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 г., и из теперешних запуганных наций — вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами — вырастет, несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно, интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, — он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

«Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне, и как советуют тебе делать изменники социализма, — а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам, не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больших слов о международной революционной социал-демократии, о социалистической революции, о войне против войны.

III.

Сторонники разоружения выступают против программного пункта «вооружения народа», между прочим, потому, что это последнее требование будто бы легче ведет к уступкам оппортунизму.

Мы рассмотрели выше самое важное: отношение разоружения к классовой борьбе и к социальной революции. Рассмотрим теперь вопрос об отношении требования разоружения к оппортунизму. Одной из важнейших причин неприемлемости этого требования является именно то, что оно и порождаемые им иллюзии неизбежно ослабляют и обессиливают нашу борьбу с оппортунизмом.

Нет сомнения, эта борьба—главный очередной вопрос Интернационала. Борьба против империализма, не связанная неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза или обман. Один из главных недостатков Циммервальда и Кинталя, одна из основных причин возможного фиаско (неудачи, краха) этих зародышей III Интернационала, состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами. Оппортунизм победил — на время — внутри европейского рабочего движения. Во всех крупнейших странах образовалось два главных оттенка оппортунизма: во-первых, откровенный, циничный и поэтому менее опасный социал-империализм господ Плехановых, Шейдеманов, Легиных, Альбертов Тома и Самба, Вандервельде, Гайндманов, Гендерсонов и пр. Во-вторых, прикрытый, каутскианский: Каутский — Гаазе и «социал-демократическая трудовая группа» в Германии; Лонге, Прессман, Майерас и пр., во Франции: Рамсей Макдональд и др. вожди «независимой рабочей партии» в Англии; Мартов, Чхеидзе и пр. в России; Тревес и др. так называемые левые реформисты в Италии.

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различны формы этого союза, начиная от участия в министерстве и кончая участием в военно-промышленных комитетах. Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первым при помощи благовидно звучащих тоже-«марксистских» словечек и пацифистских лозунгов. Борьба против этих обеих форм господствующего оппортунизма должна быть проведена на в с е х поприщах пролетарской политики: парламентаризм, профессиональные союзы, стачки, военное дело и т. д.

В чем же состоит главная особенность, отличающая о б е эти формы господствующего оппортунизма?

В том, что замалчивается, прикрывается или трактуется с оглядкой на полицейские запреты конкретный вопрос о с в я з и т е п е р е ш н е й в о й н ы с р е в о л ю ц и е й и д р у г и м и к о н к р е т н ы м и в о п р о с а м и р е в о л ю ц и и. И это — несмотря на то, что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно э т о й грядущей войны с пролетарской революцией и неофициально, и в Б а з е л ь с к о м манифесте официально.

Главный же недостаток требования разоружения состоит именно в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции. Или сторонники разоружения стоят за совершенно новый вид безоружной революции?

Том XIII, стр. 449—455, декабрь 1916 г. Из статьи «О лозунге «разоружения».[28])

О тактике российских с.-д. большевиков.

Считаясь с указаниями товарищей из России, мы формулируем несколько тезисов по злободневным вопросам социал-демократической работы:

1) Лозунг «Учредительного собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос т е п е р ь в том, кто созовет его.

Правильнее всего лозунги «трех китов» (демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день) с добавлением (ср. № 9) призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны.

2) Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, например за участие на первой стадии выборов, т о л ь к о в агитационных и организационных целях.

3) Самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение и расширение социал-демократической работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско. — Важнейшей задачей революционной социал-демократии является — развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом «трех китов». В агитации необходимо отводить должное место требованию немедленного прекращения войны. Среди других требований рабочие не должны забывать о требовании — вернуть немедленно рабочих депутатов, членов Р. С.-Д. Р. фракции.

4) Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения...

8) Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент — трудовики, социал-революционеры, «Наша Заря», фракция Чхеидзе, Орг. Ком. С. К., г. Плеханов и тому подобное.

9) Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, п р о т и в них и за союз международного пролетариата для социалистической революции...

11) На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир в с е м воюющим на условии освобождения колоний и в с е х зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам.

Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе. Это доказал д а ж е 1905 год. А международная солидарность революционного пролетариата есть факт вопреки грязной пене оппортунизма и социал-шовинизма.

Том XIII, стр. 207 — 209, 13/X, 1915 г. «Несколько тезисов». [20])

Тактика большевиков после Февральской революции в России.

Предвидение тех социалистов, которые остались верны социализму и не поддались угару дикого, зверского военного настроения, оправдалось. Первая революция, порожденная всемирной разбойничьей войной между капиталистами разных стран, разразилась. Империалистская война, то-есть война из-за дележа награбленной добычи между капиталистами, из-за удушения слабых народов, начала превращаться в гражданскую войну, то-есть войну рабочих против капиталистов, войну трудящихся и угнетенных против своих угнетателей, против царей и королей, против помещиков и капиталистов, войну за полное освобождение человечества от войн, от нищеты масс, от угнетения человека человеком!

Том XX, ч. 2, стр. 88. «Революция в России и задачи рабочих всех стран». [40а])

«Русская революция февраля—марта 1917 г. была началом превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта революция сделала п е р в ы й шаг к прекращению войны. Только в т о р о й шаг может о б е с п е ч и т ь прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта» — фронта интересов капитала, и, только прорвав э т о т фронт, пролетариат м о ж е т избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира.

И к такому «прорыву фронта» капитала русская революция у ж е подвела пролетариат России вплотную, создав советы рабочих депутатов».

Том XIV, ч. 1, стр. 46, 10 апреля 1917 г. «Задачи пролетариата в нашей революции». [36])

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в центральном органе нашей партии, в газете «Социал-Демократ», издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 октября 1915 г. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистскую войну, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем против «защиты отечества» в такой войне.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие решающие посты принадлежат монархистам Львову и Гучкову, это прави-

тельство пытается обмануть рабочих посредством лозунга «немцы должны свергнуть Вильгельма» (правильно, но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и др. — своих королей, а русские — своих монархистов Львова и Гучкова?). Это правительство пытается посредством такого лозунга и не публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и проч. и которые подтверждены правительством Гучкова — Милюкова — Керенского — выдать за «оборонительную» (т.-е. справедливую, законную, даже с точки зрения пролетариата) свою империалистскую войну с Германией — выдать за «защиту» республики (которой в России еще нет и которую Львовы и Гучковы даже и не пообещали еще учредить), защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и пр.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.) и партией «центра», партией «Организационного Комитета», партией Чхеидзе, Скобелева и пр., произошло нечто вроде сближения, на почве лозунга: «пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной», — если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы раньше всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Том XIV, ч. 2, стр. 404 — 405, 26 марта (8 апреля н. с.) 1917 г. «Прощальное письмо к швейцарским рабочим».[33])

... Лозунг: мы защищаем теперь республику в России, мы ведем теперь «оборонительную войну», мы будем воевать с Вильгельмом, мы воюем за свержение Вильгельма — есть величайший обман, величайшее надувательство рабочих. Ибо Гучков — Львов — Милюков и К° суть помещики и капиталисты, представители класса помещиков и капиталистов, империалисты, воюющие за те же грабительские цели на основе тех же грабительских договоров царизма, в союзе с той же империалистской, грабительской буржуазией Англии, Франции и Италии.

Призыв немцу со стороны буржуазной и империалистской республики в России: «свергните Вильгельма» есть повторение лживого лозунга французских социал-шовинистов, изменников социализма, Жюля Геда, Самба и К°.

Надо очень популярно, очень ясно, без ученых слов излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это — во-первых. А второе и главное — свергать надо буржуазное правительство

и начать с России, ибо иначе мира нельзя получить. Возможно, что правительство Гучкова — Милюкова мы не можем сейчас же «свергнуть». Пусть так. Но это не довод за то, чтобы говорить неправду. Говорить рабочим надо правду. Надо говорить, что правительство Гучкова — Милюкова и К° есть империалистское правительство, что рабочие и крестьяне должны сначала (теперь ли или после выборов в Учредительное собрание, если с ними не надуют народа, не оттянут выборы до после войны, вопрос о моменте отсюда решать нельзя), сначала должны передать всю государственную власть в руки рабочего класса, врага капитала, врага империалистской войны, и лишь тогда они вправе звать к свержению всех королей и всех буржуазных правительств.

Том XIV, ч. 2, стр. 401—402. «Письмо Я. С. Ганецкому». [32])

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 г. лозунг «превращения империалистской войны в гражданскую войну» угнетенных против угнетателей, за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептически, бесхарактерно-выжидательным молчанием с.-д. «центра». Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского и англо-французского социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, т. Плеханов назвал его «грезофарсом» (Mittelding zwischen Traum und Komödie). А представители «центра» отделывались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой «прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве».

Теперь после марта 1917 г. только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в гражданскую становится фактом.

Том XIV, ч. 2, стр. 408 — 409, 26 марта (8 апреля н. с.) 1917 г. «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». [33])

Чтобы добиться мира (и тем более, чтобы добиться действительно демократического, действительно почетного мира), надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а рабочим и беднейшим крестьянам. Помещики и капиталисты — ничтожное меньшинство населения; капиталисты, как всем известно, наживают бешеные деньги на войне.

Рабочие и беднейшие крестьяне — огромное большинство населения. Они не наживаются на войне, а разоряются и голодают. Они не связаны ни капиталом, ни договорами между разбойничьими группами капиталистов; они могут и искренно хотят прекратить войну.

Если бы государственная власть в России принадлежала советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эти советы и выбранный ими Всероссийский совет могли бы и наверное согласились бы осуществить программу мира, которую наша партия (Российская социал-демократическая рабочая партия) намечала уже 13 октября 1915 года в № 47 центрального органа этой партии «Социал-Демократа» (издававшегося тогда в силу гнета царской цензуры в Женеве).

Эта программа мира была бы, наверное, такова:

1) Всероссийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (или заменяющий его временно Петербургский совет) заявил бы тотчас, что никакими договорами ни царской монархии, ни буржуазных правительств он не связан.

2) Он опубликовал бы тотчас все эти договоры, чтобы предать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и всех без исключения буржуазных правительств.

3) Он немедленно и открыто предложил бы всем воюющим державам тотчас заключить перемирие.

4) Он немедленно опубликовал бы во всенародное сведение наши, рабочие и крестьянские, условия мира: освобождение всех колоний; освобождение всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов.

5) Он заявил бы, что не ждет добра от буржуазных правительств, а предлагает рабочим всех стран свергнуть их и передать всю власть в государстве советам рабочих депутатов.

6) Он заявил бы, что миллиардные долги, заключенные буржуазными правительствами на ведение этой преступной, разбойничьей войны, могут уплачивать сами господа капиталисты, а рабочие и крестьяне этих долгов не признают. Платить проценты по этим займам значит платить долгие годы дань капиталистам за то, что они милостиво разрешили рабочим убивать друг друга из-за дележа капиталистической добычи.

Рабочие и крестьяне! — сказал бы совет рабочих депутатов, — согласны ли вы платить сотни миллионов рублей ежегодно господам капиталистам в награду за войну, которая велась из-за дележа африканских колоний, Турции и т. д.?

Вот за эти условия мира совет рабочих депутатов, по моему мнению, согласился бы вести войну против любого буржуазного правительства и против всех буржуазных правительств мира, потому что это была бы действительно справедливая война, потому что все рабочие и трудящиеся всех стран помогли бы ее успеху.

Немецкий рабочий видит теперь, что воинственная монархия в России заменяется воинственной республикой, республи-

кой капиталистов, желающих продолжать империалистскую войну, подтверждающих разбойничьи договоры царской монархии.

Судите сами, может ли доверять немецкий рабочий *такой* республике?

Судите сами, удержится ли война, удержится ли господство капиталистов на земле, если русский народ, которому помогли и помогают живые воспоминания великой революции «пятого года», завоюет полную свободу и передаст всю государственную власть в руки советов рабочих и крестьянских депутатов?

Том XX, ч. 2, стр. 80—82, 25 (12) марта 1917 г. «Как добиться мира». «Письма издалека» (4-е).[34])

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ И ДОБРОСОВЕСТНОЕ ОБОРОНЧЕСТВО.

В виду несомненного наличия оборонческого настроения в широких массах, признающих войну *только по необходимости*, а не ради завоеваний, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им, что кончить войну не насильническим миром нельзя без свержения капитала. Эту мысль необходимо развивать широко, в самых широких размерах. Солдаты требуют конкретного ответа, — как кончить войну. Но обещать людям, что мы можем кончить войну по одному доброму желанию отдельных лиц — политическое шарлатанство. Необходимо массы предупредить. Революция — вещь трудная. Без ошибок нельзя. Ошибка в том, что мы не разоблачили революционное оборончество во всей его глубине. Революционное оборончество — измена социализму. Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс. Если даже придется остаться в меньшинстве, — пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве. Когда массы заявляют, что не хотят завоеваний,— я им верю. Когда Гучков и Львов говорят, что не хотят завоеваний, они — обманщики. Когда рабочий говорит, что он хочет обороны страны, — в нем говорит инстинкт угнетенного человека.

Том XX, ч. 2, стр. 99, 4 апреля 1917 г. Из речи на совещании парт. работников делегатов Всероссийской конференции советов Р. и С. депутатов.[35])

. . . 1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки революционному оборончеству.

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может

дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братание...

Том XIV, ч. I, стр. 17—18, 7 апреля 1917 г. «О задачах пролетариата в данной революции». [35])

9. Самым крупным, самым ярким проявлением мелко-буржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать революционное оборончество. Именно оно — злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции.

Кто поддался в этом пункте и не сумел освободиться, — тот погиб для революции. Но массы иначе поддаются, чем вожди, и иначе, иным ходом развития, иным способом высвобождаются.

Революционное оборончество есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой — выражение интересов с точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который «свято» хранит традиции царизма, развращавшего великороссов палачеством над другими народами.

Буржуазия обманывает народ, играя на благородной гордости революцией и изображая дело так, будто социально-политический характер войны со стороны России изменился от этого этапа революции, от замены царской монархии Гучкова — Милюковской почти-республикой. И народ поверил — на время — благодаря, в значительной степени, предрассудкам старины, заставляющим видеть в других народах России, кроме великорусского, нечто вроде собственности или вотчины великороссов. Подлое развращение великорусского народа царизмом, приучившим видеть в других народах нечто низшее, нечто «по праву» принадлежащее Великороссии, не могло рассеяться сразу.

Том XIV, ч. I, стр. 44, 10 апреля 1917 г. «Задачи пролетариата в нашей революции». [36])

От нас требуется умение разъяснять массам, что социально-политический характер войны определяется не «доброй волей» лиц и групп, даже народов, а положением класса, ведущего войну, политикой класса, продолжением коей война является, связями капитала, как господствующей экономической силы в современном обществе, империалистским характером международного капитала, зависимостью — финансовой, банковой, дипломатической — России от Англии и Франции и т. д. Умело, понятно для масс объяснить это не легко, без ошибок никто из нас этого не сумел бы сразу сделать.

Но направление или, вернее, содержание нашей пропаганды должно быть такое, и только такое. Малейшая уступка революционному оборончеству есть измена социализму, полный отказ от интернационализма, какими бы красивыми фразами, какими бы «практическими» соображениями это ни оправдывалось.

Лозунг «долой войну» верен, конечно, но он не учитывает своеобразия задач момента, необходимости иначе подойти к широкой массе. Он похож, по-мому, на лозунг «долой царя», с которым неумелый агитатор «доброго старого времени» шел просто и прямо в деревню — и получал побои. Массовые представители революционного оборончества добросовестны, — не в личном смысле, а в классовом, т.-е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые действительно от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают. Это не то, что буржуа и г. г. «интеллигенты», прекрасно знающие, что нельзя отказаться от аннексий, не отказавшись от господства капитала, и бессовестно обманывающие массы красивой фразой, обещаниями без меры, посулами без числа.

Массовый представитель оборончества смотрит на дело попросту, по-обывательски: «я не хочу аннексий, на меня «прет» немец, значит, я защищаю правое дело, а вовсе не какие-то империалистские интересы». Такому человеку надо разъяснять и разъяснять, что дело не в его личных желаниях, а в отношениях и условиях массовых, классовых, политических, в связи войны с интересами капитала и с международной сетью банков и т. д. Только такая борьба с оборончеством серьезна и обещает успех — может быть, не очень быстрый, но верный и прочный.

Том XIV, ч. 1, стр. 44—45, 10 апреля 1917 г. «Задачи пролетариата в нашей революции».[36])

Нет никакого сомнения, что пролетариат и полупролетариат не заинтересованы в войне, как классы. Они идут под влиянием традиций и обмана: у них нет еще политического опыта. Отсюда наша задача — длительное разъяснение. Мы не делаем им

ни малейших принципиальных уступок, но к ним мы не можем подходить, как к социал-шовинистам. Эти элементы населения никогда социалистическими не были, никакого понятия о социализме не имеют, они только просыпаются к политической жизни. Их сознание растет и ширится с необыкновенной быстротой. К ним надо уметь подойти с разъяснением, и это является самой трудной задачей, в особенности для партии, которая еще вчера находилась в подполье.

Том XIV, ч. 2, стр. 417—418, 24 апреля 1917 г. Речь на Всероссийской конференции РСДРП 1917 г.

Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь в России все народнические партии (нар.-соц., трудовики, соц.-рев.) и оппортунистическую партию соц.-дем. меньшевиков (О. К., Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия над слабыми народами. С другой стороны, «революционное оборончество» является результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению в прибылях капиталистов и в империалистской войне не заинтересованы.

Конференция признает безусловно недопустимыми и означающими на деле полный разрыв с интернационализмом и с социализмом какие бы то ни было уступки «революционному оборончеству». Что касается оборонческих настроений широких народных масс, то наша партия будет бороться с этими настроениями неустанным разъяснением той истины, что бессознательно доверчивое отношение к правительству капиталистов есть в данный момент одна из главных помех к быстрому окончанию войны.

Том XIV, ч. I, стр. 123, 29 апреля 1917 г. Из резолюции о войне. [39а])

О БРАТАНИИ.

Революция нарастает во всех странах, но когда и в какой мере она нарастает, этого никто не знает. Во всех странах есть люди, которые ведут революционную борьбу против своих правительств. Их, и только их, мы должны поддерживать. Вот это дело, а все остальное — только ложь. И мы добавляем [1]:

«В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте»...

[1] Имеется в виду резолюция Всероссийской апрельской партконференции 1917 г. о войне.

Это замечание на возражение Плеханова. «Что из этого выйдет? — говорит Плеханов. — Ну, побратались, а дальше? Это же означает возможность сепаратного мира на фронте». Это фокусничество, а не серьезный аргумент. Мы хотим братания на всех фронтах и мы об этом заботимся. Когда мы работали в Швейцарии, мы издали текст воззвания на двух языках. На одной стороне по-французски, а на другой по-немецки, и мы звали к тому, к чему ведем мы русских солдат. Мы не ограничиваемся братанием только между Россией и Германией, мы зовем к братанию всех. Теперь, как же понимать братание?

... «стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата».

Сейчас братание стихийное, и не надо обманывать себя на этот счет. Это надо признать, чтобы не вводить народ в заблуждение. Ясной политической мысли у братающихся солдат нет. Это говорит инстинкт угнетенных людей, которые устали, измучились и перестают верить капиталистам: «Пока вы там о мире говорите, — мы это уже два с половиной года слышим, — мы начнем сами». Вот это верный классовый инстинкт. Без такого инстинкта дело революции было бы безнадежно. Ибо, вы знаете, никто не освободил бы рабочих, если бы они сами себя не освободили. Но довольно ли этого инстинкта? На одном инстинкте далеко не уедешь. И потому необходим переход этого инстинкта в сознание.

В воззвании «к солдатам всех воюющих стран» мы даем ответ на вопрос: во что же должно превратиться это братание? — В переход политической власти в руки советов Р. и С. Д. Конечно, немецкие рабочие назовут свои советы другими именами, это не важно. Но суть в том, что мы признаем несомненно правильным, что оно стихийно, мы не ограничиваемся поощрением его, а своей задачей ставим это стихийное сближение одетых в солдатскую шинель рабочих и крестьян всех стран превратить в сознательное движение, цель которого — переход власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата. Эта задача очень трудная, но и то положение, в которое человечество поставлено властью капиталистов, неслыханно трудное и ведет человечество прямо к гибели. Поэтому оно вызовет тот взрыв негодования, которое является залогом пролетарской революции.

Том XIV, ч. 2, стр. 438—439, 27 апреля 1917 г. Речь о резолюции о войне.

Пока же революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти, наша партия будет всемерно поддерживать те пролетарские партии и группы за границей, кото-

рые на деле ведут уже во время войны революционную борьбу против своих империалистических правительств и своей буржуазии.

В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте, стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата.

Том XIV, ч. I, стр. 124. Из «Резолюции о войне», принятой на Всероссийской конференции РСДРП(б) 24—29 апреля 1917 г. [32а])

Капиталисты либо издеваются над братанием солдат на фронте, либо с бешеной злобой накидываются на него, лгут и клевещут, сводя дело к «обману» русских немцами, грозят — через с в о и х генералов и офицеров — карами за братание.

С точки зрения охраны «священной собственности» на капитал и на прибыль капитала, такая политика капиталистов вполне правильна: действительно, для подавления пролетарской социалистической революции в ее зачатках необходимо относиться к братанию именно так, как относятся к нему капиталисты.

Сознательные рабочие, а за ними, по верному инстинкту угнетенных классов, и масса полупролетариев, масса беднейших крестьян относятся к братанию с самым глубоким сочувствием. Ясно, что братание есть путь к миру. Ясно, что этот путь идет не через капиталистические правительства, не в союзе с ними, а против них. Ясно, что этот путь развивает, укрепляет, упрочивает братское доверие между рабочими различных стран. Ясно, что этот путь начинает ломать проклятую дисциплину казармы — тюрьмы, дисциплину мертвого подчинения солдат «своим» офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большею частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы). Ясно, что братание есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической пролетарской революции.

Чтобы братание возможно легче, вернее, быстрее шло к нашей цели, мы обязаны заботиться о наибольшей организованности и об ясной политической программе его.

Сколько бы ни клеветала на нас злобствующая пресса капиталистов и их друзей, называя нас анархистами, мы не устанем повторять: мы не анархисты, мы горячие сторонники наилучшей организации масс и самой твердой «государственной»

власти, — только государства хотим мы не такого, как буржуазно-парламентарная республика, а такого, как республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Мы всегда советовали и советуем вести братание возможно более организованно, проверяя — умом, опытом, наблюдением самих солдат, — чтобы обмана тут не было, стараясь удалить с митингов офицеров и генералов, большей частью злобно клевещущих против братания.

Мы добиваемся, чтобы братание не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению ясной политической программы, к обсуждению вопроса, как кончить войну, как свергнуть иго капиталистов, начавших войну и затягивающих ее ныне.

Поэтому наша партия издала обращение к солдатам всех воюющих стран (см. текст его в № 37 «Правды») с изложением нашего определенного, точного ответа на эти вопросы, с ясной политической программой.

Хорошо, что солдаты проклинают войну. Хорошо, что они требуют мира. Хорошо, что они начинают чувствовать, что война выгодна капиталистам. Хорошо, что они, ломая каторжную дисциплину, сами начинают братание на всех фронтах. Все это хорошо.

Но это еще недостаточно.

Надо, чтобы солдаты переходили к такому братанию, во время которого обсуждалась бы ясная политическая программа. Мы не анархисты. Мы не думаем, что войну можно кончить простым «отказом» — отказом лиц, групп или случайных «толп». Мы за то, что войну должна кончить и кончит революция в ряде стран, т.-е. завоевание государственной власти новым классом, именно: не капиталистами, не мелкими хозяйчиками (наполовину всегда зависимыми от капиталистов), а пролетариями и полупролетариями.

В нашем воззвании к солдатам всех воюющих стран мы и изложили нашу программу рабочей революции во всех странах: переход всей государственной власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов.

Товарищи солдаты! Обсуждайте эту программу в своей среде и вместе с немецкими солдатами! Такое обсуждение поможет вам найти верный, наиболее организованный, наиболее близкий путь к прекращению войны и к свержению ига капитала.

Пара слов об одном из слуг капитала, Плеханове. Жалко смотреть, до чего опустился этот бывший социалист! Он сопоставляет братание с «изменой»!! Он рассуждает: разве не поведет братание, при его удаче, к сепаратному миру?

Нет, господин бывший социалист, братание, которое мы поддерживали на всех фронтах, ведет не к «сепаратному» миру между капиталистами нескольких стран, а к всеобщему миру между революционными рабочими всех стран вопреки капиталистам всех стран, против капиталистов, для свержения ига.

Том XIV, ч. I, стр. 130—132, 28 апреля 1917 г. «Значение братания». [40])

ОТНОШЕНИЕ К СЕПАРАТНОМУ МИРУ.

Что касается самого важного вопроса о том, как окончить возможно скорее, и притом не насильническим, а истинно-демократическим миром эту войну капиталистов, то конференция признает и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон.

Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно: будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма — таким же коронованным разбойником, как Николай II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих.

Наша партия будет терпеливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что войны ведутся правительствами, что войны всегда бывают связаны неразрывно с политикой определенных классов, что эту войну можно окончить демократическим миром только посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитала.

Революционный класс, взяв в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезвреженню, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру.

Том XIV, ч. 1, стр. 123—124. «Резолюция о войне», принятая на Всероссийской конференции РСДРП(б) 24—29 апреля 1917 г. [39а])

ОТНОШЕНИЕ К ФАКТИЧЕСКОМУ ПЕРЕМИРИЮ.

В газете «Новая Жизнь» от 5 мая напечатаны беседы с министрами «нового» правильства. Министр-председатель Львов заявил: «Страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой».

Вот суть «программы» нового правительства. Наступление, наступление, наступление!

И, защищая эту империалистскую программу, за которой пошли теперь Черновы и Церетели, министр Львов в тонах величайшего нравственного возмущения громил «установившееся на фронте фактическое перемирие»!

Пусть каждый русский рабочий, пусть каждый крестьянин подумает хорошенечко над этой программой наступления, над этими громовыми речами министров против «фактического перемирия».

Миллионы людей перебиты и искалечены на войне. Бедствия, причиненные войной человечеству и особенно трудящимся массам, неслыханны. Капиталисты наживают на войне скандально-высокие прибыли. Солдаты истерзаны и измучены до последней степени.

Что же дурного в фактическом перемирии? Что дурного в том, что бойня приостановилась? Что дурного в том, что солдаты получили хоть небольшую передышку?

Нам возражают, что перемирие установилось только на одном фронте и что поэтому оно грозит сепаратным миром. Но это возражение явно несостоятельное. Ибо если ни русское правительство, ни русские рабочие и крестьяне не хотят сепаратного мира с германскими капиталистами (против такого мира наша партия, как известно, тоже протестовала не раз и не только в статьях «Правды», но и в резолюции нашей конференции, которая говорила от имени всей партии), — если никто в России не хочет сепаратного мира с сепаратными капиталистами, то как, откуда, каким чудом может притти такой мир? Кто может навязать его?

Возражение до очевидности несостоятельное, явная выдумка, попытка засорить глаза.

Далее. Почему фактическое перемирие на одном фронте «грозит» сепаратным миром на этом фронте, а не грозит распространением фактического перемирия на все фронты?

Фактическое перемирие есть состояние неустойчивое, переходное. Это бесспорно. Переходное к чему? К сепаратному миру оно не может повести, раз нет на это обоюдного согласия двух правительств или двух народов. Но почему бы такое перемирие не могло быть переходом к фактическому перемирию на всех

фронтах? Ведь на это, наверное, есть согласие всех народов против всех или большинства правительств?

Братание на одном фронте может и должно быть переходом к братанию на всех фронтах. Фактическое перемирие на одном фронте может и должно быть переходом к фактическому перемирию на всех фронтах.

Народы отдохнули бы от бойни. Революционные рабочие во всех странах подняли бы голову еще больше, их влияние усилилось бы, вера в возможность и необходимость рабочей революции в передовых капиталистических странах укрепилась бы.

Что дурного в таком переходе? Почему бы нам, по мере сил, не помочь такому переходу?

Возразят, что фактическое перемирие на всех фронтах помогло бы сейчас германским капиталистам, ибо они сейчас награбили больше добычи? Это неверно, ибо английские капиталисты больше награбили (немецкие колонии в Африке, немецкие острова в Тихом океане, Месопотамия, часть Сирии и пр.) и — в отличие от немецких капиталистов — ровно ничего не потеряли. Это во-первых. А, во-вторых, если бы германские капиталисты проявили больше неуступчивости, чем английские, то рост революции в Германии еще больше усилился бы. Революция в Германии явно нарастает. Наступление русских войск помешает этому росту. «Фактическое перемирие» ускоряет рост этой революции.

В третьих, положение Германии, с точки зрения растущего голода, краха, разрухи, самое отчаянное и самое безвыходное, хуже, чем в каких бы то ни было других странах,—особенно после вступления в войну Америки. «Фактическое перемирие» этого основного источника слабости Германии не устранит, а напротив скорее улучшит положение других стран (свобода подвоза) и ухудшит положение германских капиталистов (подвезти неоткуда, скрывать правду от народа будет труднее).

Две программы стоят перед русским народом. Одна — программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетели. Это — программа наступления, программа затягивания империалистической войны, затягивания бойни.

Другая — программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией. Эта программа: развить братание (не позволяя немцам обманывать русских) — брататься обменом воззваний — распространить и братание и фактическое перемирие на все фронты — всячески помочь такому распространению — ускорить этим рост рабочей революции во всех странах — облегчить этим хоть временную передышку солдатам всех воюющих стран — ускорить переход власти в России в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — ускорить этим заключение действительно справедливого, действительно

всеобщего мира в интересах трудящихся, а не в интересах капиталистов.

Правительство наше с Черновым и Церетели, с народниками и меньшевиками — за первую программу.

Большинство русского народа и всех народов России (и не только России), т.-е. большинство рабочих и беднейших крестьян, несомненно, встает за вторую программу.

Каждый день будет приближать ее победу.

Том XIV, ч. I, стр. 180—183, 9 мая 1917 г. «Фактическое перемирие».[42])

Социал-(патриоты) всего мира думают, что они защищают отечество. Они ошибаются, — они защищают интересы одной кучки капиталистов против другой. Мы проповедуем пролетарскую революцию, то единственно верное дело, из-за которого (десятки взошли на эшафот), сотни (и тысячи) сидят по тюрьмам. Этих социалистов в тюрьмах, этих социалистов меньшинство, но за них рабочий класс, за них все экономическое развитие. (Все это говорит нам, что) другого выхода нет. Эту войну можно кончить только посредством рабочей революции в нескольких странах. А пока что мы должны подготовлять эту революцию, помогать ей. Русский народ, при всей своей ненависти к войне и при всей своей воле добиться мира, пока войну вел царь, — русский народ не мог сделать против войны ничего, кроме подготовки революции против царя и свержения царя. Так было. Так история показала вам вчера и так она вам покажет завтра). Мы давно (еще) сказали: надо помогать растущей русской революции, — мы это сказали в конце 1914 года. (За это наши думские) депутаты были сосланы в Сибирь, и нам говорили: «Вы не даете ответа. Вы ссылаетесь на революцию, когда стачки прекратились, когда депутаты на каторге, когда ни одной газеты нет!» и нас обвиняли в том, что мы уклоняемся от ответа. Эти обвинения, товарищи, мы слышали целый ряд лет. Мы их слышали и мы отвечали: вы можете негодовать, но пока царь [не свергнут], (ничего против войны не сделать), пока не свергли этого царя. И наше предсказание нашло подтверждение. Оно еще не подтвердилось полностью, [но] оно начало подтверждаться. Революция начинает изменять войну со стороны России. Пока капиталисты продолжают войну, и мы говорим: пока не наступит рабочая революция в нескольких странах, война не может прекратиться, потому что останутся у власти люди, которые хотят этой войны. (Нам говорят): «Все кажется спящим в ряде стран, в Германии все социалисты поголовно за войну, один Либкнехт против». Я отвечаю на это: этот один Либкнехт, он представляет рабочий класс, в нем одном,

в его сторонниках, в пролетариате германском надежды всех. Вы не верите этому? Продолжайте войну! Другого пути нет. Если не верить в Либкнехта, если не верить в революцию рабочих, в революцию, которая назревает, если не верите этому, — верьте капиталистам!

Кроме рабочей революции в нескольких странах, никто не победит в этой войне. Война — не игрушка, война — неслыханная вещь, война стоит (миллионов) жертв, и не так легко ее окончить.

Солдаты на фронте не могут оторвать фронт от государства и решить по-своему. Солдаты на фронте есть часть страны. Пока государство воюет, будет страдать и фронт. Ничего тут не поделаешь. Война вызвана господствующими классами, ее кончит только революция рабочего класса. Получите ли вы скорый мир, зависит только от того, как пойдет развитие революции. Какие бы вещи чувствительные ни говорили, как бы ни говорили вам: давайте конец войне немедленно, его нельзя дать без развития революции. Когда власть перейдет в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, капиталисты выскажутся против нас: Япония — против, Франция — против, Англия — против, против выскажутся правительства всех стран, против вас будут капиталисты, за нас будут рабочие, тогда — конец войне, которую начали капиталисты. Вот ответ на то, как кончить войну.

Напечатано в «Правде» 1929 г. «Война и революция», № 93 (4227).

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ.

Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, «воткнув штык в землю», употребляя выражение одного солдата-оборонца.

Войну нельзя кончить «соглашением» социалистов разных стран, «выступлением» пролетариев всех стран, «волей» народов и т. п. — все фразы этого рода, наполняющие статьи оборонческих и полуоборонческих, полуинтернационалистских газет, а также бесчисленные резолюции, воззвания, манифесты, резолюции совета солдатских и рабочих депутатов, — все эти фразы не что иное как пустые, невинные, добренькие пожелания мелких буржуа. Нет ничего вреднее таких фраз о «выявлении народов к миру», об очереди революционных выступлений пролетариата (после русского «очередь» за германским) и т. п. Все это луиблановщина, сладенькие мечты, игра в «политические кампании», на деле повторение басни с котом-Васькой.

Война порождена не злой волей хищников-капиталистов, хотя она, несомненно, только в их интересах ведется, только их обо-

гащает. Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. Нельзя выскочить из империалистской войны, нельзя добиться демократического, не насильнического мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к другому классу, к пролетариату.

Том XIV, ч. I, стр. 45—46. «Задачи пролетариата в нашей революции». [36])

Наше правительство, правительство капиталистов, продолжает войну из-за интересов капиталистов. Как немецкие капиталисты с своим коронованым разбойником, Вильгельмом, во главе, так и капиталисты всех других стран ведут войну из-за дележа прибыли капиталистов, из-за господства над миром. Сотни миллионов людей, почти все страны земли, втянуты в эту преступную войну. Сотни миллионов капитала вложены в «доходные» предприятия, несущие народам смерть, голод, разорение, одичание, а капиталистам бешеные, скандально-высокие прибыли. Чтобы вырваться из этой ужасной войны и заключить действительно демократический, не насильнический мир, есть только один путь: переход всей государственной власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов. Рабочие и беднейшие крестьяне, не заинтересованные в охране прибыли капитала, в грабеже слабых народов, смогут действительно осуществить то, что только сулят капиталисты, именно покончить войну прочным миром, обеспечивающим свободу всем без исключения народам.

Том XIV, ч. I, стр. 75—76. «Речь к солдатам» на митинге в Измайловском полку 10 апреля 1917 г. [37])

Надо скорее кончать эту преступную войну — и не сепаратным (отдельным) миром с Германией, а всеобщим миром, и не миром капиталистов, а миром трудящихся масс против капиталистов. Путь к этому один: переход всей государственной власти целиком в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и в России и в других странах. Только такие советы в состоянии на деле помешать обману народов капиталистами, помешать затягиванию войны со стороны капиталистов.

Том XIV, ч. I, стр. 155, 11 мая 1917 г. «Открытое письмо к делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов». [41])

Все думают, все говорят о том, как кончить войну.

Почти все рабочие и крестьяне согласны в том, что войну начали капиталисты, что она нужна капиталистам всех стран. Именно так говорят резолюции советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

И это — несомненная правда.

Разногласия начинаются дальше, с вопроса о том, как же итти к окончанию войны (ибо сразу кончить ее — это все понимают — нельзя). Итти ли через сделки с капиталистами, и если да, то какие сделки? Или через рабочую революцию, т.-е. через низвержение капиталистов? Вот в чем главный и коренной вопрос.

В этом вопросе наша партия разошлась с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, с Всероссийским советом крестьянских депутатов, ибо оба совета сбиваются на решение вопроса в пользу капиталистов и через капиталистов.

Резолюция Всероссийского совета крестьянских депутатов о войне особенно наглядно подтвердила это. В согласии с пресловутым — и столь же путанным воззванием к народам мира (от 14 марта) эта резолюция требует:

... «мира без захватов и денежных штрафов с правом каждого народа, в границах какого бы государства он ни жил, решить самостоятельно свою судьбу».

Здесь вопрос об аннексиях (захватах) поставлен не так, как поставили его на-днях «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» и «Дело Народа» (см. «Правду» № 60 от 18 мая).

Эти два последних органа, руководимые блоком народников и меньшевиков, запутались совершенно, объявив: без захватов — значит, оставить как было до войны (по-латыни это говорится: мир без аннексий значит статус кво).

Такое решение, — надо же сказать правду, — есть решение вопроса через сделку с капиталистами и между капиталистами. Оно значит: оставим старые захваты (до войны сделанные), а новых пусть не будет.

Такого решения- во-первых, не может оправдать социалист, не изменяя социализму. Не дело социалиста мирить капиталистов на старом дележе добычи, т.-е. захватов. Это ясно. Такое решение, во-вторых, неосуществимо все-равно без революции против капитала, по крайней мере англо-японского, ибо всякий не сошедший с ума человек видит, что Япония не отдаст Киао-Чао, Англия — Багдад и колонии в Африке без революции.

Крестьянское решение иначе определило захваты (аннексии), провозгласив право «каждого» народа (значит, и аннексированного, т.-е. насильственно присоединенного до войны) на свободу, на «самостоятельное решение своей судьбы».

Вот это — единственное правильное решение с точки зрения действительно последовательного демократа, тем более — социалиста. Не может ни один социалист, оставаясь социалистом, ставить вопрос об аннексиях (захватах) иначе, не может отказывать в праве самоопределения, в свободе отделения каждому народу.

Но не будем обманываться: такое требование означает революцию против капиталистов. И прежде всего, в первую голову не примут такого требования (без революции) английские капиталисты, имеющие аннексий (захватов) больше, чем любая нация в мире.

Оба требования, оба пожелания — как пожелание отказаться от аннексий в смысле восстановления старого («статус кво»), так и пожелание отказаться от новых и от старых, но всех аннексий, — оба пожеланий неосуществимы без революции против капитала, без низвержения капиталистов. Нельзя обманывать себя и народ насчет этого!

Либо проповедывать и ждать сделки с капиталистами, а это равносильно внушению народам доверия к их злейшим врагам, — либо доверие к рабочей революции, только к ней, сосредоточение всех усилий на низвержении капиталистов.

Надо сделать выбор из этих двух путей к окончанию войны!

Том XIV, ч. I, стр. 214—215, 25 мая 1917 г. «Сделка с капиталистами или низвержение капиталистов». [44])

Только власть действительно народная, т.-е. принадлежащая б о л ь ш и н с т в у народа, способна вступить на п р а в и л ь н ы й путь, ведущий человечество к свержению ига капиталистов и к избавлению от ужасов и бедствий империалистической войны, к прочному и справедливому миру.

Том XIV, ч. I, стр. 235, 3 июня 1917 г. «Большевизм и «разложение» армии». [45])

Есть ли путь к миру без обмена аннексий (захватов), без дележа добычи капиталистами-разбойниками?

Есть — через рабочую революцию против капиталистов всех стран.

Россия сейчас ближе всех к началу такой революции.

Только в России возможен переход власти к готовым учреждениям, к советам сразу, мирно, без восстания, ибо сопротивляться советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов капиталисты не смогут.

При таком переходе власти, можно было бы обуздать капиталистов, наживающих миллиарды на поставках, раскрыть все их проделки, арестовать казнокрадов-миллионеров, сломить их всевластие.

Только после перехода власти к угнетенным классам Россия могла бы обратиться к угнетенным классам других стран не с пустыми словами, не с голыми воззваниями, а с указанием на свой пример и с немедленным, точным предложением ясных условий всеобщего мира.

Товарищи — рабочие и трудящиеся всех стран! — говорилось бы в этом предложении немедленного мира. Довольно крови! Мир возможен. Мир справедливый есть мир без аннексий, без захватов. Пусть знают разбойники-капиталисты немецкие с их коронованным разбойником Вильгельмом, что мы не будем договариваться с ними, что захватом их мы считаем не только то, что заграбили они после войны, но и Эльзас и Лотарингию, и датские и польские земли Пруссии.

Захватом русских царей и капиталистов мы считаем и Польшу, и Финляндию, и Украину, и прочие невеликорусские земли.

Захватом английских, французских и прочих капиталистов мы считаем все их колонии, Ирландию и т. д.

Мы, русские рабочие и крестьяне, не будем насильно удерживать ни одной из невеликорусских земель или колоний (вроде Туркестана, Монголии, Персии). Долой войну из-за дележа колоний, из-за дележа аннексий (захватов), из-за дележа добычи капиталистов!

Примеру русских рабочих последует неизбежно — может быть, не завтра (революции не делаются по заказу), но неизбежно — рабочие и трудящиеся по крайней мере двух великих стран: Германии и Франции.

Ибо обе гибнут, первая от голода, вторая от обезлюдения. Они обе заключат мир на наших, справедливых, условиях вопреки их капиталистическим правительствам.

Дорога к миру — лежит перед нами.

Если капиталисты Англии, Японии, Америки попытаются сопротивляться такому миру, тогда угнетенные классы и России, и других стран не побоятся революционной войны против капиталистов. В такой войне и они победят капиталистов не только трех, — далеко лежащих от России и занятых собственным соревнованием — стран, они победят капиталистов всего мира.

Дорога к справедливому миру перед нами. Не будем бояться вступить на нее...

Том XIV, ч. I, стр. 245—246, 7 июня 1917 г. «Есть ли путь к справедливому миру».[48])

О ЛОЗУНГЕ БЕЗ АННЕКСИЙ.

Пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов, не разрывая совершенно с интернационализмом, т.-е. братской солидарностью рабочих всех стран против ига капитала.

Это наш главный, основной вывод, определяющий всю нашу тактику и отделяющий нас от всех других партий, какими бы социалистическими они себя ни называли. Этим положением, которое для всех нас бесспорно, предрешен вопрос о нашем

отношении ко всем другим политическим партиям. Дальше речь идет о том, что наше правительство особенно широко поставило вопрос об обещаниях. Около этих обещаний идет длительная кампания советов, запутавшихся в этих обещаниях и испытывающих народ. Поэтому мы считаем необходимым к чисто объективному анализу классового положения прибавить оценку обещаний, которые, конечно, для марксиста сами по себе никакого значения не имеют. Но для широких масс это много значит, а для политики — еще больше. Петербургский совет запутался в этих обещаниях и придает им вес, авансируя свою поддержку. Вот почему мы прибавляем к этому пункту следующую формулировку:

«Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т.-е. от завоевания чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей».

Так как слово «аннексия» — иностранное, то мы даем ему точное политическое определение, которого ни партия к.-д., ни партия мелко-буржуазных демократов (народников и меньшевиков) не могут дать. Нет слов, которые употреблялись бы столь бессмысленно и неопрятно.

Ибо, во-первых, капиталисты, связанные тысячами нитей банкового капитала, не могут отказаться от аннексий в данной войне, не отказавшись от прибылей на миллиарды, вложенные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д.; во-вторых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9-го апреля 1917 г. в Москве, что оно от аннексий не отказывается, а нотой от 18 апреля и разъяснением ее 22 апреля оно подтвердило захватный характер своей политики.

«Предостерегая народ против пустых посулов капиталистов, конференция заявляет поэтому, что надо строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т.-е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров и немедленное предоставление всем народностям права свободным голосованием решать вопрос, желают ли они быть независимыми государствами или входить в состав какого угодно государства».

Указать это мы признали необходимым, потому что вопрос о мире без аннексий является основным вопросом во всех этих дискуссиях об условиях мира. Все партии признают, что мир станет перед альтернативой и что мир с аннексиями явится неслыханной катастрофой для всех стран. И перед народом, в стране которого существует политическая свобода, нельзя иначе поставить вопрос о мире, как о мире без аннексий...

... Отказ от аннексий означает предоставление каждому народу свободно решать, желает ли он жить отдельно или совместно с другим. Конечно, для этого надо вывести войска. Допустить малейшие колебания в вопросе об аннексиях, значит оправдать бесконечные войны. Следовательно, в этом отношении никаких колебаний мы допускать не могли. Наш ответ по отношению к аннексиям — свободное решение народов. Как сделать, чтобы эта политическая свобода была также и экономической? Для этого необходим переход власти в руки пролетариата и свержение ига капитала.

Том XIV, ч. II, стр. 430—433, 27 апреля 1917 г. Речь о резолюции о войне.

По вопросу о сепаратном мире я уже сказал, что сепаратного мира для нас не может быть, и по резолюции нашей партии нет и тени сомнения, что мы его отвергаем, как всякое соглашение с капиталистами. Для нас сепаратный мир является соглашением с немецкими разбойниками, потому что они грабят так же, как и другие. Но такой же сепаратный мир есть соглашение с русским капиталом в русском Временном Правительстве. Царские договоры остались, они также грабят и душат другие народы. Когда говорят: «Мир без аннексий и контрибуций», как всякий русский рабочий и крестьянин должен говорить, потому что жизнь его этому учит, потому что он не заинтересован в банковских прибылях, потому что он хочет жить, я им отвечаю, что в этом лозунге ваши вожди теперешнего Совета Р. и С. Д. из партий народников и меньшевиков запутались. Они в своих «Известиях» сказали, что это значит статус кво, т.-е. довоенное положение — вернись к тому, что было до войны. Разве это не капиталистический мир? И притом какой капиталистический мир! Если вы выдвигаете такой лозунг, знайте, что ход событий может поставить партию к власти. Во время революции это возможно, вы должны будете делать то, что вы говорите, а если вы предложите мир без аннексий, то его примут немцы и не примут англичане, потому что английские капиталисты ни одной пяди земли не потеряли, а во всех концах мира награбили. Немцы многое награбили, но многое и потеряли, и не только потеряли, но получили перед собой Америку, самого гигантского врага. Если вы, предлагающие мир без аннексий, понимаете под ним статус кво, вы скатываетесь к тому, что из вашего предложения выходит сепаратный мир с капиталистами, потому что если вы предложите это, то немецкие капиталисты, видя перед собой Америку и Италию, с которыми прежде заключали договоры, скажут: «Да, мы примем этот мир без аннексий. Он для нас не есть поражение, он для нас победа против

Америки и Италии». Вы объективно скатываетесь к тому сепаратному миру с капиталистами, в котором вы нас обвиняете, потому что вы не рвете принципиально в своей политике, на деле, в своих практических шагах, с теми банкирами, как выразителями империалистского господства во всем мире, которых во Временном Правительстве вы и ваши «социалистические» министры поддерживаете.

...Говоря о мире, вы не сказали, какой мир. Нам по поводу мира на основе статус кво никто не ответил, когда мы указали на это вопиющее противоречие. Вы не сможете в вашей резолюции, в которой вы будете говорить о мире без аннексий, сказать, что это не есть статус кво. Вы не можете сказать, что это есть статус кво, т.-е. восстановление довоенного положения. Значит, что же? Отнять у Англии немецкие колонии? Попробуйте мирными соглашениями! Над вами все будут смеяться. Попробуйте отнять у Японии отграбленные Киао-Чау и острова Тихого океана без революции!

Вы запутались в противоречиях безвыходных. А когда мы говорим: «без аннексий», то мы говорим, что для нас этот лозунг есть только подчиненная часть борьбы против всемирного империализма. Мы говорим, что все народы хотим освободить и начать со своих. Вы говорите о войне против аннексий и о мире без аннексий, а в России продолжаете внутри политику аннексий. Это есть нечто неслыханное. Вы и ваше правительство, ваши новые министры на деле продолжаете с Финляндией и Украиной политику аннексий. Вы придираетесь к украинскому съезду, воспрещаете его собрания через ваших министров. Это не есть аннексия? Это — политика, которая представляет надругательство над правами народности, десятки и тысячу лет терпевшей мучения от царей за то, что дети их хотят говорить на родном языке. Это значит бояться отдельных республик. С точки зрения рабочих и крестьян это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик. Чтобы этому помешать, рабочие и крестьянские массы воевать не будут. Всякий народ пусть будет освобожден, прежде всего пусть будут освобождены все народности, с которыми вы революцию в России делаете. Без этого шага вы осуждаете себя на то, что вы на словах «революционная демократия», а на деле вся ваша политика контрреволюционная...

Когда говорят, что мы стремимся к сепаратному миру, то это неправда.

Мы говорим: никакого сепаратного мира, ни с какими капиталистами, прежде всего русскими. А у Временного Правительства есть сепаратный мир с русскими капиталистами. Долой этот сепаратный мир! *(Аплодисменты.)* Никакого сепаратного

мира с немецкими капиталистами мы не признаем и ни в какие переговоры не вступим, но и никакого сепаратного мира с английскими и французскими империалистами. Нам говорят, что порвать с ними значит вступить в соглашение с немецкими империалистами. Неправда, порвать с ними надо немедленно, потому что это союз грабежа. Говорят, что нельзя опубликовать договоры, потому что это было бы предание позору всего нашего правительства, всей нашей политики перед глазами каждого рабочего и каждого крестьянина. Если бы эти договоры опубликовать и ясно сказать на собраниях русским рабочим и русским крестьянам, в особенности в каждой захолустной деревушке: вот за что ты воюешь сейчас, из-за проливов, из-за удержания Армении, то всякий скажет: такой войны мы не хотим...

Я говорю, что неверно это противопоставление: «либо с английскими империалистами, либо с немецкими». Если с немецкими мир, то значит с английскими война, и наоборот. Это противопоставление угодно для тех, кто со своими капиталистами и банкирами не рвет, с ними какой бы то ни было союз допускает.

Это не угодно для нас. Мы говорим о защите нами союза с угнетенным классом, с угнетенными народами.

Оставайтесь верны такому союзу — тогда вы будете революционной демократией. Эта задача не легка. Эта задача не дает забывать того, что при известных условиях без революционной войны не обойдемся. Ни один революционный класс зарекаться от революционной войны не может, потому что иначе он осуждает себя на смешной пацифизм. Мы не толстовцы. Если революционный класс возьмет власть, если в его государстве не останется аннексий, если не будет власти у банков и у крупного капитала, что не легко в России, то такой класс будет вести революционную войну не на словах, а на деле. Зарекаться от этой войны нельзя. Это значит впасть в толстовство, в мещанство, забыть всю науку марксизма, опыт всех европейских революций.

Россию не вычеркнешь одну из войны. Но у нее растут гигантские союзники, которые сейчас не верят вам, именно потому, что ваша позиция противоречива или наивна, именно потому, что вы другим народам советуете: «долой аннексии», а у себя их вводите.

Другим народам вы говорите: банкиров свергайте. А своих вы не свергаете. Попробуйте другую политику. Опубликуйте договоры и предайте их позору перед каждым рабочим и крестьянином и на собраниях. Скажите: никакого мира с немецкими капиталистами и полный разрыв с англо-французскими капиталистами. Пусть англичане убираются из Турции и не

воюют за Багдад. Пусть они убираются из Индии и Египта. Мы не хотим воевать для того, чтобы были сохранены награбленные добычи, как не приложим ни единого атома своих действий, чтобы немецкие разбойники сохранили свою добычу. Если вы это сделаете, — а вы это только говорили, — в политике словам не верят и хорошо делают, что не верят, — если вы не только это скажете, но и сделаете, тогда и те союзники, которые сейчас есть, себя проявят. Взгляните на настроение всякого угнетенного рабочего и крестьянина, они сочувствуют и жалеют, что вы так слабы, что, имея оружие, вы оставляете банкиров. Ваши союзники — угнетенные рабочие всех стран. Будет то, что революция 1905 года показала на деле. Когда она начиналась, она была страшно слаба. А каков ее международный результат? Как из этой политики определилась внешняя политика русской революции, из истории 1905 г.? Теперь внешнюю политику русской революции вы ведете целиком с капиталистами. А 1905 год показал, какова должна быть внешняя политика русской революции. Этот факт есть тот факт, что после 17 октября 1905 г. в Вене и Праге начались массовые уличные волнения и стройка баррикад.

После 1905 года наступил 1908 год в Турции, 1909 год в Персии и 1910 год в Китае. Если вы призовете действительно «революционную» демократию, рабочий класс, угнетенных, а не будете соглашательствовать с капиталистами, то ваши союзники будут — не классы угнетательские, а угнетенные, не народности, в которых сейчас преобладают временно угнетательские классы, а народности, которых сейчас рвут на части.

Нам здесь напоминают о немецком фронте, на котором никто из нас не только не предлагал никакого преобразования, кроме свободного распространения наших воззваний, которые написаны с одной стороны на русском языке, с другой на немецком.

Там сказано: капиталисты обеих стран разбойники. Удаление их только шаг к миру. Но есть другие фронты. На турецком фронте есть наша армия, численности которой я не знаю. Положим, что, примерно, там 3 миллиона. Если бы эта армия, которая сейчас держится в Армении и совершает аннексии, которые вы терпите, проповедуя другим народам мир без аннексий, хотя у вас сила и власть, если бы эта армия перешла к этой программе, если бы она сделала из Армении независимую Армянскую республику, и те деньги, которые с нас берут финансисты Англии и Франции, дала им, то было бы лучше!

Том XIV, ч. I, стр. 306—307, 308, 309—310, 313—314, 30 июня, 1 и 2 июля 1917 г. «О войне».[46])

ПЕРВЫЙ ШАГ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА БУДЕТ НЕМЕДЛЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ МИРА ВСЕМ ВОЮЮЩИМ НАРОДАМ.

Советское правительство должно немедленно предложить всем воюющим народам (т.-е. одновременно и правительствам их, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на 3 месяца).

Главным условием демократического мира является отказ от аннексий (захватов) — не в том неправильном смысле, что все державы возвращают потерянное ими, а в том, единственно правильном, смысле, что каждая народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она отдельное государство или входит в состав любого иного государства.

Предлагая же условия мира, советское правительство должно немедленно само приступить на деле к их выполнению, т.-е. опубликовать и расторгнуть тайные договоры, которыми мы связаны до сих пор, которые заключены царем и обещают русским капиталистам ограбление Турции, Австрии и т. д. Затем мы обязаны удовлетворить тотчас условия украинцев и финляндцев, обеспечить им, как и всем иноплеменникам в России, полную свободу, вплоть до свободы отделения, применить то же самое ко всей Армении, обязаться очистить ее и занятые нами турецкие земли и т. д.

Такие условия мира не будут встречены доброжелательно капиталистами, но у всех народов они встретят такое громадное сочувствие и вызовут такой великий, всемирно-исторический взрыв энтузиазма и всеобщего возмущения затягиванием грабительской войны, что, всего вероятнее, мы получим сразу перемирие и согласие на открытие мирных переговоров. Ибо рабочая революция против войны неудержимо растет всюду, и не фразы о мире (которыми давно обманывают рабочих и крестьян все империалистские правительства, в том числе и наше правительство Керенского), а лишь разрыв с капиталистами и предложение мира способны двинуть ее вперед.

Если осуществится наименее вероятное, т.-е. если ни одно воюющее государство не примет даже перемирия, тогда война с нашей стороны сделается действительно вынужденной, действительно справедливой и оборонительной войной. Уже одно сознание этого пролетариатом и беднейшим крестьянством сделает Россию во много раз более сильной и в военном отношении, особенно после полного разрыва с грабящими народ капиталистами, не говоря уже о том, что тогда с нашей стороны война

будет не на словах, а на деле, войной в союзе с угнетенными классами всех стран, войной в союзе с угнетенными народами всего мира.

В частности, следует предостеречь народ от того утверждения капиталистов, которому поддаются иногда наиболее запуганные и мещане, и которое состоит в том, будто английские и другие капиталисты, в случае разрыва нашего теперешнего грабительского союза с ними, способны нанести серьезный вред русской революции. Это утверждение насквозь лживо, ибо «финансовая поддержка союзников», обогащая банкиров, «поддерживает» русских рабочих и крестьян только так, как веревка поддерживает повешенного. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа, и только избавление от грабящих народ помещиков и капиталистов необходимо для правильного распределения этих продуктов. Что же касается до возможной военной угрозы русскому народу со стороны его теперешних союзников, то предположение, будто французы и итальянцы способны были бы соединить свои войска с немецкими и двинуть их против предложившей справедливый мир России, есть явно вздорное предположение; а Англия, Америка, Япония, даже если бы они объявили войну России (что для них затруднительно до последней степени как в силу чрезвычайной непопулярности такой войны в массах, так и в силу материального расхождения интересов между капиталистами этих стран, из-за дележа Азии, и в особенности из-за ограбления Китая), не могли бы причинить России и сотой доли того вреда и тех бедствий, которые причиняет война с Германией, Австрией и Турцией.

Том XIV, ч. II, стр. 128—130, 26 сентября 1917 г. «Задачи революции». [51])

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВЫХОД ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА ИЗ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

Апрельская конференция 1917 г. наметила (в резолюции о войне) путь к выходу страны из империалистской войны: «Революционный класс, взяв в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезвреживанию, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру».

Февральская революция положила начало превращению империалистской войны в войну гражданскую. «Эта революция сделала первый шаг к прекращению войны. Только второй шаг может обеспечить прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату»[1].

Октябрьская революция вплотную поставила перед партией задачу практически разрешить намеченную еще заранее тактику выхода России, первой страны победившего пролетариата, из империалистической войны.

Эта практическая проблема, естественно, оказалась сложнее, чем это казалось до захвата власти. Эта сложность явилась причиной непонимания частью партии, как выйти из войны и остаться на почве революционного интернационализма в условиях, когда германский империализм ставил тяжелые условия мира.

Основная ошибка «левых коммунистов» и идущих за ними, в том числе и Троцкого, состояла в том, что выход России из империалистской войны они противопоставляли объявлению революционной войны. В их понимании тактика Ленина грешила против интернациональных обязанностей победившего рабочего класса. Они не понимали, что в данных условиях важнейшая интернациональная задача — это сохранить от гибели первую страну пролетарской диктатуры, ибо в тех условиях (октябрь—1917, март—1918 г.) все остальные лозунги шли не от реального учета обстановки, а от желания, чувств, нетерпения и страсти к революционной фразе. Ленин боролся против такой политики, которая ставила на карту существование первой пролетарской страны ради сомнительных, мало вероятных перспектив быстрого развития революции в Германии и других странах.

---

[1] «Задачи пролетариата в нашей революции». Том XIV, ч. 1, стр. 46.

В настоящей главе собраны основные документы В. И. Ленина, относящиеся к этому вопросу.

Мы уже отмечали, что предпосылкой к выходу из империалистской войны В. Ленин всегда считал «переход государственной власти к другому классу, к пролетариату». Без этого условия «нельзя выскочить из империалистской войны, нельзя добиться демократического, не насильнического мира». Ибо «войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить «воткнув штык в землю» [1].

Власть захвачена; важнейшая предпосылка к тому, чтобы «выскочить» из империалистской войны, создана. Что же делает партия большевиков под руководством В. И.? Первый шаг — объявление II Всероссийским съездом советов «Декрета о мире», написанного В. И. Лениным.

В чем цель этого декрета и дальнейших шагов по пропаганде его идей? Его цель — «раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных палачей, поставленных во главе правительства». Ибо, формально обращаясь к правительствам, фактически и декрет, и последовавшая за ним борьба за заключение мира (опубликование тайных договоров, братание, ряд обращений и пр.) обращались к рабочим, солдатам и всем трудящимся всех воюющих народов. В заключении «Декрета» говорится: «Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств — Англии, Франции и Германии».

В противовес увлекающимся революционной фразой, Ленин знал цену «Декрета» и борьбы за него. Он никогда не переоценивал подобного рода документа. Защищая мысль проекта декрета, что его условия мира отнюдь не являются ультимативными, В. И. говорил: «Это капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, которая долбит камень буржуазного захвата».

Декрет о мире был принят II Съездом Советов 8 ноября (26 октября). Декрет и дальнейшие шаги к его реализации ни к чему не привели. 20 ноября правительство приказало главному командованию армиями немедленно начать переговоры о перемирии. Как известно, главнокомандующий ген. Духонин отказался выполнить это требование и был смещен. Правительство обратилось непосредственно к солдатам с воззванием бороться за мир. Двукратное обращение к «союзникам» (21(8)/XI и 27(14)/XI) ни к чему не привело. Только тогда правительство обратилось к немецкому командованию с предложением вступить в переговоры. Последние начались 2 декабря (19 ноября).

Не вдаваясь в детали этих переговоров (см. о них, например, в очерке «Брестский мир», в БСЭ, т. 7, а также в XV томе собр. соч. Ленина, 1 изд., стр. 619—636 — «ЦК РКП и Брестский мир»), мы лишь подчеркиваем, что они с самого начала не имели четкой, единой и всеми осознанной политической основы. «Левые» и Троцкий затягивали переговоры, ожидая в результате этого революции в Германии и объявления немедленной революционной войны со стороны русского пролетариата, т. е. рассматривали переговоры только как пропагандистскую борьбу за свои идеи. Ленин же, не исключая последней цели и ради нее соглашаясь на затягивание переговоров, добивался действительного заключения мира, как важнейшего условия сохранения и укрепления диктатуры пролетариата. Ошибочная и ложно-революционная тактика «левых» привела к потере

[1] «Задачи пролетариата в нашей революции». Т. XIV, ч. 1, стр. 46.

удобных моментов для заключения мира с наименьшим ущербом для социалистической страны и одно время даже поставила на карту само существование пролетарской диктатуры.

Вот почему В. И. выступил 7 января 1918 г. со своими знаменитыми «Тезисами о мире». Эти «Тезисы» должны были послужить основой для создания единого взгляда внутри партии на тактику борьбы за мир и предотвратить угрозу срыва неправильной тактикой «левых» октябрьской победы. Эти «Тезисы» показывают, что для Ленина путь и метод выхода России из войны был ясен и что основные принципы его тактики (революционная война, передышка и пр.) родились не в дни Брестского мира, а задолго до них. Вот главнейшие мысли этих тезисов.

Основная предпосылка для победы налицо — это массы рабочих и крестьян, стоящих на стороне советской власти. Но сопротивление свергнутой буржуазии еще не сломлено. Это сопротивление — в форме развернутой гражданской войны — еще впереди. И рабочий класс должен укрепить свою мощь, чтобы окончательно покончить с буржуазией, еще не сложившей оружия. Еще бо́льшие трудности встают перед рабочим классом в деле «социалистического преобразования России». «Все эти обстоятельства, взятые вместе, таковы, что из них совершенно вытекает необходимость для успеха социализма в России известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией — сначала в своей собственной стране — и для налаживания широкой и глубокой организационной работы».

В. И. отдавал себе отчет, какая тяжелая и грозная обстановка создалась ко времени написания тезисов ввиду ультимативного тона, к которому перешел германский империализм в переговорах с нами. И тут перед партией в упор встал вопрос: немедленный мир на условиях подчинения тяжелым условиям Германии или немедленная революционная война?

Чтобы дать правильно ответ на этот вопрос, Ленин требует прежде всего решения вопроса, что «должно быть положено в основу всякого определения международных задач новой советской власти». И ответ В. И. гласит: «Положение дел с социалистической революцией в России», т. е. вопрос о том, укрепится или погибнет эта революция в результате той или иной тактики осуществления советской властью в России своих международных задач.

Почему же не революционная война, даже с риском потерпеть поражение в России, но с надеждой вызвать пролетарскую революцию в других странах? Потому что «международная ситуация на 4 году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения каких-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету».

И дальше Ленин разбивает наиболее ходкие и «соблазнительные» доводы противников действительного и немедленного заключения мира.

Первый довод — оценка сепаратного мира, как «соглашения с немецким империализмом». «Но этот довод явно неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталиста, условия возобновления работ, не изменяют социализму». Война против германского империализма только была бы на руку англо-французскому империализму. Недаром последний недвусмысленно делает попытки договориться с советским правительством о «продолжении» войны, даже суля плату за каждого выставленного бойца.

Второй довод — что мир делает нас объективными агентами германского империализма (переброска немецких войск на запад, освобождение пленных), также необоснован. Но, если не заключать мира, то остается то же положение — явной помощи другому лагерю империалистов, т. е. «союзникам». «В обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистской связи». Отсюда и тактика, которую надо строить с точки зрения «развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась».

Третий довод — что якобы наша война помогла бы немецкому рабочему свергнуть буржуазию, но такое «пораженчество немецких с.-д.», рассчитанное на помощь империализма противной стороны — метод негодный, так как немецкие с.-д. никаких обещаний насчет реальности революции не дают.

Четвертый довод — отвлеченное требование выполнить обещание (прежних партийных документов и заявлений) вести революционную войну. Тов. Ленин на это отвечает: «Мы говорили о необходимости «подготовлять и вести» революционную войну для социалистического правительства в эпоху империализма... Но мы не брали на себя обязательства начинать революционную войну без учета того, насколько можно вести ее в тот или иной момент».

Генеральной линией всегда должна быть правильная оценка «объективного соотношения классовых сил и материальных факторов». А эти соотношения и факторы в данном случае были явно не в пользу активных действий, революционной войны с целью ускорить, помочь революции на западе, а требовали прежде всего укрепления уже победившей социалистической революции в России.

Довольно широко распространено мнение, что В. И. главным доводом против немедленной революционной войны в той обстановке считал небоеспособность армии и нежелание крестьян воевать. Это не совсем верно. Главным доводом служило определение целесообразности в данный момент революционной войны с точки зрения международной обстановки — правильная оценка революционной ситуации на западе и степень риска для пролетарской революции.

Но и тот фактор играл немалую роль — армия была совершенно небоеспособной.

И потому особенное внимание в оценке соотношения классовых сил В. И. уделяет крестьянству России. Он приходит к выводу, что крестьянство в данный момент «безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну».

Итак, начатая немедленно революционная война при ненаступлении революции в Германии ухудшит положение и заставит заключить мир на еще более тяжелых условиях. И к тому же еще неизвестно, кто будет его заключать, ибо «крестьянская армия, невыносимо истрепанная войной, после первых ее поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю свергнет социалистическое рабочее правительство».

Всякие разговоры о предательстве и измене международному пролетариату В. И. отвергает, ибо совершенно неверно, что сепаратный мир убьет или ослабит германскую революцию. Необоснованы и обвинения в том, что мы предали ряд народов, стремящихся к самоопределению (Польша, Литва, Курляндия), так как интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение». Ввязавшись в войну с целью помочь Польше, Литве и др., мы бы рискнули потерять октябрьскую победу.

Что же даст нам немедленный мир? Он освободит страну от обеих враждующих империалистских групп; он даст возможность использовать продолжающуюся вражду между ними для закрепления пролетарской страны. Несколько месяцев мирной работы позволят реорганизовать

Россию на основе «диктатуры пролетариата» и создать тем самым «прочную экономическую базу для могучей Красной Армии».

Вот те основные принципы, на основе которых в тезисах от 7/I — 1918 г. В. И. звал партию бороться за немедленный сепаратный мир с германским империализмом.

В дальнейших своих выступлениях т. Ленин развивает мысли этих тезисов, показывая на новых фактах и событиях, что он прав (ухудшение германских условий мира, дальнейшее ослабление армии, неопределенность сроков революции на западе и др.).

И на фоне этих фактов и событий еще ярче выступает вся тактика противников Ленина, как насквозь ошибочная, как увлечение революционной фразой. Ведь «дальше первых шагов к созданию Красной армии из добровольцев пойти пока не удалось». «Старой армии нет. Новая только-только начинает зарождаться». Вот почему «лозунг революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное содержание этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой».

В этот период (февраль 1918 г.) Ленину приходится разбивать все новые и новые внешне-революционные, но внутренне-несостоятельные доводы противников его тактики, рассчитанной на создание передышки.

Какие это «новые» доводы? Первый — сравнение с Францией 1792 г., когда революционная война сыграла роль решившего победу фактора.

Этой аналогии В. И. дал резкий отпор. Тогда, во Франции, революционная армия явилась «надстройкой на экономической основе нового, высшего способа производства». А в России мы имели — «неимоверную усталость от войны», «нового экономического строя... еще нет». Голод, разруха, мелко-буржуазная природа страны — «вот объективное положение в начале 1918 года». «Вот почему всяческие воспоминания 1792 года и т. п.— одна революционная фраза».

Другой довод — «Германия «не сможет наступать», не позволит ее растущая революция» — также необоснован. Он совершенно не учитывает действительной, объективной обстановки, ибо революция в Германии еще не настолько созрела, чтобы помешать наступлению германского империализма на нас. Другое дело — «быть убежденным в созревании германской революции и оказывать серьезную помощь этому созреванию».

В этом же духе «детски смешное заявление, что раз мы в октябре победили без войск, пулеметов и пр., то и сейчас победим (в революционной войне против Германии) — в этом нам поможет германский пролетариат. Никакое сравнение не может быть проведено между обстановкой в октябре 1917 г. (армия дезорганизована, рабочие и солдаты изжили иллюзии коалиции) и обстановкой в феврале 1918 г.

Был довод и такой, что тяжелые условия мира задушат советскую страну. Ответ т. Ленина: «Если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его обязательно принять в интересах социалистической революции, которая еще слаба... Только при полной невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться — не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора».

События развивались весьма быстро. Ленинский анализ тактики «левых» целиком оправдался. 24 февраля 1918 г. Московское областное бюро приняло резолюцию, в которой «левые», плененные революционной фразой, договорились логически до целесообразности «итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной», ради ложно понятой «чистоты» и сохранения принципов революционной войны.

В статье «Странное и чудовищное» В. И. вскрывает ошибки и корни этой путаницы и фразерства. Он еще раз повторяет, в чем суть его тезисов (7 января) и всей предлагаемой тактики. Суть их «состоит в указании на необходимость принять архитяжкий мир сейчас, в данную минуту, при одновременной серьезной подготовке революционной войны». Кончает он эту статью следующими словами: ...«позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне серьезно. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянной фразе».

Во всех этих основных статьях и выступлениях, сопровождавших основные этапы дипломатической борьбы с немцами и внутрипартийной борьбы, В. И. отмечает, как все дороже с каждым днем становится откуп от немедленной войны — с каждой нашей оттяжкой немецкие генералы наглели и ухудшали свои условия мира.

Развернутое обоснование своей тактики тов. Ленин дал на VII Съезде партии в докладе «По вопросу о Брестском мире». Основные мысли этого доклада, углубляющие тезисы 7 января, следующие:

Гражданская война стала фактом. Победы в первых боях давались легко. Причина этого «триумфального шествия» первых месяцев кроется в международной обстановке, которая «временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас». Это посеяло иллюзии легкости победы и над международным империализмом. Переход от этих легких стычек внутри страны к трудным столкновениям с империализмом настоящим оказался нелегким и непонятным многим в партии. Не учитывая того, что перед нами не «гнилушки Керенского и Корнилова», а международный империализм, «левые» мечтали и с последним справиться легко и быстро. А отсюда — игнорирование опасности войны в условиях демобилизующейся армии, разрухи, голода, усталости масс, в первую очередь крестьянства.

Всем авантюристическим, фразерским, ложно-революционным лозунгам В. И. противопоставляет теорию передышки. Только передышка может спасти еще неокрепшую советскую республику от поражения в неравной борьбе и даст возможность готовиться к революционной войне по-настоящему.

Передышка нужна во что бы то ни стало, самой дорогой и тяжкой ценой, и именно потому, что «мы все с 25 октября стали оборонцами, признающими защиту отечества». Ибо защищает социалистическое отечество не тот, кто идет на авантюрную войну, в которой отечество неминуемо погибнет при настоящих условиях, а тот, кто в данной обстановке сумеет выиграть время, лавировать, получить передышку, хотя бы и ценой «похабного» мира.

Как известно, на VII Съезде партии тактика В. И. получила большинство, и IV Чрезвычайный съезд советов ратифицировал мирный договор.

В конце пятой главы приводится ряд статей, в которых В. И. дает оценку результатов этой тактики. Уже в мае 1918 г. тов. Ленин отмечает положительный результат примененной тактики: «Передышка, полученная при подписании Брестского мира, о которой говорилось так много пустых и ненужных слов, якобы доказывающих ее невозможность, в действительности все-таки оказалась возможной — мы пользуемся ею в течение двух месяцев — и она дала свои результаты: дала возможность большинству русских солдат вернуться к себе домой, воспользоваться завоеваниями революции, воспользоваться землей, осмотреться и почерпнуть новые силы для новой предстоящей борьбы».

И, наконец, 8 ноября 1918 г., на VI Всероссийском съезде советов, накануне революции в Германии (9 ноября), тов. Ленин дает оценку пройденного этапа. Эта оценка сводится к тому, что история целиком оправдала и подтвердила правильность избранной тактики — добиться временной передышки, хотя бы ценою грабительского мира. Всякая другая тактика в тех тяжелых условиях была бы гибельной.

И эта оценка была буквально через день подтверждена историей. Германская революция аннулировала Брестский мир.

Тактика передышки является классическим примером приложения революционного марксизма в архитяжелых и сложных условиях.

Но тактика эта имеет не только историческое значение. Она является образцом большевистской тактики для таких случаев, когда необходимо решительно отбрасывать революционное фразерство, подменяющее политику и трезвый учет сил, и, выбирая тактику отступления, уметь сочетать в ней и задачи конкретного учета сил и задачи победы революции.

Вопрос о мире после Октябрьского переворота.

ДЕКРЕТ О МИРЕ.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября, опирающееся на советы Р., С. и Кр. Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать, без малейшей оттяжки, тотчас же, все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира, полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько

развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию, — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляют права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.-е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными, богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром обсуждении их какой бы то ни было воюющей страной и в полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, с своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывает, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать открытые переговоры о заключении мира, правительство с своей стороны выражает готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких

переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не менее, как на 3 месяца, т.-е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств — Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма и великие образцы чартистского движения в Англии, ряда революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работы создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации.

Том XV, стр. 13—16, 26 октября 1918 г. «Декрет о мире».[53])

Я буду высказываться решительно против того, чтобы наше требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости.

Мы наше обращение разошлем повсюду, все будут знать. Скрыть об условиях, выдвинутых нашим рабоче-крестьянским правительством, будет нельзя.

Нельзя скрыть о нашей рабоче-крестьянской революции, свергнувшей правительство банкиров и помещиков.

При ультимативности правительства могут не ответить, при нашей редакции они должны будут ответить. Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны.

Что скажет крестьянин какой-нибудь отдаленной губернии, если из-за нашей конспиративности он не будет знать, что хочет другое правительство? Он скажет: товарищи, зачем вы исключили возможность предложений всякий условий мира? Я бы их обсудил, я бы их просмотрел, а затем бы наказал моим представителям в Учредительное собрание, как им поступить. Я готов биться революционным путем за справедливые условия, если правительства не согласятся, но могут быть такие условия для некоторых стран, что я готов предложить этим правительствам бороться самим дальше. Полное осуществление наших мыслей зависит только от свержения всего капиталистического строя. Вот что может сказать нам крестьянин, и он обвинит нас в излишней неуступчивости в мелочах, когда нам главное надо раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных и некоронованных палачей, поставленных во главе правительства.

Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню. Это капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, которая долбит камень буржуазного захвата. Ультимативность облегчит нашим противникам их положение. Мы же все условия покажем народу. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам.

Мы все предложения мира внесем на заключение Учредительного собрания.

Есть еще один пункт, на который вам, товарищи, надо обратить пристальное внимание. Тайные договоры должны быть опубликованы. Должны быть отменены пункты об аннексиях и контрибуциях.

Есть разные пункты, товарищи, — ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономическое соглашение и разные другие пункты о добрососедских отношениях.

Мы не связываем себя договорами. Мы не дадим себя опутать договорами. Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать. Мы предлагаем перемирие на срок в три месяца, мы вы-

бираем длинный срок, потому что народы утомлены, народы жаждут отдыха от этой кровавой бойни, длящейся четвертый год. Мы должны понимать, что необходимо обсудить условия мира народам, выразить свою волю, при участии парламента, а для этого должен быть дан срок. Мы поэтому требуем длительного перемирия, чтобы отдохнула армия в окопах от этого кошмара вечных убийств, но мы не отвергаем предложений и более короткого перемирия, мы их рассмотрим и мы их должны будем принять, даже если нам предложат перемирие на месяц или на полтора.

Наше предложение о перемирии тоже не должно быть ультимативным, ибо мы не дадим возможности нашим врагам скрыть всю правду от народов, спрятавшись за нашу непримиримость. Оно не должно быть ультимативным, ибо преступно правительство, не желающее перемирия. Если же мы предложение наше о перемирии сделаем не ультимативным, то мы тем самым заставим правительства в глазах народа стать преступниками, а с такими преступниками народы не станут церемониться. Нам возражают, что наша неультимативность покажет наше бессилие, но пора отбросить всю буржуазную фальшь в разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда идут слепо на бойню, повинуясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное.

По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения бойни. Разве в Германии не происходит массовых демонстраций рабочих, на которых выбрасываются лозунги о прекращении войны? Разве не усталостью вызвано то восстание германского флота, которое так беспощадно подавлено палачом Вильгельмом и его прислужниками? Если возможны такие явления в такой дисциплинированной стране, как Германия, где начинают говорить об усталости, о прекращении войны, то нам нечего бояться, если мы скажем открыто о том же, ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже не воюющих стран.

Том XV, стр. 16—18, 26 октября 1917 г. «Заключительное слово на XI Съезде Советов».[54])

БОРЬБА ЗА МИР ПРОТИВ СТАВКИ.

Полный текст наших переговоров с Духониным отпечатан[1], и я могу ограничиться небольшими заявлениями. Для нас было ясно, что мы имеем дело с противником народной воли и с врагом революции. Со стороны Духонина были разные увертки и уловки с целью затянуть дело. Выражали сомнение в подлинности нашей телеграммы и с запросом об ее подлинности обращались не к Крыленко, а к генералу Маниковскому. Таким образом генералы украли, по крайней мере, сутки в таком важном и насущном вопросе, как вопрос о мире. Только тогда, когда мы заявили, что обратимся к солдатам, у провода появился генерал Духонин. Мы заявили Духонину, что требуем от него немедленно вступить в переговоры о перемирии, и только. Мы не давали Духонину права заключить перемирие. Не только вопрос о заключении перемирия не подлежит компетенции Духонина, но и каждый шаг его в деле ведения переговоров о перемирии должен был находиться под контролем народных комиссаров. Буржуазная пресса ставит нам упрек в том, что будто мы предлагаем сепаратное перемирие, будто мы не считаемся с интересами румынской армии. Это сплошная ложь. Мы предлагаем немедленно начать мирные переговоры и заключить перемирие со всеми странами без изъятия. Мы имеем сведения, что наши радиотелеграммы доходят в Европу. Так, наша радиотелеграмма о победе над Керенским была перехвачена австрийским радиотелеграфом и передана. Германцы же посылали встречные волны, чтобы задержать ее. Мы имеем возможность сноситься с Парижем, и когда мирный договор будет составлен, мы будем иметь возможность сообщить французскому народу, что он может быть подписан, и что от французского народа зависит заключить перемирие в два часа. Увидим, что скажет тогда Клемансо. Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир. Она говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договоры. И это сделано — борьба за мир начинается. Эта борьба будет трудной и упорной. Международный империализм мобилизует все свои силы против нас, но как ни велики силы международного империализма, наши шансы весьма благоприятны; в этой революционной борьбе за мир и с борьбой за мир мы соединим революционное братание. Буржуазия желала бы, чтобы осуществился сговор империалистических правительств против нас.

Том XV, стр. 34—35, 10 ноября 1917 г. «О генерале Духонине».[56])

---

[1] См. том XV, стр. 30—34.

Тов. Чудновский говорил, что похабный мир для нас неприемлем, но он не мог привести ни одного слова, ни одного акта, который мог бы быть истолкован в смысле приемлемости для нас этого мира. Мы сказали: мир может быть подписан только Советом народных комиссаров. Когда мы шли на переговоры с Духониным, мы знали, что мы идем на переговоры с врагом, а когда имеешь дело с врагом, то нельзя откладывать своих действий. Результатов переговоров мы не знали. Но у нас была решимость. Необходимо было принять решение тут же, у прямого провода. В отношении к неповинующемуся генералу меры должны были быть приняты немедленно. Мы не могли созвать ЦИК по прямому проводу, и здесь нет никакого нарушения прерогатив ЦИК. В войне не дожидаются исхода, а это была война против контрреволюционного генералитета, и мы тут же против него обратились к солдатам. Мы сместили Духонина, но мы не формалисты и бюрократы, и мы знаем, что одного смещения мало. Он идет против нас, а мы апеллируем против него к солдатской массе. Мы даем ей право вступать в переговоры о перемирии. Но не заключаем перемирия. Солдаты получили предостережение: стеречь контрреволюционных генералов. Я считаю, что любой полк достаточно организован для того, чтобы поддержать необходимый революционный порядок. Если момент, когда солдаты пойдут на переговоры о перемирии, будет использован для измены, если во время братания будет произведено нападение, то обязанность солдата — расстрелять изменников тут же без формальностей.

Говорить, что мы теперь ослабили наш фронт, на случай, если бы немцы перешли в наступление — чудовищно. Пока Духонин не был изобличен и смещен, у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира. Сейчас эта уверенность есть: воевать с Духониным можно только, обращаясь к чувству организованности и самодеятельности солдатской массы.

Мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу. Мы не верим ни на каплю немецкому генералитету, но мы верим немецкому народу. Без активного участия солдат мир, заключенный главнокомандующим, непрочен. Я против предложения Каменева не потому, что я в принципе против него, а потому, что того, что предлагает Каменев, недостаточно, это слишком слабо. Я ничего не имею против комиссии, но предлагаю не предрешать ее функции; я против слабых мер и предлагаю не связывать нам в этом отношении руки.

Том XV, стр. 35—36, 10 ноября 1917 г. Реплика по вопросу о Духонине. [58])

ТРУДНОСТИ В БОРЬБЕ ЗА МИР.

С войной, вызванной столкновением хищников из-за добычи, мы начали решительную борьбу. Все партии до сих пор говорили об этой борьбе, но дальше слов и лицемерия не шли. Теперь борьба за мир начата. Борьба эта трудна. Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит лишь заикнуться о мире и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек. Кто приписывал этот взгляд большевикам, тот обманывал. Капиталисты сцепились в мертвой схватке, чтобы поделить добычу. Ясно: убить войну — значит победить капитал, и в этом смысле советская власть начала борьбу. Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановят на этом пути. Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешенная ненависть, которую буржуазия проявляет к движению к миру. Пусть она попробует повести народы на четвертый год войны друг против друга. Это ей не удастся. Не только у нас, но во всех воюющих странах назревает борьба против собственных империалистических правительств. Даже в Германии, которую империалисты десятки лет старались превратить в военный лагерь, где весь правительственный аппарат направлен к тому, чтобы малейшее проявление народного возмущения было пресечено в самом зародыше, и там дошло до открытого восстания во флоте. Нужно знать, как неслыханно велик полицейский произвол в Германии, чтобы знать, какое значение имеет это восстание. Но революция не заказывается; революция является как следствие взрыва негодования народных масс. Если было так легко справиться с шайкой жалких, полоумных людей, как Романов и Распутин, то зато неизмеримо труднее бороться с организованной и сильной кликой германских коронованных и некоронованных империалистов. Но можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало советское правительство, когда оно опубликовало тайные договоры и показало, что правители всех стран — разбойники. Это уже пропаганда не словом, а делом...

Когда немцы на наши требования не перебрасывать войск на западный и итальянский фронты ответили уклончиво, мы прервали после этого переговоры и возобновим их некоторое время спустя. И когда мы это сообщим открыто на весь мир, то не будет ни одного немецкого рабочего, который бы не знал, что не по нашей вине были прерваны мирные переговоры. Если же представить такой случай, что немецкий рабочий класс пошел бы вместе

со своим правительством хищников-империалистов, и мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то русский народ, умевший безропотно проливать свою кровь, не зная зачем и во имя каких целей исполнявший волю душившего его правительства, без всякого сомнения с удесятеренной энергией, с удесятеренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу, на которую направила бы штыки международная буржуазия.

Но мы верим в международную солидарность трудящихся масс, которые одолеют все препятствия и все препоны на пути борьбы за социализм.

Том XV, стр. 44—45, 22 ноября 1917 г. «Речь на Всероссийском съезде военного флота».[57])

Борьба внутри партии за правильную тактику выхода из войны.

КАК ВЫЙТИ ИЗ ВОЙНЫ?

(Тезисы о мире).

1. Положение русской революции в данный момент таково, что почти все рабочие и громадное большинство крестьян, несомненно, стоят на стороне советской власти и начатой ею социальной революции. Постольку успех социалистической революции в России обеспечен.

2. В то же время гражданская война, вызванная бешеным сопротивлением имущих классов, превосходно сознающих, что перед ними последний и решительный бой за сохранение частной собственности на землю, на средства производства, еще не достигла своего высшего пункта. Советской власти обеспечена победа в этой войне, но неизбежно пройдет еще некоторое время, неизбежно потребуется не малое напряжение сил, неизбежен известный период острой разрухи и хаоса, связанных со всякой войной, — а с гражданской войной в особенности, пока сопротивление буржуазии будет подавлено.

3. Кроме того, это сопротивление всего менее активных и невоенных форм: саботаж, подкуп босяков, подкуп агентов буржуазии, втирающихся в ряды социалистов для того, чтобы погубить их дело, и т. д. и т. п.; это сопротивление оказалось таким упорным и способным принимать столь разнообразные формы, что борьба с ним неизбежно затянется еще некоторое время и едва ли закончится в главных своих видах раньше, чем через несколько месяцев. А без решительной победы над этим пассивным и прикрытым сопротивлением буржуазии и ее сторонников успех социалистической революции невозможен.

4. Наконец, организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение

их при обилии мелкобуржуазных попутчиков социалистического пролетариата и при невысоком культурном его уровне требуется тоже довольно продолжительное время.

5. Все эти обстоятельства, взятые вместе, таковы, что из них совершенно вытекает необходимость для успеха социализма в России известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой организационной работы.

6. Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач новой советской власти, ибо международная ситуация на 4 году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения каких-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братания в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства в России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок), или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки объективно свелись бы к слепой азартной игре.

7. Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент к 7/I 1918 г., что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т.-е. мир на условии, что мы отдаем все занятые нами земли, германцы сохраняют все занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы) на содержание пленных, контрибуцию размером приблизительно в 3 миллиарда рублей, с рассрочкой платежа на несколько лет.

8. Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения по сути дела тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более не осуществимы, ибо для искусствен-

ного затягивания переговоров мы уже сделали все возможное и невозможное.

9. Рассматривая доводы за немедленную революционную войну, мы встречаем прежде всего тот вывод, что сепаратный мир будет теперь объективно соглашением с немецкими империалистами, «империалистской сделкой» и т. п., и что, следовательно, такой мир был бы полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма.

Но этот довод явно неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталиста условия возобновления работ, не изменяют социализму. Изменяют социализму лишь те, кто обменивает выгоды для части рабочих на выгоды для капиталистов, лишь такие соглашения в принципе недопустимы.

Кто называет оборонительной и справедливой войной войну с германским империализмом, а на деле получает поддержку от англо-французских империалистов и скрывает от народа тайные договоры с ними, тот изменяет социализму. Кто, ничего не скрывая от народа, никаких тайных договоров с империалистами не заключая, соглашается подписать невыгодные для слабой нации, выгодные для империалистов одной группы условия мира, если в данный момент нет сил для продолжения войны, тот ни малейшей измены социализму не совершает.

10. Другой довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта, и миллионы пленных и т. д. Но и этот вывод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас объективно агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы. Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленко по 100 руб. в месяц за каждого нашего солдата в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же объективно будем помогать им, отвлекая часть немецких войск.

С этой стороны в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистской связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась.

Другими словами: не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империалистов выгод-

нее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны.

11. Говорят, что немецкие противники войны из с.-д. стали теперь «пораженцами» и просят нас не уступать германскому империализму. Но мы признавали пораженчество лишь по отношению к собственной империалистской буржуазии, а победу над чужим империализмом, победу, достигаемую в формальном или в фактическом союзе с «дружественным» империализмом, мы всегда отвергали, как метод принципиально недопустимый и вообще негодный.

Данный довод есть, следовательно, лишь видоизменение предыдущего.Если бы немецкие левые с.-д. предлагали нам оттянуть сепаратный мир на определенный срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос мог бы встать для нас иначе. Но немецкие левые не только не говорят этого, а напротив, формально заявляют: «Держитесь, пока можно, но решайте вопрос по соображениям положения дел в русской социалистической революции, ибо ничего позитивного обещать насчет немецкой революции нельзя».

12. Говорят, что мы прямо «обещали» в ряде партийных заявлений революционную войну, и что заключение сепаратного мира будет изменой нашему слову.

Это неверно. Мы говорили о необходимости «подготовлять и вести» революционную войну для социалистического правительства в эпоху империализма; мы говорили это, чтобы бороться с абстрактным пацифизмом, с теорией полного отрицания «защиты отечества» в эпоху империализма, наконец, с чисто шкурными инстинктами части солдат, но мы не брали на себя обязательства начинать революционную войну без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент.

Мы и сейчас безусловно должны готовить революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполнили вообще все наши обещания, которые можно было сразу выполнить: расторгли тайные договоры, предложили всем народам справедливый мир, оттягивали всячески и несколько раз мирные переговоры, чтобы дать время присоединиться другим народам.

Но вопрос о том, можно ли сейчас, немедленно вести революционную войну, следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась.

13. Сведя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо притти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребностям человека в стремлении к красивому,

эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции.

14. Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а, вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отражать немецкое наступление, во-первых, вследствие крайней усталости и истомления большинства солдат при неслыханной разрухе в деле продовольствия, смены переутомленных и пр.; во-вторых, вследствие полной негодности конского состава, обрекающей на неминуемую гибель нашу артиллерию; в-третьих, вследствие полной невозможности защитить побережье от Риги до Ревеля, дающей неприятелю вернейший шанс на завоевание остальной части Лифляндии, затем Эстляндии и на обход большей части наших войск с тыла, наконец, на взятие Петербурга.

15. Далее нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну, ибо дело социалистической революционной армии, влития в нее отрядов красной гвардии и проч. только-только начато.

При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно-крепкой социалистической армии нужны по меньшей мере месяцы и месяцы.

16. Беднейшее крестьянство в России в состоянии поддержать социалистическую революцию, руководимую рабочим классом; оно в состоянии немедленно, в данный момент пойти на серьезную революционную войну. Это объективное соотношение классов по данному вопросу было бы роковой ошибкой игнорировать.

17. Дело стоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом.

Если бы германская революция вспыхнула в ближайшие 3—4 месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции.

Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады с черновцами, или что-либо подобное), ибо крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не через ме-

сяц, а через неделю свергнет социалистическое рабочее правительство.

18. При таком положении дела было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбы начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права.

19. И германская революция вовсе не затруднится, по ее объективным основаниям, если мы заключим сепаратный мир. Вероятно, на время угар шовинизма ослабит ее, но положение Германии останется крайне тяжелым. Война с Англией и Америкой будет затяжной, агрессивный империализм вполне и до конца разоблачен с обеих сторон.

Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское революционирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников, там — мир и социалистическая республика советов.

20. Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, возможной для данного момента степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, затрудняющую их сделку против нас, используем известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном продуктообмене города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной армии.

21. Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно выраженной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах. Между тем этой цели в данный момент мы себе заведомо не можем еще поставить. Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии. Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает

делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польша, Литва, Курляндия и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше.

Поэтому тот, кто говорит: «мы не можем подписать позорного, похабного и проч. мира, предать Польшу и т. д.» не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только еще более усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и др. стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром, с точки зрения России, но нисколько не перестал бы быть миром с аннексионистами, с германскими империалистами.

Том XV, стр. 63—69, 7 января 1918 г. «Тезисы о мире». [58])

ВОЗМОЖНА ЛИ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА?

О необходимости готовить революционную войну в случае победы социализма в одной стране и сохранении капитализма в соседних странах говорила наша пресса всегда. Это бесспорно.

Спрашивается, как пошла на деле эта подготовка после нашей Октябрьской революции?

Эта подготовка пошла так, что нам пришлось армию демобилизовать, мы были вынуждены это сделать, вынуждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непреоборимыми, что не только не возникло «течения» или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось. Кто захочет подумать о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии Советской социалистической республикой, не окончившей войны с соседним империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины в социальном строе мелкокрестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация многомиллионной армии и приступ к созданию на добровольческих началах Красной армии — таковы факты.

Сопоставьте с этими фактами слова о революционной войне в январе — феврале 1918 г., и вам станет ясна сущность революционной фразы.

Если бы «отстаивание» революционной войны, скажем, питерскою и московской организациею не было фразой, то мы видели бы с октября по январь иные факты: мы видели бы решительную борьбу против демобилизации с их стороны. Ничего подобного не было и в помине.

Мы видели бы посылку питерцами и москвичами десятков тысяч агитаторов и солдат на фронт и ежедневные вести оттуда об их борьбе против демобилизации, об успехах этой борьбы, о приостановке демобилизации.

Ничего подобного не было.

Мы видели бы сотни известий о полках, формирующихся в Красную армию, террористически останавливающих демобилизацию, обновляющих защиту и укрепление против возможного наступления германского империализма.

Ничего подобного не было. Демобилизация в полном разгаре Старой армии нет. Новая только-только начинает зарождаться.

Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями, тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 г. есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное содержание этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой.

Дела нашей собственной партии и всей советской власти, дела питерцев и москвичей-большевиков показали, что дальше первых шагов к созданию Красной армии из добровольцев пойти пока не удалось. От этого неприятного факта, но факта, — скрываться под сень декламации и в то же время не только не препятствовать демобилизации, но и не возражать против нее, значит опьянять себя звуком слов.

Характерным подтверждением сказанного является тот факт, что например в ЦК нашей партии большинство виднейших противников сепаратного мира голосовало против революционной войны, голосовало против и в январе, и в феврале. Что значит этот факт? Он значит, что невозможность революционной войны общепризнана всеми, не боявшимися глядеть правде в лицо.

Том XV, стр. 100—102, 21 февраля 1918 г. «О революционной фразе». [58])

Критика доводов «левых коммунистов».

ОБ АНАЛОГИИ С ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Отговорка первая. Франция 1792 года страдала не меньшей разрухой, но революционная война все излечила, всех воодушевила, вызвала энтузиазм, все победила. Только не верящие в революцию, только оппортунисты могут при нашей более глубокой революции высказываться против революционной войны.

Сопоставим эту отговорку или этот довод с фактами. Факт тот, что во Франции конца XVIII века создалась сначала эконо-

мическая основа нового, высшего способа производства, и уже результатом, надстройкой явилась революционная армия. Франция раньше других стран скинула феодализм, смела его после нескольких лет победоносной революции, повела неуставший ни от какой войны, завоевавший свободу и землю, укрепленный устранением феодализма народ на войну против ряда экономически и политически отсталых народов.

Сопоставьте с этим фактом современную Россию. Неимоверная усталость от войны. Нового экономического строя, более высокого, чем организованный государственный капитализм превосходно оборудованной технически Германии, еще нет. Он только основывается. Наш крестьянин имеет лишь закон о социализации земли, но ни одного года свободной (от помещика и от мучений войны) работы. Наш рабочий начал сбрасывать капиталиста, но не мог еще успеть организовать производство, поставить продуктообмен, наладить снабжение хлебом, повысить производительность труда.

К этому мы пошли, на этот путь мы встали, но ясно, что нового, более высокого экономически строя еще нет.

Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран, — вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 гг. в военной области.

Мелко-крестьянская страна, голодная и измученная войной, только-только начавшая лечить ее раны, против технически и организационно высшей производительности труда, — вот объективное положение в начале 1918 г.

Вот почему всяческие воспоминания 1792 г. и т. п. — одна революционная фраза. Повторяют лозунги, слова, боевые клики, а анализа объективной действительности боятся.

Том XV, стр. 102—103. «О революционной фразе».[59])

О ССЫЛКЕ НА РАСТУЩУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В ГЕРМАНИИ.

Отговорка вторая. Германия «не сможет наступать», не позволит ее растущая революция.

Что германцы «не смогут наступать», этот довод миллионы раз повторялся в январе и начале февраля 1918 года противниками сепаратного мира. Самые осторожные из них определяли — примерно, конечно — вероятность того, что немцы не смогут наступать, в 25—33%. Факты опровергли эти расчеты. Противники сепаратного мира очень часто и тут отмахиваются от фактов, боясь их железной логики.

В чем был источник ошибки, которую революционеры настоящие (а не революционеры чувства) должны уметь признать и продумать?

В том ли, что вообще мы маневрировали и агитировали в связи с переговорами о мире? Нет. Не в этом. Маневрировать и агитировать надо было. Но надо было также определить «свое время» как для маневров и агитации, — пока можно было маневрировать и агитировать, — так и для прекращения всяких маневров к моменту, когда вопрос стал ребром.

Источник ошибки был в том, что наше отношение революционного сотрудничества с германскими революционными рабочими было превращено в фразу. Мы помогали германским революционным рабочим и продолжаем помогать им всем, чем могли: братанием, агитацией, публикацией тайных договоров и пр. Это была помощь делом, деловая помощь.

Заявление же некоторых из наших товарищей: «германцы не смогут наступать» было фразой. Мы только что пережили революцию у себя. Мы знаем отлично, почему в России революции было легче начаться, чем в Европе. Мы видели, что мы не могли помешать наступлению русского империализма в июне 1917 г., хотя мы имели уже революцию не только начавшуюся, не только свергшую монархию, но и создавшую повсюду советы. Мы видели, мы знали, мы разъясняли рабочим: войны ведут правительства. Чтобы прекратить войну буржуазную, надо свергнуть буржуазное правительство.

Заявление: «германцы не смогут наступать» равнялось по этому заявлению: «мы знаем, что правительство Германии в ближайшие недели будут свергнуто».

На деле мы этого не знали и знать не могли, и потому заявление было фразой.

Одно дело — быть убежденным в созревании германской революции и оказывать серьезную помощь этому созреванию, посильно служить работой, агитацией, братанием, — чем хотите, только работой этому созреванию. В этом состоит революционный пролетарский интернационализм.

Другое дело — заявлять прямо или косвенно, открыто или прикрыто, что немецкая революция уже созрела (хотя это заведомо не так), и основывать на этом свою тактику. Тут нет ни грани революционности, тут одно фразерство.

Вот в чем источник ошибки, состоявшей в «гордом, ярком, эффектном, звонком» утверждении: «германцы не смогут наступать».

Том XV, стр. 103—104. «О революционной фразе».[59])

О ССЫЛКЕ НА НЕОБХОДИМОСТЬ ПОМОЧЬ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Не более, как вариантом той же фразистой бессмыслицы является утверждение: «мы помогаем германской революции,

сопротивляясь германскому империализму, мы приближаем этим победу Либкнехта над Вильгельмом».

Конечно, победа Либкнехта — возможная и неизбежная тогда, когда германская революция созреет и назреет — избавит нас от всех международных трудностей, избавит и от революционной войны. Победа Либкнехта избавит нас от последствий любой нашей глупости. Неужели это оправдание — глупости?

Всякое ли «сопротивление» германскому империализму помогает германской революции? Кто захочет немного подумать или хотя бы припомнить историю революционного движения в России, легко увидит, что только целесообразное сопротивление реакции служит революции. Мы знаем и видели за полвека революционного движения в России массу примеров нецелесообразного сопротивления реакции. Мы, марксисты, гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок, оно есть авантюра; очень часто мы осуждали, как нецелесообразные и вредные с точки зрения революции, самые героические формы индивидуального сопротивления. В 1907 г. мы, на основании горького опыта, отвергли, как нецелесообразное, сопротивление участию в 3-й Думе и т. д. и т. п.

Чтобы помогать немецкой революции, надо либо ограничиться пропагандой, агитацией, братанием, пока нет сил для твердого, серьезного решительного удара в открытом военном или повстанческом столкновении, или итти на такое столкновение, зная, что не поможешь этим врагу.

Ясно для всех (кроме разве совсем опьяненных фразой), что итти на серьезное повстанческое или военное столкновение заведомо без сил, заведомо без армии есть авантюра, не помогающая германским рабочим, а затрудняющая их борьбу, облегчающая дело их врагов и нашего врага.

Том XV, стр. 104—105. «О революционной фразе».[59])

НЕПОНИМАНИЕ ОТЛИЧИЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ В ЯНВАРЕ 1918 Г. ОТ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В ОКТЯБРЕ 1917 Г.

Тут еще является отговорка, которая так детски смешна, что я никогда бы не поверил в возможность такого аргумента, если бы не слышал его собственными ушами.

«Ведь вот и в октябре нам говорили оппортунисты, что у нас нет сил, нет войска, нет пулеметов, нет техники, а все это явилось в борьбе, когда началась борьба класса против класса. Явится все это и в борьбе пролетариата России против класса капиталистов Германии, явится на помощь нам немецкий пролетарий».

В октябре было дело так, что мы точно учли именно массовые силы. Мы не только думали, мы твердо знали, на основании опыта массовых выборов в советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве уже перешли на нашу сторону. Мы знали хотя бы из голосований на Демократическом совещании, что и в крестьянстве коалиция провалена, значит наше дело уже выиграло.

Таковы были объективные предпосылки октябрьской повстанческой борьбы:

1) над солдатами уже нет палки: ее сверг февраль 1917 г. (Германия еще не дозрела до «своего» февраля);

2) солдаты уже пережили и закончили, как и рабочие, отход свой, сознательный, продуманный, прочувствованный, от коалиции.

Из этого, только из этого вытекла правильность лозунга «за восстание» в октябре (этот лозунг был бы неверен в июле, когда мы его и не поставили).

Не в том ошибка оппортунистов октября, что они «заботились» об объективных предпосылках (только дети могут так думать), а в том, что они факты оценили неверно, брали мелочи, не видя главного: поворота советов от соглашательства к нам.

Сравнивать военное столкновение с Германией (которая не пережила еще ни «своего» февраля, ни своего «июля», не говоря об октябре), с Германией монархического буржуазно-империалистского правительства и повстанческую борьбу в октябре против врагов советов, — советов, зревших с февраля 1917 г. и созревших вполне в сентябре и октябре, — есть такое ребячество, что на него надо только пальцем указать. Вот до каких нелепостей доводит людей фраза.

Том XV, стр. 105—106. «О революционной фразе».[59])

ВОЙНА ПРОТИВ ГЕРМАНИИ БЫЛА БЫ ВЫГОДНА АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗИИ.

Отговорка последняя и самая «бойкая», самая ходкая: «Похабный мир есть позор, предательство Латвии, Польши, Курляндии, Литвы».

Удивительно ли, что именно буржуа русские (и их прихвостни — новолучисты, делонародовцы, новожизненцы) всего усерднее разрабатывают этот якобы-интернационалистский довод?

Нет, неудивительно, ибо этот довод есть западня, в которую буржуазия тащит русских большевиков сознательно, а часть большевиков попадается бессознательно, из-за любви к фразе.

Теоретически рассмотрим этот довод: что выше — право наций на самоопределение или социализм?

Социализм выше.

Позволительно из-за нарушения права наций на самоопределение отдавать на съедение Советскую социалистическую республику, подставлять ее под удары империализма в момент, когда империализм заведомо сильнее, Советская республика заведомо слабее?

Нет. Не позволительно. Это не социалистическая, это буржуазная политика.

Далее. Был ли бы мир на условии возврата «нам» Польши, Литвы, Курляндии менее позорным, менее аннексионистским миром?

С точки зрения русского буржуа, да.

С точки зрения социалиста-интернационалиста, нет.

Ибо, освободив Польшу (чего хотели одно время некоторые буржуа в Германии), германский империализм еще сильнее душил бы Сербию, Бельгию и проч.

Что русская буржуазия вопит против «похабного» мира, это — правильное выражение ее классового интереса.

Взгляните на факты относительно поведения англо-французской буржуазии. Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы (в кредит... это не «кабала», не бойтесь! это «только» кредит!»). Она хочет, чтобы мы теперь воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому, что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати советская власть полетит... Воюйте, любезные «союзные» большевики, мы вам поможем!

Том XV, стр. 107—108. «О революционной фразе».[59])

ЛУЧШЕ АРХИНЕВЫГОДНЫЙ МИР, ЧЕМ ГИБЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Отговорка иного вида: «Но Германия задушит нас экономическим договором по сепаратному миру, отнимет уголь, хлеб, закабалит нас».

Премудрый довод: надо итти на военное столкновение, без армии, хотя это столкновение явно несет не только кабалу, но и удушение, отнятие хлеба, без всяких эквивалентов, положение Сербии и Бельгии, — надо итти на это, ибо иначе будет невыгод-

ный договор, Германия возьмет с нас 6 или 12 миллиардов дани в рассрочку, хлеба за машины и проч.

О, герои революционной фразы! Отвергая «кабалу» у империализма, они скромно умалчивают о том, что для полного избавления от кабалы надо свергнуть империализм.

Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что теперь мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его обязательно принять в интересах социалистической революции, которая еще слаба (ибо к нам, русским, еще не пришла на помощь зреющая революция в Германии). Только при полной невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться — не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора. При такой невозможности не будет и возможности спора о той или иной тактике. Будет только неизбежность самого ожесточенного сопротивления. Но пока выбор есть, надо выбирать сепаратный мир и архиневыгодный договор, ибо это все же во сто раз лучше положения Бельгии.

Мы крепнем с каждым месяцем, хотя мы еще слабы теперь. Международная социалистическая революция в Европе зреет с каждым месяцем, хотя она не назрела еще теперь. Поэтому... поэтому, рассуждают «революционеры» (уноси ты мое горе...), надо принимать бой тогда, когда заведомо сильнее нас империализм Германии, слабеющий с каждым месяцем (в силу медленного, но неуклонного назревания революции в Германии).

Великолепно рассуждают «революционеры» чувства, превосходно рассуждают.

Том XV, стр. 106—107. «О революционной фразе». [59])

I. Товарищи, условия, которые предложили нам представители германского империализма, неслыханно тяжелы, безмерно угнетательские, условия хищнические. Германские империалисты, пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь. И при таком положении мне приходится, чтобы не скрывать от вас горькой правды, которая является моим глубоким убеждением, сказать вам, что иного выхода, как подписать эти условия, у нас нет. И что всякое иное предложение является накликанием либо вольным, либо невольным еще худших зол и полного дальнейшего (если тут можно говорить о степенях) подчинения Советской республики, порабощения ее германскому империализму, либо это является печальной попыткой отговориться словами от грозной, безмерно-тяжелой, но несомненной, действительности. Товарищи, вы прекрасно знаете все, а многие из вас и по лич-

ному опыту, что на Россию свалилась тяжесть империалистской войны, по причинам всем понятным, неоспоримым, более грозная и тяжелая, чем на другие страны; вы знаете поэтому, что наша армия так истерзана, измучена была войной, как никакая другая; что все те клеветы, которые бросали на нас буржуазная печать и партии, им помогавшие или враждебные советской власти, будто бы большевики разлагали войска — является вздором. Я напомню вам еще раз ту прокламацию, которую Крыленко, когда он еще был прапорщиком при Керенском, разослал войскам, уезжая в Петроград, и которая была перепечатана в «Правде» и в которой он говорил следующее: никаких бунтов, мы к этому не зовем, мы зовем вас к организованным политическим действиям, стремитесь держаться как можно организованнее. Вот какова была пропаганда одного из самых горячих и близких к армии представителей большевиков. Все, что можно было сделать для того, чтобы удержать эту неслыханно, неизмеримо уставшую армию, все, что возможно было сделать для того, чтобы сделать ее сильнее, было сделано. И если теперь мы видим, как при полном воздержании моем, напр., в течение последнего месяца от изложения моего взгляда, который мог показаться пессимистическим, если мы видели, что по отношению к армии мы говорили в течение последнего месяца все, что можно было сказать, и делали все, что можно было сделать, чтобы облегчить положение, действительность показала нам, что воевать после 3 лет войны наша армия ни в коем случае не может и не хочет. Вот основная причина, простая, очевидная, в высшей степени горькая и тяжелая, но совершенно ясная, что, живя рядом с хищником-империалистом, мы вынуждены подписать условия мира, когда он ставит нам колено на грудь. Вот почему я говорю в полном сознании, какую ответственность я беру на себя, и повторяю, что от этой ответственности ни один представитель советской власти не имеет права уклониться. Конечно, приятно и легко бывает говорить рабочим, крестьянам и солдатам, приятно и легко бывало наблюдать, как после Октябрьского переворота революция шла вперед, а когда приходится признавать горькую, тяжелую, несомненную истину — невозможности революционной войны, — теперь от этой ответственности уклоняться непозволительно, и надо взять это на себя прямо. Я считаю себя обязанным, считаю необходимым выполнить свой долг и прямо сказать то, что есть, и поэтому я убежден, что трудящийся класс России, который знает, что такое война, чего она трудящимся стоила, до какой степени изнурения и истощения она их довела, в этом я не сомневаюсь ни секунды, они с нами вместе сознают всю неслыханную тяжесть, грубость, гнусность этих условий мира и, тем не менее, оправдывают наше поведение. Они скажут: вы

должны были, вы взялись предложить условия мира немедленного и справедливого, вы должны были использовать все, что возможно было для отсрочки мира, чтобы посмотреть, не примкнут ли другие страны, не придет ли на помощь к нам европейский пролетариат, без помощи которого нам прочной социалистической победы добиться нельзя. Мы сделали все, что возможно, для того, чтобы затянуть переговоры, мы сделали даже больше, чем возможно, мы сделали то, что после Брестских переговоров объявили состояние войны прекращенным, уверенные, как были уверены многие из нас, что состояние Германии не позволит ей зверского и дикого наступления на Россию. На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение и поражению надо уметь смотреть в лицо, а революция шла до сих пор по линии восходящей от победы к победе; она теперь понесла тяжелое поражение. Германское рабочее движение, начавшееся так быстро, оказалось прервано на время. Мы знаем, что основные причины этого не устранены и что они разрастаются и будут неминуемо шириться, потому что затягивается мучительная война, потому что зверство империализма обнажается все глубже и наглее, раскрывая глаза наиболее чуждым, казалось бы, политики или неспособным понять социалистическую политику массам. Вот почему сложилось то отчаянное, трагическое положение, которое заставляет нас сейчас принять мир и заставить трудящиеся массы сказать: да, они поступили правильно, они сделали все, что могли, чтобы предложить мир справедливый и оттянуть его заключение, они должны были подчиниться миру, самому угнетательскому и несчастному, потому что иного выхода у страны нет. Их положение таково, что они вынуждены давать бой не на живот, а на-смерть Советской республике; если теперь не продолжают своих замыслов итти на Петроград и Москву, то потому только, что они связаны кровопролитной и грабительской войной с Англией, что есть еще внутренний кризис. Когда мне указывают на то, что немецкие империалисты могут завтра, послезавтра представить еще худшие условия, то я говорю, что надо быть к этому готовыми; естественно, что, живя рядом со зверскими хищниками, Советская республика должна ждать нападения. Если теперь мы не можем ответить войной, то потому, что нет сил, потому, что и воевать можно только с народом. Если успехи революции заставляют многих из товарищей говорить противное, то это не есть массовое явление, это не есть выражение воли и мнения настоящих масс; если вы пойдете к настоящему трудящемуся классу, к рабочим и крестьянам, то вы увидите и услышите один ответ, что мы не можем вести войну ни в коем случае, нет физических сил, мы захлебнулись в крови, как говорил один из солдат. Эти массы поймут нас и оправдают, когда

мы подписали этот вынужденный и неслыханно тягостный мир. Может быть, отдых для подъема масс займет не мало времени, но те, которым приходится переживать долгие годы революционных битв в эпоху подъема революции и эпоху, когда революция падала в пропасть, когда революционные призывы к массам не находили у них отклика, знают, что все же революция всегда поднималась вновь; поэтому мы говорим: да, сейчас массы не в состоянии вести войну, сейчас каждый представитель советской власти обязан сказать всю горькую правду в лицо народу, пройдет время неслыханной тяготы и 3-летней войны и отчаянной разрухи царизма, и народ увидит в себе силу и возможность дать отпор. Перед нами стоит сейчас угнетатель; на угнетение лучше всего, конечно, ответить революционной войной, восстанием, но, к сожалению, история показала, что на угнетение не всегда можно отвечать восстанием; но отказ от восстания не означает еще отказа от революции; не поддавайтесь провокации, которая исходит из буржуазных газет, противников советской власти; да, у них нет иного слова, как «похабный мир», и криков «позор!» по поводу этого мира, а на самом деле эта буржуазия встречает с восторгом немецких завоевателей. Они говорят: «вот немцы, наконец, придут и дадут нам порядок», вот, чего они хотят, и травят криками «похабный мир, позорный мир». Они хотят, чтобы советская власть дала бой, неслыханный бой, зная, что у нас сил нет, и тащат в полное порабощение к немецким империалистам, чтобы устроить сделку с немецкими полицейскими, но они выражают только свои классовые интересы, потому, что знают, что крепнет советская власть. Эти голоса, эти крики против мира — лучшее доказательство в моих глазах того, что отрекающиеся от этого мира не только тешили себя непоправимыми иллюзиями, поддавались на провокацию. Нет, надо смотреть губительной истине прямо в лицо: перед нами угнетатель, поставивший колено на грудь, и мы будем бороться всеми средствами революционной борьбы. Но сейчас мы находимся в отчаянно трудном положении, наш союзник не может поспешить на помощь, международный пролетариат не может прийти сейчас, но он придет. Это революционное движение, не имеющее сейчас возможности дать военный отпор неприятелю, поднимается и этот отпор даст позже, но даст его.

Том XX, ч. II, стр. 215—218. Речь на заседании Центрального Исполнительного Комитета 23 февраля 1918 г. [60])

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА РАДИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАЗЫ — ИЛИ МИР С ИМПЕРИАЛИСТАМИ РАДИ СОХРАНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?

(В. Ленин приводит «объяснительный текст» к резолюции Московского областного бюро):

«Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, при чем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы попрежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России».

Подчеркнуты здесь нами те слова, которые... странны и чудовищны.

В этих словах — гвоздь.

Эти слова доводят до абсурда всю линию авторов резолюции. Эти слова с необычайной ясностью вскрывают корень их ошибки.

«В интересах международной революции целесообразно итти на возможность утраты советской власти»... Это странно, ибо нет даже связи между посылками и выводом. «В интересах международной революции целесообразно итти на военное поражение советской власти» — такой тезис был бы верен или неверен, но его нельзя было бы назвать странным. Это — первое.

Второе: советская власть «становится теперь чисто формальной». Вот это уже не только странно, но прямо чудовищно. Ясно, что авторы зашли в дебри сугубой путаницы. Приходится распутывать.

По первому вопросу мысль авторов состоит, очевидно, в том, что в интересах международной революции целесообразно итти на возможность поражения в войне, которое ведет к утрате советской власти, т.-е. к победе буржуазии в России. Высказывая эту мысль, авторы косвенно признают правильность высказанного мной в тезисах (от 8 января 1918 г., напечат. в «Правде», от 24 февраля 1918 г.), именно, что непринятие условий мира, предложенного Германией, приведет Россию к поражению и к свержению советской власти.

Итак, la raison finit toujours par avoir raison — правда всегда берет верх! Мои «крайние» противники, москвичи, грозящие расколом, должны были — именно потому, что они открыто договорились до раскола — договорить также до конца свои конкретные соображения, те самые, которые предпочитают обходить люди, отделывающиеся общими фразами о револю-

ционной войне. Вся суть моих тезисов и моих доводов (как увидит всякий, кто пожелает внимательно прочесть мои тезисы от 8 января 1918 г.) состоит в указании на необходимость принять архитяжкий мир сейчас, в данную минуту, при одновременной серьезной подготовке революционной войны (а также именно в интересах этой серьезной подготовки). Всю суть моих доводов обходили или не замечали, не хотели замечать те, кто ограничивался общими фразами о революционной войне. И вот теперь я должен от всей души поблагодарить именно моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они сорвали «заговор молчания» по поводу сути моих доводов. Москвичи первые ответили на них.

И каков же был их ответ?

Ответ состоял в признании правильности моего конкретного довода: да, признались москвичи, нам, действительно, предстоит поражение, если мы сейчас примем бой с немцами [1]. Да, это поражение действительно приведет к падению советской власти.

Еще и еще раз: от всей души благодарю моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они разорвали «заговор молчания» против сути моих доводов, т.-е. именно против моего конкретного указания на условия войны, в случае, если мы ее примем тотчас, и за то, что они безбоязненно признали правильность моего конкретного указания.

Далее. В чем же состоит опровержение моих доводов, правильность которых по существу москвичи вынуждены были признать?

В том, что в интересах международной революции надо итти на утрату советской власти.

Почему этого требуют интересы международной революции? Здесь гвоздь, здесь самая суть аргументации для тех, кто хотел бы опровергнуть мои доводы. И как раз по этому, самому важному, основному, коренному пункту ни в резолюции, ни в объяснительном тексте не сказано ни одного словечка. О том, что общеизвестно и бесспорно, составители резолюции нашли время и место поговорить — и о «беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России» (средствами и приемами такой политики, которая ведет к утрате советской власти?), и о борьбе против всех умеренных оппортунистических элементов

[1] На контр-возражение, что уклониться от боя было все равно нельзя, ответ дан фактами: 8 января мои тезисы прочтены; к 15 января мы могли иметь мир. Передышка была бы обеспечена наверняка (а для нас и самая краткая передышка имела гигантское значение, как материальное, так и моральное, ибо немец должен был бы объявить новую войну), если бы... если не революционная фраза. (Примечание В. Ленина).

партии, а о том, что как раз является спорным, о том, что касается как раз существа позиции противников мира, — ни звука!

Странно. Чрезвычайно странно. Не потому ли умолчали об этом авторы резолюции, что они чувствовали по этому пункту свою особую слабость? Ясно высказать, почему (этого требуют интересы международной революции), значило бы, пожалуй, разоблачить себя...

Как бы там ни было, приходится нам искать тех доводов, которыми могли руководствоваться авторы резолюции.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами? Такое мнение было высказано некоторыми противниками мира на одном питерском совещании, но поддержало его ничтожное меньшинство тех, кто возражал против сепаратного мира. Ясно, что это мнение ведет к отрицанию целесообразности брестских переговоров и к отрицанию мира «даже» на условии возврата Польши, Латвии и Курляндии. Неверность подобных взглядов (отвергаемых большинством, например, из питерских противников мира) бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революцией развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, помешала этой революции, но форму помощи избрала соответственно своим силам. Помогать социалистической революции в международном масштабе, идя на возможность поражения этой революции в данной стране, — такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает.

Может быть, авторы резолюции полагают, что революция в Германии уже началась, что там она достигла уже открытой общенациональной гражданской войны, что потому мы должны отдать свои силы на помощь немецким рабочим, должны погибнуть сами («утрата советской власти»), спасая немецкую революцию, которая начала уже свой решительный бой и попала под тяжелые удары? С этой точки зрения, мы, погибая, отвлекли бы

часть сил германской контр-революции, и этим спасли бы германскую революцию.

Вполне допустимо, что при таких предпосылках не только «целесообразно» (как выразились авторы резолюции), но и прямо о б я з а т е л ь н о было бы итти на возможность поражения и на возможность утраты советской власти. Но ясно, что эти предпосылки налицо не имеются. Германская революция зреет, но заведомо не дошла еще до взрыва ее в Германии, до гражданской войны в Германии. Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а помогли, «идя на возможность утраты советской власти». Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 г.

Как ни верти, логики в рассуждениях автора не найти. Разумных доводов за то, что в «интересах международной революции целесообразно итти на возможность утраты советской власти», нет.

«Советская власть становится теперь чисто формальной» — вот то чудовищное положение, до которого договорились, как мы видели авторы московской резолюции.

Раз, дескать, германские империалисты будут брать с нас дань, раз они будут запрещать нам пропаганду и агитацию против Германии, то и советская власть теряет значение, «становится чисто формальной», таков, вероятно, ход «мысли» авторов резолюции. Говорила: «вероятно», ибо ничего ясного и точного в подкрепление рассматриваемого тезиса авторы не дали.

Настроение глубочайшего, безвыходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты советской власти. Все равно, спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть, — таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы «экономические» доводы, в которые иногда облекают подобные мысли, сводятся к тому же безысходному пессимизму: где уже, дескать, тут Советская республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно — погибать!..

... Нет, дорогие товарищи из «крайних» москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть, скажут они, не с т а н о в и т с я и не с т а н е т чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда

неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов.

Никогда никакое иностранное завоевание не сделает «чисто формальным» народное политическое учреждение (а советская власть не только политическое учреждение, во много раз более высокое, чем виданные когда-либо историей). Напротив, иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если... если она не пойдет на авантюры.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ.

Подписание неизмеримо более тяжкого и позорного мира, чем Брестский, бывало в истории (примеры указаны выше) и не вело к потере престижа власти, не делало ее формальной, не губило ни власти, ни народа, а закаляло народ, *учило* народ тяжелой и трудной науке готовить серьезную армию даже при отчаянно трудном положении под пятой сапога завоевателя.

Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочнение советской власти. Возможно, что иная эпоха, — как была эпоха наполеоновских войн, — будет эпохой освободительных *войн* (именно войн, а не одной войны), навязываемых завоевателями советской России. Это возможно.

И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне *серьезно*. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе.

Том XV, стр. 109—116, 28 февраля 1918 г. «Странное и чудовищное». [61])

Сущность разногласий с «левыми коммунистами». ..

УСПЕХИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ.

Гражданская война стала фактом. Стало фактом то, что мы предсказывали в начале революции и даже в начале войны, на что отвечали тогда в значительной части социалистических кругов с недоверием или даже с насмешкой, а именно, превращение империалистской войны в войну гражданскую. Эта война с 25 октября 1917 года для одной из самых больших, из самых отсталых стран, участвовавших в войне, стала фактом. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они появлялись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, а соглашательские элементы оказались лишенными всякой экономической опоры в среде населения. Война с ними неизбежно завершалась переходом широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, на сторону большевиков. Это мы видели в Питере на гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались; это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России пробежала волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел; потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги советской власти стали неизбежными потому, что их практически проверили массы долгим историческим опытом.

Том XV, стр. 123—124. Доклад по вопросу о Брестском мире. Засед. 8/III 1918 г. [62])

Сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться . . .

. . . Очень многие из наших молодых друзей, считавших себя левыми, стали забывать самое важное, а именно то обстоятельство, почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после Октября мы получили возможность такого легкого перехода от триумфа к триумфу. Между тем это было легко только потому, что специально сложившаяся международная империалистическая атмосфера временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. Отдельным же империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного империализма оказалась к этому времени разделенной междуусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, которая дошла до невероятных пределов, до мертвой схватки, попали в такое положение, что ни одна из борющихся групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре, наша революция случилась как раз, — это парадоксально, но справедливо, — в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виде уничтожения миллионов людей; на четвертом году войны, когда она измучила народ неслыханными бедствиями; когда воюющие

страны подошли к тупику, к распутью; когда стал объективный вопрос , смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы. Только благодаря тому, что наша революция произошла в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно ни броситься друг на друга, ни соединиться против нас. Только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать свое блестящее триумфальное шествие по Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии интеллигенты, сверх-человеки из партийных работников, которые, дав себя увлечь этим триумфальным шествием, сказали: «С международным империализмом мы справимся, там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет».

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 124—127. [62])

ЛЕВЫЕ НЕ ХОТЯТ ПОНЯТЬ ТРУДНОСТЕЙ НОВОГО ЭТАПА.

От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами, как это ни приятно было бы, конечно, нельзя, ибо мы имеем в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать никоим образом нельзя, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к большевикам, которые не стеснялись говорить правду, состоявшую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние создало гигантский кризис. Страна мелко-крестьянская в своем составе, дезорганизованная войной до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение. У нас армии нет, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который все еще остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять нельзя. Лежит смирно домашний зверь рядом с тигром и убеждает его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций! Последнее может быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки наших пар-

тий, интеллигенция и часть рабочих организаций попытались отделаться прежде всего фразами и отговорками. Этот мир был слишком невероятен, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с открытыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы должны были уступить, приняв унизительные условия. Никогда! Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать!».

Это было первой отговоркой, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение: приходится при помощи неслыханно трудной организационной работы пройти через ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце концов, — в конце концов, а не в начале начал, — какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам не были бы суждены, международная социалистическая революция придет, ибо она уже идет; дозреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всеевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, — то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка — шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это мы слышали и набили на этом оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы откинули, потому что, как несомненно, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяками является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец, дозреет, — совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение, и могу делать какие угодно глупости».

«Либкнехт выручит, потому что он все равно победит!». Он нас выручит потому, что мы знаем, что он победит. Он даст

такую великолепную организацию, так что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение Западной Европы, благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев тогда, когда на его победу требовались десятки лет на Западе.

Итак, совершенно никчемная авантюра, перенесения в новый исторический период старого метода решения вопросов борьбы триумфальным шествием, ибо новый период поставил перед нами не гнилушки Керенского и Корнилова, а преподнес могучего международного хищника, ибо на Западе революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было решение вопроса, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что оно может раздробиться сейчас. Нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Они не хотят понять, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, хотя нисколько не забывали, что рядом с нашим мирным домашним зверем лежит тигр. Односторонним приказом втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 128—130. [62])

ВОПРОС ОБ АРМИИ.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация не были против этой демобилизации? Что же, мы совершенно с ума сошли? Абсолютно нисколько. Офицеры небольшевики говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее даже на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт неприглядной действительности, а не прятаться за гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно было сделать, — скорее демобилизовать ее. Эта больная часть организма, которая с неслыханными мучениями терпела лишения войны, на которую пошла технически-неподготовленной, вышла из нее в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, которые вынесли эти неслыханные страдания. Мы в сотнях резолюций с полной откровенностью даже в течение первого периода русской революции говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы

воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать, можно было проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность все же прокладывала себе дорогу.

Армия — теперь больная часть русского государственного организма, которая не может вынести тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста, принимали решение, с точки зрения внешних событий нелепое, — демобилизовать армию. Это был шаг правильный.

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 130—131. [62])

МЫ ВСЕ С 25 ОКТЯБРЯ СТАЛИ ОБОРОНЦАМИ.

Мы говорили, что надежда удержать армию — легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать ее, тем скорее начнется оздоровление всего организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни война, ни подписание мира». Но если немец наступит? «Нет, он не может наступать!» А вы имеете право ставить на карту даже не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том, не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Мы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, ибо мы все с 25 Октября стали оборонцами, признающими защиту отечества, мы все знаем, что порвали с империалистами, не на словах, а на деле разорвали тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир так, что народы могли увидеть на деле наши намерения! Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской республики, могли итти на эту авантюру, которая принесла теперь свои плоды?

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 131. [62])

НАДО СЧИТАТЬСЯ С ТЕМПОМ РОСТА ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Вы говорите, что немец не может наступать? Из вашей тактики вытекало то, что можно объявить состояние войны прекращенным? Но вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хочется, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно; не таким

темпом, который наша история выработала в Октябре, когда мы приходили в любой город и провозглашали Советскую власть и девять десятых рабочих примыкают к нам. Немецкая революция имеет несчастье итти не так быстро. Кто же с кем должен считаться? Мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это — урок, потому что абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или в других далеких местах, куда нам предстоит отступать, до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петербурга до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, мы погибнем. Тем не менее, это ни капли не колеблет нашей обязанности суметь вынести самое трудное положение без фанфаронства.

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 132. [62])

НАДО УМЕТЬ ЛАВИРОВАТЬ, ОТСТУПАТЬ, ВЫЖИДАТЬ.

В тот момент, когда мы имеем прочную позицию в России и не имеем сил для борьбы против международного империализма, наша задача и наша тактика одна: она определяется, как тактика лавирования, выжидания и отступления. Я очень хорошо знаю, что эти слова на популярность претендовать не могут, что если их соответствующим образом вывернуть и ставить в связь со словом «коалиция», то тут для пикантных сопоставлений, для всевозможных попреков и всякого зубоскальства открыта самая широкая дорога; но, сколько бы наши противники — буржуа — справа и наши вчерашние друзья слева — левые с.-ры — и наши, я уверен, вчерашние, сегодняшние и завтрашние друзья — левые коммунисты, — сколько бы на это они ни направляли стрел своего остроумия и какие бы доказательства разумности своих мелко-буржуазных шатаний ни приводили (потому что фактов опровергать они не могут), — это будет совершенно бесполезно, ибо нас подтвердили события. Мы получили передышку только потому, что на западе империалистская бойня все еще продолжается, а на Дальнем Востоке империалистское соревнование разгорается все шире; только этим и объясняется существование Советской Республики... Мы не забыли основного марксистского урока, который так наглядно подтвердила русская революция: надо учитывать силы в десятки миллионов, меньшие в политике не считаются, меньшие политика отбрасывает, как величину, не имеющую никакого значения. Если с этой стороны взглянуть на международную революцию, — дело станет яснее ясного: отсталая страна может скорее восстать, потому что гнил ее противник, не-

организована ее буржуазия, но, чтобы продолжать революцию, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки. В Западной Европе это будет иначе, там неизмеримо труднее начать, но там неизмеримо легче будет итти дальше. Это и не может быть иначе, потому что там организованность и сплоченность пролетариата неизмеримо более велики. А пока мы одиноки, мы, учитывая силы, должны сказать себе: пока не вспыхнула европейская революция, которая от всех трудностей нас избавит, у нас один шанс на дальнейшее существование: продолжение борьбы международных гигантов-империалистов. Этот шанс мы учли правильно, заключая мир. Он может лопнуть завтра же. Пока же он сохраняется, мы в нашей внешней политике должны продолжать тактику, начатую в марте, формулируемую словами: лавировать, отступать, выжидать. Когда в устах «левых» коммунистов раздаются слова: «активная внешняя политика», когда берут выражение «защита социалистического отечества» в кавычки, как долженствующее быть ироническим, тогда я говорю себе: эти люди ровно ничего не поняли в положении западного пролетариата; они сбиваются на точку зрения мелкой колеблющейся буржуазии, которая в революции видит обеспечение своеобразного порядка. Соотношения международные говорят яснее ясного: тот русский, который вздумал бы, исходя только из русских сил, ставить задачу свержения международного империализма, был бы человеком, сошедшим с ума. А пока на Западе революция зреет, и теперь зреет быстрее, чем вчера, наша задача только такова: мы, являющиеся отрядом, оказавшимся впереди вопреки нашей слабости, должны все делать, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях. Все остальные соображения должны подчиниться этому одному: использовать полностью обусловливающий наше существование шанс, чтобы во всякий момент, когда международный империализм объединится против нас, мы смогли отдалить удар на несколько недель...

...И мы говорим: лучше пережить и претерпеть, перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тяготы, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, оказавшемуся в силу событий одиноким и вынужденным переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет к нему на помощь. И она идет к нам на помощь! Медленно, но идет! И та война, которая на Западе теперь разыгрывается, революционизирует массы больше, чем прежде, и приближается час восстания.

Том XV, стр. 232—234. «Доклад об очередных задачах Советской власти» в заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. [65])

Какая тактика обязательна для всякого, кто не хочет быть орудием империалистской провокации и лезть в западню, в данный момент? На этот вопрос всякий политик должен дать ясный, прямой ответ. Ответ нашей партии известен: в данный момент отступать, избегать боя. Наши «левые» не решаются сказать обратного и стреляют в воздух: «Решительная классовая международная политика»!

Это — обман масс. Хотите воевать сейчас, так говорите это прямо. Не хотите отступать сейчас, так говорите прямо. Иначе вы — орудие империалистской провокации, по вашей объективной роли.

Том XV, стр. 238, 5 мая 1918 г. «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности». [66])

Надо уметь отступать! Невероятно горькой действительности фразой не закрыть. Надо сказать: «Дай бог отступить в полупорядке». Мы в порядке отступить не можем; дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы большая часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров, он преодолеет болезнь. Нельзя требовать, чтобы он преодолел ее моментально, чтобы остановил бегущую армию... Мы и раньше это знали, и раньше нельзя было закрывать глаз на то, что разложение дошло там до неслыханных фактов, до продажи солдатами за гроши наших орудий немцам. Это мы знали, как знаем и то, что их нельзя удержать. И отговорка, что немец не станет наступать, была величайшей авантюрой! Нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить нельзя сразу. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет, потому что история сложилась так неприятно, что революция должна созреть в обеих странах одновременно.

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 134—135. [62])

«ЛЕВЫЕ» ОШИБКИ УХУДШИЛИ НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Наступил период тягчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая должна была демобилизовать армию. То, что я предсказывал, наступило целиком. Вместо Брестского мира мы получили мир гораздо более унизительный по вине тех, кто не брал его. Мы сидели в Бресте за столом рядом с Гофманом, а не с Либкнехтом. Этим мы тогда помогали немецкой революции, а теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали им свои миллионные богатства:

пушки, снаряды, продовольствие. Случилось то, что должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы, действительно, оказались добычей неприятеля в несколько дней. Получивши этот урок, мы наш раскол и кризис изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник, — всемирная революция. Когда нам говорят по вопросу о ратификации нового Тильзитского мира, неслыханного, более грабительского, чем Брестский, я отвечаю: — «Безусловно, да». Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения октябрьской и ноябрьской тактики, испробованной внутри одной нашей страны, тактики триумфального периода революции с помощью нашей фантазии на весь ход революции оказалась битой историей.

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 135—136. [62])

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ МИР ДАЛ НАМ ПЕРЕДЫШКУ.

Сейчас мы, подписавши мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, чем войной, потому что если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли потому, что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армии не могут и не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов, а между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединиться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будет лежать, пока народ не научится бороться и создавать армии, способные не бежать, а итти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась и нельзя ручаться, что она родится завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею...

Я предоставляю вам увлекаться международной революцией, потому что она все же наступит. Все придет в свое время, а те-

перь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие хоть один час в течение суток учились сражаться. Это немного потруднее, чем написать прекрасную сказку. Этим вы поможете немецкой и международной революции. Сколько нам дадут дней передышки, мы не знаем, но она дана. Надо скорей демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции...

Если я иду на мир, когда армия бежит и не может не бежать, не теряя тысячи людей, я беру его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий серьезный крестьянин и рабочий, потому что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История скажет, кто прав. На нее я ссылался не раз, такова история освобождения немцев от Наполеона. Я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что было там, когда немцам пришлось давать свои войска на помощь завоевателю для подчинения других народов. До этого история однажды уже доходила и дойдет вновь, если мы будем надеяться только на международную революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до такой формы военного рабства. А пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская Республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман — Наполеон ловил на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро. Последняя вспышка войны дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу, заставив его организовываться, дисциплинироваться, уметь подчиняться, создавать образцовую дисциплину. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы — погибший народ и вечно будем лежать распростертыми в рабстве.

Так и только так шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не унизительному. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более унизительному, а в Питере и в Москве на следующем этапе нам предпишут мир в четыре раза унизительнее. Мы не скажем, что советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья; мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: «Пусть русский народ найдет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все Тильзитские миры». История освободительных войн показывает

нам, что если эти войны захватывали широкие массы, — освобождение наступало быстро. Мы говорим, если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, перейдя вновь к войне, и это, может быть, предстоит на-днях. Каждый должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготовляют за Нарвой, — если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах, — не в Нарве, а под Нарвой, не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою растянувшуюся армию, чинят свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петербург. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал и он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнения. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в 20 раз, в 100 раз более унизительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, когда немец займет его; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха, ружей и проч., которые нужны для меня, потому что я оборонец, потому что я стою за подготовку армии, пусть в самом дальнем тылу, где можно лечить демобилизовавшуюся больную армию.

Мы не знаем, скоро ли это будет, будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а, может быть, несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать, потому что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на несколько фронтов. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что необходимо разбить Советскую Республику, а, с другой стороны, тем, что у него на целом ряде фронтов война, а, с третьей стороны, тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает и поэтому он не может сию минуту, как утверждают, взять Питер, взять Москву. Он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда фактически больна армия, когда мы пользуемся этим моментом во что бы то ни стало, хотя бы для одного дня передышки, всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, должен подымать ее для новой войны. Всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо он в интересах пролетарской революции и обновления России путем освобождения от больного органа стихийно демобилизующейся армии. Когда мы подписываем этот мир, а это понимает всякий здравомыслящий человек, мы не

прекращаем нашей рабочей революции, всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей борьбы. Мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными. Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву; пойдем и на это испытание; в ответ на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, который, может быть, возьмет много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир, потому что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, все почувствуют это. Но пока надо воздержаться. Этот лозунг нужно провести, в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда советов. Надо научиться работать на новом пути. Это неизмеримо тяжело, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет советской власти, если только глупейшей авантюрой мы сами не сорвали ее. Нет, когда народ скажет, что я не позволю больше мучить себя, тогда они должны заговорить о войне, и правы будут, когда заговорят. Мы сейчас не пойдем на авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унизительном договоре, который мы подписали на-днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Народы были связаны своей монархической организацией в 1807 г., когда подписали свой Тильзитский мир, после нескольких унизительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг один: учиться военному делу, дисциплинироваться, настоящим образом ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию и всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, которую вам дали хотя бы на час, чтобы поддержать контакт с дальним тылом и создавать там новые армии.

Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений. Она уже налицо. С ней надо уметь считаться для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев, — этого нечего прикрашивать, ибо это, действительно, Тильзитский мир.

Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражение, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим.

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 135—141. [62])

ОСНОВА ТАКТИКИ—ВЫИГРЫШ ВРЕМЕНИ.

Я вернусь к товарищу Радеку и здесь я хочу отметить, что ему удалось нечаянно сказать серьезную фразу. Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. Это почти философское рассуждение. На этот раз вышло так, что у тов. Радека получилась совершенно серьезная фраза, в которой вся суть: пространство, которое я предлагал фактическому победителю. Я хочу уступить пространство, чтобы выиграть время. В этом вся суть и только в этом. Все остальное только разговоры: необходимость революционной войны, подъем крестьянства и проч.

Том XV. Доклад по вопросу о Брестском мире, стр. 141—142. [62])

РЕЗОЛЮЦИЯ IV ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ О БРЕСТСКОМ МИРЕ.

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3 марта 1918 г.

Съезд признает правильным образ действий ВЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унизительный мир, в виду неимения нами армии и крайнего истощения сил народа, получавшего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его действиях, а корыстно-классовое использование их.

Съезд признает также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную очередную и необходимую задачу текущего момента: повышение деятельности и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, ведение беспощадной борьбы с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны, как наследие мучительнейшей войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества.

Теперь, после Октябрьского переворота, после свержения политической власти буржуазии в России, после разрыва и опубликования нами всех тайных империалистических договоров, после аннулирования иностранных займов, после предложения рабочим и крестьянским правительством справедливого мира всем без

изъятия народам, Россия, вырвавшись из тисков империалистической войны, вправе заявить, что она не участвует в ограблении и подавлении чужих стран.

Российская Советская Федеративная Республика, единодушно осуждая отныне все грабительские войны, признает свое право и свою обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав.

Съезд признает поэтому безусловным долгом трудящихся масс напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоего пола военным знаниям и военному делу.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что Советскою властью, которая стойко выполняла все обязанности международной солидарности рабочих всех стран в их борьбе против капитала за социализм, будет делаться и впредь все, что в наших силах, для содействия международному движению, для обеспечения и ускорения пути, ведущего человечество к избавлению от ига капитала и от наемного рабства к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами.

Съезд глубочайше убежден, что международная рабочая революция не за горами и что полная победа социалистического пролетариата обеспечена, несмотря на то, что империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения.

Том XV, стр. 183—184, 15 марта 1918 г. «Резолюция съезда о Брестском договоре» (IV Чрезвыч. съезд Советов).[64])

ИСТОРИЯ ПОДТВЕРДИЛА ПРАВИЛЬНОСТЬ ТАКТИКИ ПЕРЕДЫШКИ.

Передышка, полученная при подписании Брестского мира, о которой говорилось так много пустых и ненужных слов, якобы доказывающих ее невозможность, в действительности все-таки оказалась возможной — мы пользуемся ею в течение двух месяцев — и она дала свои результаты: дала возможность большинству русских солдат вернуться к себе домой, воспользоваться завоеваниями революции, воспользоваться землей, осмотреть и почерпнуть новые силы для новой предстоящей борьбы.

Мы должны держаться новой тактики выжидания, использования конфликтов и противоречий между империалистами, медленного накапливания сил и удержания оазиса советской власти среди бушующего империалистского моря.

Вот почему мы говорим себе, что если крайняя военная партия победит в какой-либо из империалистических коалиций и будет искать предлога к походу против нас, — мы ни в каком случае не облегчим ей этой задачи. Мы сделаем все немногое, что от нас зависит, на что способна дипломатия, чтобы оттянуть этот момент, мы сделаем все, чтобы та короткая непрочная передышка, которую мы получили в марте, стала более долгой, ибо мы твердо убеждены, что имеем за собой десятки миллионов рабочих и крестьян, черпающих с каждой неделей, с каждым месяцем в этой передышке новую силу и укрепляющих Советскую власть, которые закаляют в себе готовность итти на последний решительный бой, когда на Социалистическую Советскую Республику обрушится внешняя сила.

Мы — оборонцы после 25 октября 1917 г., мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры: мы их расторгли и обнаружили перед всем миром; мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — не национальные интересы, ибо для нас интересы мирового социализма выше интересов национальных, мы — оборонцы социалистического отечества.

Но для обороны нужна крепкая и твердая армия, нужен крепкий тыл и, в первую очередь, твердая постановка продовольственного дела. А для этого необходимо утвердить диктатуру пролетариата.

Взять центральную власть, это — первый ход; распространить власть советов во всех углах России, это — второй шаг, но и только. Нужно итти дальше, нужна настоящая пролетарская дисциплина, настоящая пролетарская диктатура, проведенная на деле, чтобы ни один кулак, ни один богач не посмел отказаться от исполнения наших декретов и знал, что всюду его найдет железная рука пролетариата.

Говоря о защите отечества, мы обязаны сделать все, чтобы отдалить момент войны, продлить передышку. Мы обещали рабочим и крестьянам сделать все для мира — и мы это сделаем. Пусть господа буржуа и их подголоски, думающие, что, совершив легкий переворот на Украине, они также смогут сделать его и у нас, народив новых Скоропадских, пусть не забывают они, что германская военная партия в Советской России встретит достаточное противодействие. Уже создается рабоче-крестьянская армия; она в усадьбах и деревнях, это — крестьянское население, вернувшееся к своей земле, вырванной у помещиков. Им есть что защищать, и, если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага, как один человек.

Том XV, стр. 287, 290, 291, 14 мая 1918 г. «О международном положении» (речь на заседании ВЦИК). [67])

Враги эти попрежнему приводят те же старые, избитые доводы о Брестском мире и о гражданской войне, точно за те месяцы, которые прошли со времени Брестского мира, события не показали убедительно правоту тех, которые говорили, что только тактика коммунистов даст народу мир и освободит его для работы по организации и сплочению, для подготовки новых и великих войн, имеющих наступить уже в другой обстановке. События показали полностью, что европейский пролетариат, который тогда еще не мог пойти на помощь, с каждым месяцем, без преувеличения можно сказать теперь, с каждым месяцем подходит к тому положению, при котором восстание сознается вполне и станет неизбежным. События показали вполне, что был лишь один выбор, который называется насильническим, грабительским миром.

Том XV, стр. 326, Заключительное слово на заседании ВЦИК от 4 июня 1918 г.[69])

Как до революции, так и теперь мы указываем, что, когда международный капитал бросает в порядок истории войну, когда гибнут сотни тысяч людей, когда война пересоздает нравы и приучает людей решать вопросы военной силой, в это время думать, что можно выйти из войны иначе, как превратив ее в гражданскую войну, — более чем странно. И то, что назревает в Австрии и в Италии, и в Германии, показывает, что гражданская война произойдет там в еще более резких чертах, будет еще более острой.

Иного пути для социализма нет.

Кто ведет войну против социализма, тот изменяет социализму полностью.

Том XV, стр. 327, Заключительное слово на заседании ВЦИК от 4 июня 1918 г.[69])

Перед Брестским миром мы сделали все, что могли, чтобы нанести империализму удар. Если история нарастания пролетарской революции этого не вычеркнула и если Брестский мир заставил нас отступить перед империализмом, то это произошло потому, что в январе 1918 г. мы не были еще достаточно подготовлены. Судьба осудила нас на одиночество, и мы пережили мучительную эпоху после Брестского мира. Нам говорили: «Лучше новый союз с империалистами, только не подписание такого мира».

Когда люди готовы были притти в отчаяние, мы говорили себе: лучше новая война с англо-французами, лишь не подчиняться насильническому миру. Мы говорили, если бы мы обращались к международным рабочим, мы бы продолжали свою работу. Товарищи, 4 года, которые мы прожили в международной войне, дали мир, но мир насильнический. Но и этот насильниче-

ский мир в конечном итоге показал, что мы правы и что наши надежды построены не на песке. С каждым месяцем мы укреплялись, а западно-европейский империализм ослабевал. Теперь мы видим в результате, что Германия, которая полгода тому назад совершенно не считалась с нашим посольством, которая думала, что там не может быть ни одного красного дома, по крайней мере, в последнее время, слабеет. Последняя телеграмма сообщает о воззвании германского империализма к массам, чтобы они сохранили спокойствие, что мир близок. Мы знаем, что значит, когда императоры обращаются с призывом о сохранении спокойствия и обещают в близком будущем то, что исполнить они не могут. Если Германия получит скоро мир, то этот мир будет для них Брестским миром, который вместо мира принесет трудящимся массам больше мучений, чем они вынесли до сих пор. Так сложились итоги нашей международной политики, что через полгода после Брестского мира мы с точки зрения буржуазии представляли собою страну разбитую, но с точки зрения пролетарской мы пришли к пути быстрого роста и стоим во главе пролетарской армии, которая начала колебать Австрию и Германию. Этот успех подтвердил собой и вполне оправдал в глазах всякого представителя пролетарских масс все жертвы, которые были принесены. Если бы случилось, что нас вдруг смело бы, — предположим, что наступил бы конец нашей деятельности, но этого не может быть: чудес не бывает, но если бы это случилось, — мы имели бы право сказать, не скрывая ошибок, что мы использовали тот период времени, который судьба нам дала, полностью для социалистической мировой революции. Мы все сделали для трудящихся масс России, и нами сделано больше, чем кем бы то ни было для мировой пролетарской революции. Товарищи, вот во время последних месяцев, последних недель международное положение стало резко меняться, пока германский империализм не оказался почти разрушенным. Все надежды на Украину, которой германский империализм кормил своих трудящихся, оказались лишь обещаниями. Оказалось, что американский империализм подготовился и Германии был нанесен удар. Наступило совершенно иное положение. Мы ни в чем не делали себе иллюзии. После Октябрьской революции мы были гораздо слабее империализма, и теперь мы слабее, чем международный империализм, — мы это и сейчас должны повторять, чтобы не впадать в самообман; после Октябрьской революции мы были слабее и не могли принимать боя. И сейчас мы слабее и должны сделать все необходимое, чтобы избегнуть боя с ними.

Том XV, стр. 509—510, «О международной революции» речь на засед. VI Всероссийского съезда советов, 8 ноября 1918 г. [72а])

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

БУДУЩИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА.

В. ЛЕНИН никогда не сомневался в том, что все разговоры о «последней» войне — лишь обман для оправдания ведущейся войны или для подготовки новой. Для него всегда было ясно, — и он этой идеей пронизывал всю свою борьбу, — что после мировой войны «человечество переживет — на худой конец — еще вторую империалистическую войну, *если революция не вырастет из данной войны*».

После мировой войны возможности войны не устранены ни между империалистскими странами, ни между последними и страной пролетариата.

Какой же должна быть тактика коммунистов в предвидении будущей войны? Прежде всего правильно организовать в «мирное» время борьбу с надвигающейся военной опасностью и, на ряду с этим, подготовиться к революционной борьбе во время войны. Таким образом, первая задача — оттянуть, отсрочить кровопролитную и влекущую за собой голод и разруху войну, готовить пролетариат и его организацию к правильному отношению к войне и поведению во время нее. Вторая задача — обеспечить организационную готовность партии и другие организации пролетариата к революционной борьбе, несмотря на террор и военное положение в воюющих странах.

Основными документами, дающими — как синтез всего опыта мировой войны — основные тактические указания в предвидении будущей войны, являются «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге» и «Лучше меньше, да лучше». Первый документ дает набросок программы действий всего Коммунистического Интернационала в борьбе с военной опасностью, второй — конкретизирует эту программу применительно к задачам и условиям Советского Союза и, отсюда, нашей партии.

Перечислим важнейшие тактические требования, поставленные В. Лениным перед всеми коммунистическими партиями:

1. Необходимо подчеркивать сложность вопроса о борьбе с военной опасностью.

2. Надо рассеять иллюзию внешней «революционности» лозунгов «ответа» на войну стачкой или революцией.

3. Для правильного понимания тактики надо «объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается».

4. Надо объяснить со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

5. Надо добиться понимания лозунга «защита отечества» и сущности лозунга «пораженчество».

6. Надо разъяснить обязательность «сохранения и образования нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров».

7. Отвергать «бойкот войне». На ряду с этим показать, как «теоретическое признание» борьбы с военной опасностью уживалось с фактической изменой социалистов прежним решениям II Интернационала.

8. Надо разоблачать современные факты, указывающие на развитие и углубление военной опасности.

9. Разъяснять, что война вызывает «такую массу и теоретических и житейских вопросов», которые отнимают «всякую возможность у громаднейшего большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью».

10. И, наконец, надо добиться от самих коммунистов самой четкой и выдержанной постановки всех вопросов борьбы с военной опасностью.

Вот те основные мысли, которыми В. Ленин, излагая свои указания для конкретного случая—для нашей делегации в Гааге (1922 г.)—одновременно дал четкую и законченную тактическую программу борьбы с военной опасностью в нынешний период.

С такой же четкостью он поставил ряд тактических задач перед ВКП(б).

В дни окончательного разгрома Врангеля Ленин заявил, что «мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело и пока во всех государствах — и в том числе в самых богатых и цивилизованных,— не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы, или, может быть, меньше»[1]. Новые попытки нападения со стороны мировой буржуазии вполне возможны.

В речи на III Конгрессе Коминтерна «О тактике РКП» Ленин констатировал уже «известное относительное равновесие сил» между Советской Россией и международным капитализмом (равновесие только «в ограниченном смысле, в отношении военной борьбы»). Однако, он настаивал на том, что в любую минуту снова может возникнуть необходимость вооруженной борьбы (курсив Ленина). Организация Красной армии, ее усиление попрежнему остаются нашей задачей».

Он приветствовал, опубликованный в ответ на отсрочку Генуэзской конференции, приказ по Красной армии с призывом «быть на чеку!, усвоить международное положение» и не поддаваться «дипломатической игре».

Он добивался при сокращении Красной армии оставления ее основного ядра, улучшения ее качества, — «обеспечения возможности снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу» в случае надобности.

В известной статье «Лучше меньше, да лучше» В. И., предвидя неизбежное столкновение между империалистским Западом и нами, а также и угнетенным Востоком, ставил вопрос: — «Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с империалистическими государствами»? И отвечал, что:

«Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том — каково будет решение мировой борьбы».

«Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы... для того, чтобы помешать западно-европейским государствам раздавить нас... чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным Западом и революционным и националистическим Востоком...»

И в качестве такой тактики Ленин предлагал политику дальнейшего укрепления союза рабочего класса с крестьянством под руководством про-

[1] Везде, где не оговорено, подчеркнуто нами. Редакция.

летариата, перестройку госаппарата с максимально возможной экономией, борьбу со всякими излишествами в госаппарате. Путем «величайшей экономии» во всем государственном хозяйстве он имел в виду «всякое малейшее сбережение сохранить» на Волховстрой, на развитие крупной машинной индустрии и т. п. «В этом и только в этом наша надежда», — утверждал он.

Индустриализация страны, коллективизация мелкого хозяйства — есть путь социалистического переустройства нашей страны и вместе с тем и путь укрепления обороноспособности пролетарского государства.

Новые войны между империалистами неизбежны.

Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология»...

Том XIII, стр. 16—17, 1 ноября 1914 г. «Положение и задачи социалистического Интернационала». [8])

Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживает — на худой конец — еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны, несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия.

Том XIII, стр. 455, декабрь 1916 г. «О лозунге «разоружения». [25])

История нам не дала той мирной обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу увидели, как гражданская война многое затруднила в России и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и акушеркой при родах социалистического общества. Это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эпохой самых разнообразных войн — войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами или различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных, насильственных решений, кризисов, — она началась, мы ее ясно видим, это только начало.

Том XV, стр. 151, 8 марта 1918 г. Доклад об изменении партийной программы и названия партии. [63])

Теперь вопрос встает в плоскости — удержат ли капиталисты власть над средствами производства? А если это так, то это означает, что они готовят новые войны. Война империалистическая показала нам с полной очевидностью, как капиталистическая собственность связана с этой бойней народов и приведет к ней неудержимо и неуклонно, но тогда всякие речи о демократии в смысле выражения общенародной воли наглядно для всех оказываются обманом и привилегией капиталистов и богачей для одурманивания наиболее отсталых слоев трудящихся.

Том XVI, стр. 14, 20 января 1919 г. «О профессиональных союзах».

Между самими буржуазными странами разгорается большая грызня. Америка и Япония накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империалистической войны и забрала себе почти весь Китай, а там 400 миллионов человек.

Господа империалисты говорят: «Мы за республику, мы за демократизм, но почему же японцы воровали из-под нашего носа больше, чем следует?» Япония и Америка накануне войны, и удержать эту войну, в которой еще будет убито 10 миллионов и 20 искалечено, нет никакой возможности. Франция тоже говорит: «Кому достались колонии? — Англии!» Франция победила, но она в долгу, как в шелку, у нее безвыходное положение, между тем, как Англия обогатилась. Там снова уже начинаются новые комбинации и союзы, там снова хотят броситься друг на друга из-за дележей колоний, и империалистическая война снова нарастает и удержать ее нельзя — нельзя не потому, что капиталист, в отдельности, злой человек, — каждый из них в отдельности человек, как человек, — но потому, что они иначе не в состоянии вырваться из финансовых пут, потому что весь мир в долгу, в кабале, потому что частная собственность привела и будет приводить всегда к войне.

Том XVII, стр. 33—34, 1 марта 1920 г. Речь на I Всероссийском съезде трудового казачества. [77])

Крах капиталистических правительств неминуем. Ибо все видят, что новая такая же война неизбежна, если у власти останутся империалисты и буржуазия. Между Японией и Америкой вырастают новые споры и конфликты. Они подготовлены десятилетиями дипломатической истории обеих стран. Войны неизбежны на почве частной собственности. Война между Англией, которая награбила колоний, и Францией, которая считает себя обойденной, неизбежна. Никто не знает того, где и как

она прорвется, но все видят и знают и говорят о том, что война неизбежна и готовится снова.

Том XVII, стр. 46, 11 мая 1920 г. «Годовщина Коммунистического Интернационала».[78])

Есть ли коренные противоположности в современном капиталистическом мире, которые надо использовать? Есть три основных, которые я бы хотел назвать. Первая, ближайшая к нам, это — отношения Японии и Америки. Война готовится между ними. Они не могут мирно ужиться на побережьях Тихого океана, хотя эти побережья разделяют 3000 верст. Это соперничество неоспоримо вытекает из отношений их капитализмов. Существует гигантская литература, посвященная вопросу о будущей японо-американской войне. Что война готовится, что она неизбежна, это несомненно. Пацифисты стараются обойти этот вопрос, замазать его общими фразами, но для всякого, кто историю экономических отношений и дипломатии изучает, не может быть ни тени сомнения, что экономически война назрела и политически готовится. Нельзя взять ни одной книжки, посвященной этому вопросу, чтобы не видеть назревания войны. Земля поделена. Япония захватила колоний колоссальное количество. Япония имеет 50 миллионов людей и она сравнительно слаба экономически. Америка имеет 110 миллионов людей, у нее нет никаких колоний, хотя она во много раз богаче Японии. Япония захватила Китай, где 400 миллионов населения и запасы угля, богатейшие в мире. Как эту штуку удержать? Смешно думать, что капитализм более крепкий не отнимет у капитализма более слабого всего награбленного последним. При таком положении вещей разве можно американцам остаться равнодушными? Разве можно оставить капиталистов крепких рядом с капиталистами слабыми и думать, что они не отнимут? На что же тогда они будут годны? Но при таком положении, можем ли мы остаться равнодушными и только сказать, как коммунисты: «мы будем пропагандировать коммунизм внутри этих стран»? Это правильно, но это не все! Практическая задача коммунистической политики есть задача использования этой вражды, стравливая их друг с другом. Тут получается новая обстановка. Если возьмете две империалистические страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских. Недавно мы получили корейскую газету, рассказывающую, что делают японцы. Здесь соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники,

с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством. Но этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы. Конечно, защита отечества в такой войне будет величайшим преступлением, будет изменой социализму. Конечно, поддержка одной страны против другой будет преступлением против коммунизма, но мы, коммунисты, должны использовать одну страну против другой. Не совершаем ли мы преступления против коммунизма? Нет, потому, что мы делаем это, как социалистическое государство, ведущее коммунистическую пропаганду и вынужденное использовать каждый час, дарованный ему обстоятельствами, чтобы окрепнуть с максимальной быстротой.

Том XVII, стр. 386—387, 8 октября 1920 г. «О концессиях». [82])

Новые нападения империалистов на СССР неизбежны.

Мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах — и в том числе в самых богатых и цивилизованных, — не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы, или, может быть, меньше. Только теперь у нас идут победные бои против Врангеля; со дня на день мы ждем известий, которые подтвердят наши ожидания. Мы уверены, что если нам не удастся взять Крым в ближайшие дни, то это удастся в последующие, но у нас нет никакой гарантии, что это — последняя попытка мировой буржуазии против нас. Напротив, мы имеем данные, которые говорят, что эта попытка будет повторена весной. Мы знаем, что у них будут ничтожные шансы, мы знаем также, что у нас военные силы будут прочнее и более мощны, чем у какой-либо другой державы, но при всем этом опасность не исчезла, она существует и будет существовать, пока не победит революция в одной или в некоторых из передовых стран.

Том XX, ч. II. стр. 431, 6 ноября 1920 г. «Речь на торжественном заседании пленума Моссовета». [81])

...Использовать каждый час, дарованный ему [1] обстоятельствами, чтобы окрепнуть с максимальной быстротой. Мы начали крепнуть, но крепнем медленно. Америка и другие капиталистические страны растут в своей экономической и военной мощи дьявольски быстро. Как бы мы ни собирали свои силы, мы будем расти несравненно медленнее.

Том XVII, стр. 387, 27 ноября 1920 г. «О концессиях». [82])

[1] Социалистическому государству.

Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства, с уверенностью, что так легко сорвать эту работу, как прежде, капиталистическим хозяевам не удастся. Но, разумеется, мы должны быть на-чеку. Мы ни в коем случае не можем сказать, что от войны мы уже гарантированы. Этот недостаток гарантии состоит вовсе не в том, что у нас еще нет формальных мирных договоров. Мы прекрасно знаем, что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко, находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные военные части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию.

Поэтому военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность. Этому, конечно, не помешает освобождение известной части армии и быстрая ее демобилизация. Мы рассчитываем, что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качества. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу.

Мы уверены, что все соседние государства, которые много потеряли уже из-за поддержки против нас белогвардейских заговоров, достаточно учли непререкаемый урок опыта и оценили по-настоящему нашу примирительность, которую все толковали, как нашу слабость. Они должны были убедиться после трех лет опыта, что когда мы проявляем самое устойчивое и мирное настроение, мы в то же время в военном отношении являемся готовыми.

Всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получают в результате и после войны.

Это доказано по отношению к нескольким государствам. Это есть теперь завоевание, от которого мы не откажемся и ко-

торого ни одна из окружающих нас или находящихся в политическом соприкосновении с Россией держава не забудет.

Том XVII, стр. 404—405, 22 декабря 1920 г. «Доклад Совета народных комиссаров» (на VIII Всероссийском съезде советов). [83])

Меня упрекали, например, в том, что я выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн. Мне не нужно заходить далеко в историю, чтобы показать, на чем основаны были мои слова.

Мы только что покончили с Врангелем, но войска Врангеля существуют где-то, не очень далеко от границ нашей республики, и чего-то ждут. Поэтому, кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, — кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике. Говорить же нам, что мы ведем тайную дипломатию, говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож, когда, вопреки сотням наших предложений и при неслыханных уступках, на которые мы идем, — до сих пор ни одна из крупных держав с нами мира не заключила, — говорить это нам — значит повторить старые, давно потерявшие смысл фразы мелкобуржуазного пацифизма. Если бы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками. Вот к чему нас ведут эти пацифистские фразы и резолюции. Они приводят к тому, что советскую власть, окруженную врагами, хотят связать по рукам и по ногам и отдать на растерзание мировым империалистическим хищникам.

Нам говорят дальше о вооружении всего народа, повторяя зады старого буржуазного демократического лозунга в ту минуту, когда в этом народе кипит самая решительная классовая борьба.

Классовая борьба стала действительностью в деревне, в гуще крестьянской массы, и мы все делали и делаем для того, чтобы эта борьба была сознательной. Когда после этого перед нами являются вожди некоторого особого «Интернационала» и говорят о вооружении народа, чувствуешь себя словно превращенным в ученика приготовительного класса в вопросах марксизма и социализма. Забыть классовую борьбу, которая кипит во всем мире, — значит невольно помочь империалистам всего мира против борющегося пролетариата. Лозунгом наших врагов является

вооружение народа, а мы стоим на базе классового вооружения: на ней мы побеждали и на ней будем побеждать всегда.

Том XVII, стр. 430—432. «Заключительное слово по докладу» (СНК — на VII Всеросс. съезде советов) 23/XII 1920 г. [83])

Остались такие государства, как Румыния, которая не пробовала воевать с Россией, и такие, как Польша, где есть господство военных авантюристов и господствующий эксплоатирующий класс. Мы знаем, что против нас они больших сил собрать не могут, и в то же время мы знаем, что нам всего дороже сохранение мира и полная возможность посвятить все силы восстановлению хозяйства, и мы должны быть чрезвычайно и чрезвычайно осторожны. Мы вправе сказать себе, что главные трудности международной политики позади нас, но мы были бы слишком легкомысленны, если бы закрыли глаза на возможность еще новых попыток. Конечно, когда у нас ликвидирован полностью врангелевский фронт, когда Румыния в момент выгодный для нее не решилась на войну, теперь становится менее вероятным, что она на войну решится, но не надо забывать, что правящий класс в Румынии и Польше находится в положении, близком к тому, которое можно назвать совершенно отчаянным. Обе страны оптом и в розницу проданы заграничным капиталистам. В долгу, как в шелку, и расплачиваться по долгам им нечем. Банкротство неминуемо. Революционное движение рабочих и крестьян все растет и растет. Не раз бывало, что в подобном положении буржуазное правительство бросалось, очертя голову, в самые безумные и безрассудные авантюры, объяснить которые нечем, кроме как отчаянием и безвыходностью их положения. Вот почему приходится и сейчас считаться с возможностью новых попыток военного нашествия.

Главное, что дает нам уверенность в том, что не только эти попытки будут разбиты, но что положение капиталистических держав, вообще говоря, во всем мире неустойчиво — это рост экономического кризиса во всех странах и рост коммунистического рабочего движения.

Том XX, ч. II, стр. 456, 6 февраля 1921 г. «Речь на IV Всероссийском съезде работников швейной промышленности». [86])

... В международном положении нашей республики политически приходится считаться с тем фактом, что бесспорно теперь наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу с оружием в руках за господство того или другого руководящего класса, — равновесие между членами буржуазного общества, международной

буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле. Только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении. Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет лишь об относительном равновесии, о весьма неустойчивом равновесии. В капиталистических странах накопилось много горючего материала, точно так же, как и в тех странах, которые до сих пор рассматривались лишь как объекты, а не субъекты истории, — т.-е. колониальных и полуколониальных; вполне возможно поэтому, что в этих странах рано или поздно, совершенно неожиданно, вспыхнут революционные восстания, великие бои и революции. За последние годы мы видели прямую борьбу международной буржуазии против первой пролетарской республики. Эта борьба была в центре всего мирового политического положения, и именно в этом мировом политическом положении теперь наступило изменение. Поскольку попытка международной буржуазии удушить нашу республику не удалась, постольку наступило равновесие, разумеется, весьма неустойчивое.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что международная буржуазия сейчас гораздо сильнее нашей республики и что только своеобразное сочетание условий препятствует этой международной буржуазии продолжать войну против нас. Уже в течение последних недель, последних дней мы могли снова наблюдать на Дальнем Востоке попытку возобновить нашествие, и не подлежит никакому сомнению, что подобные попытки будут продолжаться и далее. На этот счет в нашей партии не существует никаких сомнений. Для нас важно открыто установить, что существует неустойчивое равновесие, что мы должны использовать эту передышку, принимая во внимание характерные признаки настоящего положения, применяя нашу тактику к особенностям этого положения и не забывая ни на одну минуту, что внезапно снова может возникнуть необходимость вооруженной борьбы. Организация Красной армии, ее усиление попрежнему остаются нашей задачей. И в отношении продовольственного вопроса мы попрежнему в первую очередь должны думать о нашей Красной армии. В данном международном положении, теперь, когда мы все еще должны ждать новых нападений, новых попыток нашествия международной буржуазии, мы в этом отношении не можем вступить на другой путь.

Том XVIII, ч. I, стр. 319—320. 5/VII—1921 г. «Тезисы о тактике Российской коммунистической партии» (речь на III Конгрессе Коммунистического Интернационала). [84])

Международное положение РСФСР характеризуется в настоящее время некоторым равновесием, которое, будучи чрезвычайно

неустойчивым, создало все же своеобразную конъюнктуру всемирной политики.

Это своеобразие состоит в следующем: с одной стороны, международная буржуазия полна бешеной ненависти и вражды к Советской России и готова в каждую минуту броситься, чтобы задушить ее. С другой стороны, все попытки военного вмешательства, стоившие этой буржуазии сотни миллионов франков, кончились полной неудачей, несмотря на то, что советская власть была тогда слабее, чем теперь, а русские помещики и капиталисты имели целые армии на территории РСФСР. Оппозиция против войны с Советской Россией во всех капиталистических странах чрезвычайно усилилась, питая революционное движение пролетариата и захватывая очень широкие массы мелкобуржуазной демократии. Рознь интересов между различными империалистическими странами обострилась и обостряется с каждым днем все глубже. Революционное движение среди сотен миллионов угнетенных народов Востока растет с замечательной силой. В результате всех этих условий международный империализм оказался не в состоянии задушить Советскую Россию, несмотря на то, что он гораздо сильнее ее, и вынужден был на время признать или полупризнать ее, вступая в торговые договоры с ней.

Получилось, хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать, конечно, недолгое время, — в капиталистическом окружении.

Том XVIII, ч. I, стр. 311—312. 12/VII—1921 г. «Тезисы о тактике РКП», принятые III Конгрессом Коммунистического Интернационала.[84])

Взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте на-чеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока, и помните, что осложнения в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний мы не вправе допускать ни на секунду.

Том XVIII, ч. I, стр. 428. «Доклад на IX Съезде советов», 23/XII—1921 г.[85])

На другой день после известия о том, что Генуя совсем налажена, совсем сговорена, что насчет Генуи полное согласие, но что только неустойчивость одного из буржуазных правительств (они стали как-то подозрительно неустойчивы) вынудила временную отсрочку, он[1] опубликовал приказ: «Пусть каждый красноармеец усвоит себе международное положение; мы знаем твердо, что

[1] Наркомвоенмор.

у них есть устойчивая группа, которая пожелает попробовать интервенцию; мы будем на-чеку, и пусть каждый красноармеец знает, что такое дипломатическая игра и что такое сила оружия, которая до сих пор решала все классовые конфликты».

Пусть каждый красноармеец знает, что такое эта игра, что такое сила оружия, и тогда мы посмотрим. Как ни развалился капитализм во всех капиталистических странах, но эту штуку попробовать могут многие не невлиятельные партии. А если правительства неустойчивы настолько, что не могут созвать собрания во время, то кто знает, в чьих руках окажутся эти правительства. Мы знаем, что у них есть влиятельные партии и влиятельные лица, желающие войны, и экономические воротилы, мы это прекрасно знаем. И о настоящей сути, которая лежит в основе экономических договоров, мы осведомлены достаточно. Мы тяжелого вынесли необыкновенно много и знаем, какие бедствия и мучения новая попытка войны может причинить нам, и мы говорим, что мы это еще раз вынесем, попробуйте только это попробовать.

Том XVIII, ч. II, стр. 9—10. «Речь на заседании комфракции Всероссийского съезда металлистов», 6/III—1922 г. [87])

Тактика Коминтерна в борьбе с военной опасностью.

По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге я думаю, что самой большой трудностью является преодоления того предрассудка, что это — вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

— Ответим на войну стачкой или революцией, — так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны, только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится. Заявить, что «ответить» на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно «ответить на войну» революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому разъяснение вопроса о «защите отечества», — во-первых; во-вторых, в связи с этим разъяснение вопроса о «пораженчестве», и, наконец, разъяснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров, — все это должно быть выдвигаемо на первый план.

Бойкот войне — глупая фраза. Коммунисты должны итти на любую реакционную войну.

Желательно на примерах хотя бы немецкой литературы перед войной и, в частности, на примерах Базельского конгресса 1912 г. показать с особой конкретностью, что теоретическое признание того, что война преступна, что война недопустима для социалистов и т. п., оказывается пустыми словами, потому что никакой конкретности в подобной постановке вопроса нет. Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам. Напротив, господствующая пресса каждый день в необъятном числе экземпляров затушевывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна, тем более, что и в мирное время она держится по этому пункту в корне неправильных взглядов. Коммунистическая пресса в большинстве стран наверное осрамится тоже.

Я думаю, что нашим делегатам на международном конгрессе кооператоров и трэд-юнионистов следовало бы разделить между собой задачи и разобрать все те софизмы, которыми оправдывают войну в настоящее время, с самой детальной подробностью.

Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, объясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбираем заранее, либо, еще больше, отделываемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года.

Мне кажется, что если у нас будет на Гаагской конференции несколько человек, способных на том или другом языке сказать речь против войны, то всего важнее будет опровергнуть мнение о том, будто присутствующие являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь

в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны.

В связи с недавним опытом войны мы должны разъяснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после объявления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью.

Я думаю, что разъяснять этот вопрос надо с необыкновенной подробностью, и разъяснять его надо двояко:

Во-первых, рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны, и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, или что они притворяются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит главный гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи. По этому пункту, я думаю, необходим разбор всех оттенков, всех мнений, которые среди русских социалистов возникли не случайно, а будут порождены самой природой современных войн вообще. Необходимо доказать, что без анализа этих мнений и без разъяснения того, как они неизбежно возникают и как они имеют решающее значение для вопроса о борьбе с войной, без такого анализа ни о какой подготовке к войне и даже о сознательном отношении к ней не может быть и речи.

Во-вторых, надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д., и т. п. Мне сдается, что если будут малейшие сомнения насчет возможности вполне свободно сказать свою речь против войны в Гааге, то следует обдумать ряд хитростей для того, чтобы сказать хотя бы только главное, а затем издать то, что не удастся досказать, брошюрой. Надо итти на то, чтобы председатель оборвал.

Я думаю, что для этой же цели в делегацию должны быть приглашены, кроме ораторов, способных и обязанных сказать речь против войны в целом, т.-е. развивая все главные доводы и все условия борьбы против войны, — еще владеющие всеми тремя главными иностранными языками люди, которые посвящали бы себя разговорам с делегатами и выяснению того, насколько ими поняты основные доводы и насколько есть надоб-

ность в постановке тех или иных аргументов или привлечении примеров.

Может быть по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны. Может быть, по ряду других вопросов серьезное действие можно оказать лишь разъяснением современных конфликтов между государствами и их связи с возможным вооруженным столкновением.

По вопросу о борьбе с войной мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов как в парламентах, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно неправильные и чудовищно легкомысленные вещи насчет борьбы с войной. Я думаю, что против подобных заявлений, особенно, если они делались уже после войны, надо выступить со всей решительностью и беспощадно называя имена каждого подобного оратора. Можно смягчить как угодно, особенно, если это нужно, свой отзыв о таком ораторе, но нельзя пройти молчанием ни одного подобного случая, ибо легкомысленное отношение к этому вопросу есть такое зло, которое перевешивает все остальное и к которому быть снисходительным абсолютно невозможно.

Есть ряд решений рабочих съездов, беспардонно глупых и легкомысленных. Надо собирать немедленно все и всякие материалы и обстоятельно обсудить и все отдельные части, и частицы темы, и всю «стратегию» на съезде.

С нашей стороны будет нетерпима по такому вопросу не только ошибка, но и существенная неполнота.

Том XX, ч. II, стр. 529—532, 1 декабря 1922 г. «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге».[88])

Тактика нашей партии в связи с опасностью новых войн.

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-победителями — это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из свой колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего

мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разрозненности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения.

Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, причем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплоатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контр-революции, направленный к поддержке русской контр-революции, сорвался из-за противоречий в лагере контр-революционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том — каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская Коммунистическая партия, мы, Российская советская власть, для того, чтобы помешать западно-европейским контр-революционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки.

Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику:

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и проч.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.

Том XVIII, ч. 2, стр. 135—138. «Лучше меньше, да лучше». [89])

ПРИМЕЧАНИЯ [1].

Первые справа ссылки указывают на первое издание сочинений Ленина, вторые — на второе издание.

(1)	1905 г.	**Падение Порт-Артура.** Напечатано 14 (1) января 1905 г. в «Вперед» № 2. Порт-Артур — китайская крепость, захваченная в 1898 г. царским правительством. В русско-японскую войну по мирному договору отошла к Японии.	*VI т., стр. 32—33.* *VII т., стр. 44—50.*
(2)	1907 г.	**Международный социалистический конгресс в Штутгарте.** Впервые напечатано 20 окт. 1907 г. в № 17 «Пролетария». Статья подводит итоги Штутгартскому конгрессу. На Международном социалистическом конгрессе главным стоял вопрос о милитаризме. В комиссии Конгресса по этому вопросу боролись четыре течения: анархо-синдикалисты (г. Эрве), гедисты, центристы (2 группы) и революционная группа в лице Ленина и Люксембург.	*VIII т., стр. 488—503.* —
(3)	1908 г.	**События на Балканах и в Персии.** Напечатано 29 (16) октября 1908 г. в № 37 «Пролетария». Имеется в виду период «разгара» дипломатической борьбы «великих держав» вокруг Балканской проблемы (захват Боснии и Герцоговины и пр.). Эти события были преддверием Балканской войны 1912 г.	*XI т., ч. 1, стр. 138—146.* —
(4)	1912 г.	**О лисе и курятнике.** Напечатано 18 октября 1912 г. в № 146 «Правды». Балканская война 1912—1913 гг. явилась результатом столкновения интересов Антанты и стран Тройственного союза на Балканах.	*XII т., ч. 1, стр. 306—307.* —
(5)	1913 г.	**Кому выгодно?** Напечатано 11 апр. 1913 г. в № 84 «Правды».	*XX т., ч. 1, стр. 395—396.* —
(6)	1914 г.	**Задачи революционной социал-демократии в европейской войне.** Резолюция группы социал-демократов. В первом издании статья идет под названием «Тезисы о войне». Написанные Лениным в начале сентября 1914 г., они легли в основу манифеста ЦК «Война и российская социал-демократия». Текст, помещенный в первом издании, не совсем точно передает первоначальную ре-	*XX т., ч. 1, стр. 465—497.* *XVIII т., стр. 44—46.*

дакцию. В сборнике дана выдержка — в редакции второго издания.

(6-а) **Тезисы по поводу настоящей войны.** *XX т. ч. I, стр. 465—467.*

(7) ——— **Война и российская социал-демократия.** Написано в октябре 1914 г. и напечатано впервые 1 ноября 1914 г. в газете «Социал-демократ» № 33 (в Женеве). Статья была опубликована от имени ЦК РСДРП и являлась таким образом политическим манифестом, декларировавшим тактику революционной социал-демократии, не только российской, но и международной. *XIII т., стр. 5—12.* *XVIII т., стр. 57—66.*

(8) ——— **Положение и задачи социалистического Интернационала.** Статья напечатана в том же (33) номере «Социал-Демократа» (1 ноября 1914 г.) и развивает, как и манифест ЦК, мысли, изложенные в «Тезисах о войне» (сентябрь 1914 г.). Она четко устанавливает неоспоримость краха II Интернационала. В этой статье, как и в манифесте, Ленин провозглашает лозунг создания нового—III Интернационала. *XIII т., стр. 12—17.* *XVIII т., стр. 67—71.*

(9) ——— **Мертвый шовинизм и живой социализм.** (Как восстановить Интернационал). Напечатано 12 декабря 1914 г. в «Социал-Демократе» № 35. Ленин разбирает позицию Каутского, доказывая ее оппортунистичность. *XIII т., стр. 19—25.* *XVIII т., стр. 74—79.*

(10) ——— **О национальной гордости великороссов.** Напечатано 12 дек. 1914 г. в «Социал-Демократе», № 25. *XIII т., стр. 25—29.* *XVIII т., стр. 80—83.*

(11) **1915 г. Русские Зюдекумы.** Напечатано 1 февраля 1915 г. в «Социал-Демократе» № 37. Название статьи дано Лениным в связи с тем, что имя немецкого социал-демократа Зюдекума стало нарицательным для каждого откровенного социал-шовиниста. В статье дается анализ оборонческих взглядов Плеханова, Череванина и Аксельрода. *XIII т., стр. 37—42.* *XVIII т., стр. 91—95.*

(12) ——— **Конференция заграничных секций РСДРП.** Напечатано 29 марта 1915 г. в № 40 «Социал-Демократа». Конференция происходила в Берне (Швейцария) 27 февраля — 4 марта 1915 г. Статья излагает ее решения по вопросу о «войне и задачах партии». Ленин отмечает, что эти решения, «стоя на почве манифеста ЦК» (от 1 ноября 1914 г.), развивают и приводят в систему все взгляды революционных с.-д. на войну и тактику партии. Эта конференция сыграла большую роль *XIII т., стр. 45—52.* *XVIII т., стр. 124—128.*

в деле сплачивания революционного крыла. На конференции дискуссировался лозунг «Соединенных штатов Европы», но решений по этому вопросу принято не было.

(13) — **К иллюстрации лозунга гражданской войны.** Напечатано 29 марта 1915 г. в № 40 «Социал-Демократа». Статья впервые указывает на ряд случаев братания немецких и французских солдат в окопах. *XIII т., стр. 59—60.* *XVIII т., стр. 135—137.*

(14) — **Софизмы социал-шовинистов.** Напечатано 1 мая 1915 г. в № 41 «Социал-Демократа». Статья является критическим разбором брошюры Каутского «Международность и война», перепечатанной Г. Потресовым в «Нашем Деле». *XIII т., стр. 61—64.* *XVIII т., стр. 146—149.*

(15) — **О поражении своего правительства в империалистской войне.** Напечатано 26 июля 1915 г., в № 43 «Социал-Демократа». Статья направлена против Троцкого и его единомышленников (Семковский, Буквоед и др.) и их лозунга «ни побед, ни поражений». *XIII т., стр. 78—83.* *XVIII т., стр. 169—173.*

(16) — **Социализм и война.** (Отношение РСДРП к войне). Написано в августе 1915 г. Впервые напечатано осенью 1915 отдельной брошюрой, изданной газетой «Социал-Демократ» в Женеве. Брошюра написана совместно с Г. Зиновьевым, под общей редакцией В. Ленина, до Циммервальдской конференции, но в печати появилась после нее. Цель брошюры изложена авторами в предисловии к 1-му изданию: «В настоящее время в России явно растет революционное настроение в массах... В других странах замечаются повсюду признаки такого же явления... Такое положение вещей делает особенно настоятельным издание брошюры, подводящей итоги с.-д. тактике в отношении к войне». *XIII т., стр. 89—129.* *XVIII т., стр. 185—223.*

(17) — **О лозунге Соединенных Штатов Европы.** Напечатано 23 августа 1915 г., в № 44 «Социал-Демократа». Эта статья является ответом Ленина на дискуссию, имевшую место на конференции заграничных секций РСДРП (март 1915 г.), где лозунг Соединенных штатов Европы рассматривался односторонне-политически. Соглашаясь, что этот лозунг политически может иметь известный положительный смысл, Ленин категорически отвергает его экономическое содержание, объявляя его *XIII т., стр 130—133.* *XVIII т., стр 230—233.*

реакционным. Статья особенно ценна тем, что четко ставит вопрос о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, как о безусловном законе капитализма, и впервые у Ленина, указывает на возможность победы «социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране».

(18) ——— **Крах II Интернационала.** Написана летом 1915 г. Впервые напечатана в 1915 г. в журнале «Коммунист», № 1—2. Во вступлении Ленин пишет: «Под крахом Интернационала иногда разумеют просто формальную сторону дела, перерыв интернациональной связи..., невозможность собрать ни международной конференции, ни Междун. Социал. Бюро и т. п.». Ленин отвергает такую оценку краха. Крах II Интернационала он рассматривает, как «вопиющую измену большинства официальных социал-демократич. партий своим убеждениям». *XIII т., стр. 133—182.* *XVIII т., стр. 235—281.*

(19) ——— **Империализм и социализм в Италии.** Напечатано в 1915 г., в № 1—2 «Коммуниста». *XIII т., стр. 190—198.* *XVIII т., стр. 289—296.*

(20) ——— **Несколько тезисов.** Напечатано 13 октября 1915 г. в № 47 «Социал-Демократа». Статья эта была помещена от редакции, в связи с помещенным в газете материалом о работе Петербургского комитета большевиков. Статья ставит на обсуждение ряд принципиальных вопросов тактики большевиков, в данных условиях империалистической войны, и задачу превращения ее в войну гражданскую. *XIII т., стр. 207—209.* *XIVII т., стр. 311—313.*

(21) **1916 г. Речь на Интернациональном митинге в Берне 8/II—16 г.** Напечатана в Швейцарской газете «Berner Tagwacht» 9/II—16 г. Митинг происходил в Берне после заседания расширенного Совещания I.S.K. Ленин цитирует в речи письмо американского социалиста Евгения Дебса, являющегося противником войны. *XIX т., стр. 16—20.*

(22) ——— **О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах для России.** Статья посвящена лозунгу «мира без аннексии», выдвинутому группой ликвидаторов-легалистов в своих манифестах в Петрограде и Москве. В частности, Ленин разоблачает этот лозунг на их требовании независимости Польши, *XII т., стр. 229—232.* *XIX т., стр. 30—32.*

выдвинутом в то время, когда Польша была уже захвачена Германией.

(23) — **О «программе» мира.** Напечатана в «Социал-Демократе» № 52, 25/III 1926 г. Написана в связи с подготовкой II Международной Конференции циммервальдистов и поднятым вопросом о выработке социал-демократической программы мира. *XIII т., стр. 233—239* *XIX т., стр. 49—56.*

(24) — **Предложения Центрального Комитета РСДРП II Социалистической Конференции.** Напечатана в начале апреля 1916 г. в качестве тезисов к Конференции по вопросам борьбы за окончание войны, отношения к парламентской деятельности и к массовой борьбе. Тезисы предлагали Конференции отказаться от восстановления «обанкротившегося Международного Социалистического Бюро», предоставив его «социал-шовинистам и каутскианцам всех стран», и поставить вопрос о расколе Интернационала. Конференция приняла резолюцию осуждения М. С. Б., но окончательно вопрос о созыве М.С.Б. не решила, оставив его открытым. Это явилось результатом колебания циммервальдских центристов, не соглашавшихся итти на полный разрыв со II Интернационалом. — *XIX т., стр. 57—63.*

(25) — **О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».** Написана в октябре 1916 г., напечатана в 1924 г. в журнале «Звезда». Статья является ответом на неопубликованную статью П. Киевского (Пятакова) «Пролетариат и право наций на самоопределение в эпоху финансового капитала». П. Киевский выражал взгляды сложившейся в то время группы Бухарина—Пятакова, которая одно время в 1915 г. пыталась обособиться в отдельную группу с лозунгом «борьбы за мир». Но в конце 1915 г. она заявила о своем роспуске. Одним из спорных был также вопрос о праве наций на самоопределение. Взгляды группы по этому вопросу были изложены: 1) в «Платформе из 15 пунктов» и 2) тезисах «О лозунге права наций на самоопределение» (см. «Очерки по истории Окт. Револ.», стр. 516—518). *XIII т., стр. 337—385.* *XIX т., стр. 191—235.*

(26) — **О лозунге «разоружения».** Написана в апреле 1916 г. Напечатана в декабре 1916 г. в сборнике «Социал-Демократ». Статья написана в связи *XIII т., стр. 449—458.* *XIX т., стр. 315—322.*

с предложением заменить в социал-демократической программе-минимум лозунг «милиция» или «вооружение народа» лозунгом «разоружение». Ленин возражал против этого, доказывая связь лозунга «разоружения» с отказом от войны вообще, с лозунгом «пацифизма». «Разоружение есть идеал социализма» — говорит Ленин. А поставить его в программу-минимум значит заявить, что «мы против применения оружия». А это значило бы сказать, что мы идем к «осуществлению социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата».

(27) ——— **Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии.** Написана в декабре 1916 г. Статья написана в связи с тем, что Цюрихский съезд соц.-дем. партии Швейцарии (4—5/XI—16 г.) отошел от решений съезда в 1915 г., присоединившегося к платформе «левых» циммервальдистов. Статья написана в форме тезисов, определяющих программу действий левых циммервальдистов в швейцарской с.-д., как социалистов нейтральной страны. *XIII т., стр. 491—501.* *XIX т., стр. 333—342.*

(28) **1917 г. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический.** Написана 1/I—1917 г. Напечатана в Ленинском Сборнике II — 24 г. Статья посвящена разбору позиций Каутского, Турари, французских социалистов и синдикалистов по вопросу о мире. Заканчивается статья разбором создавшегося положения внутри Циммервальдского объединения, борьбы правой и левой группы. Борьба эта, главным образом вокруг вопроса о расколе с социал-шовинистами, в то время осложнилась в связи с предложениями о мире со стороны Германии и Вильсона. Международная Социалистическая Комиссия в своем воззвании назвала эти выступления «комедиантской игрой в мир». А правые циммервальдисты, уже на вопросе о мире ставят вновь вопрос о соединении с социал-шовинистами. Ленин, анализируя эту постановку вопроса, ставит вопрос о непримиримости реформизма с революционным марксизмом. *XX т., ч. II, стр. 5—21.* *XIX т., стр. 359—378.*

(29) ——— **Поворот в мировой политике.** Напечатана в «Социал-Демократе» № 58 31/I—17 г. Написана после предложения Вильсона о мире. Посвящена разбору империалистического мира. *XIII т., стр. 483—491.* *XIX т., стр. 379—386.*

(30) — **К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств.** Написана 6/I—1917 г., напечатана в № 24 в «Пролетарской Революции» № 5(28). Статья представляет переработку обращения, посланного Интернациональным Социалистическим комитетам ко всем социалистическим партиям. В нем Ленин разбирает поведение и взгляды циммервальдской правой, особенно председателя Циммервальдской и Кинтальской конференций Р. Гримма, выступавшего против созыва съезда швейцарской социал-демократической партии. Кончая статью заявлением, что циммервальдская правая перешла на сторону «буржуазно-реформистского пацифизма», Ленин требует созыва конференции для смещения Р. Гримма с должности председателя.

XX т., ч. II стр. 22—27. *XIX т., стр. 387—392.*

(31) — **Письма издалека. Письмо четвертое. Как добиться мира?** Написано в Швейцарии (12)25 III—17 г. Напечатано в 1924 г. в «Ленинском сборнике» II. Письмо написано в связи с сообщением, что Горький обратился к Временному правительству и Исполн. комитету Совета Р., Кр. и Кр. Д. с предложением заключить мир, причем этот «мир не должен быть во что бы то ни стало», так как у России нет оснований сейчас добиваться такого мира, а необходим мир такой «который дал бы возможность России с честью существовать перед другими народами земли». В письме Ленин анализирует классовую сущность правительства Милюкова — Гучкова и, доказывая, что они «не могут заключить «почетного» мира, дает примерную программу мира правительства Советов, намеченную партией еще в 1915 г. (напечатана в «Социал-Демократе» № 47).

XX т., ч. II, стр. 77—82. *XX т., стр. 41—45.*

(32) — **Письмо Я. С. Ганецкому.** Написано 30/III—17 г. Напечатано впервые в 1921 г. в «Пролетарск. Революции» № 2. Первая часть письма посвящена вопросу переезда в Россию, вторая — критике Временного правительства и позиции меньшевиков и с.-р. Ленин пишет о необходимости полной размежевки с ними. Задачей ставится: «непримиримейшая пропаганда интернационализма и борьба с республиканским шо-

XIV т., ч. II, стр. 399—403. *XX т., стр. 52—55.*

винизмом и социал-шовинизмом всюду».

(32) —— **Прощальное письмо к швейцарским рабочим.** Написано 8/IV при отъезде из Швейцарии, от имени большевиков-эмигрантов, возвращающихся в Россию. В письме изложены задачи борьбы с Временным правительством. *XIV т., ч. II, стр. 403—409.* *XX т., стр. 65—70.*

(34) —— **Речь на совещании большевиков членов Всероссийской конференции советов Р. и С.-Д.** (запись участн. совещания). Произнесена 17/IV—1917 г., но впервые напечатана 7/XI—24 г. в «Правде» № 255. Речь эта предшествовала выступлению на объединенном заседании большевиков и меньшевиков и посвящена разъяснению «Тезисов о задачах пролетариата в данной революции». *XX т., ч. II, стр. 97—105.* *XX т., стр. 76—83.*

(35) —— **О задачах пролетариата в данной революции** (тезисы напечатаны в «Правде» № 26, 20/IV—17 г). Изложены тезисы, зачитанные на собрании большевиков и меньшевиков до первой Конференции советов, с небольшими комментариями. Ленин приехал 3/IV и, как он сам указывает, успел к Конференции подготовить только письменные тезисы. Тезисы ставят задачу борьбы за переход власти к советам и намечают первую программу пролетарской диктатуры. *XIV т., ч. I, стр. 17—21.* *XX т., стр. 87—90.*

(36) —— **Задачи пролетариата в нашей революции.** (Проект платформы пролетарской партии.) Написана 10/IV—1917 г. Напечатана отдельной брошюрой в сентябре 1917 г. В брошюре Ленин дает наметку основных положений программы. Две главы касаются непосредственно вопросов, связанных с войной: 1) Революционное оборончество и его классовое значение и 2) Как можно кончить войну. *XIV т., ч. I, стр. 37—64.* *XX т., стр. 111—135.*

(37) —— **Речь к солдатам на митинге в Измайловском полку.** Напечатана в № 30 «Правды» от 25/IV—17 г. *XIV т., ч. I, стр. 74—76.* *XX т., стр. 145—146.*

(38) —— **Добросовестное оборончество показывает себя.** Напечатана в «Правде» 5/VI—17 г. 18/IV Мин. иностр. дел Врем. правительства Милюков опубликовал ноту, в которой заверил от имени Временного правительства союзников, что Россия выполнит взятые на себя перед союзниками обязательства. Нота вызвала большие демонстрации протеста, заставившие Милюкова и Гучкова выйти в отставку. В статье *XIV т., ч. I, стр. 105—107.* *XX т., стр. 218—220.*

Ленин рассматривает эти события, как движение массового и «добросовестного» оборончества, которое не согласно с политикой аннексий. Оно «добросовестно» думало, что правительство Милюкова и Гучкова ведет только оборонительную войну. И непосредственно выразило свой протест, когда нота Милюкова показала иное — продолжение империалистической политики.

(39) — **Речь в защиту резолюции о войне 10/V на Всероссийской апрельской конференции в 1917 г.** *XIV т., ч. II, стр. 428—439.* *XX т., стр. 258—267.*

(39-а) — **Резолюция о войне**, принятая на Всероссийской конференции РСФСР 24—29 апр. 1917 г. *XVI т., стр. 121—124.*

(40) — **Значение братания.** Напечатана в «Правде» 11/V—17 г. *XIV т., ч. I, стр. 130—132.* *XX т., стр. 311—313.*

(40-а) — **Революция в России и задачи рабочих всех стран.** Незаконченное обращение к рабочим. *XX, т., ч. II, стр. 88—91.*

(41) — **Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов.** Напечатано в «Солдатской Правде» № 19, 24/V—17 г. Первый всероссийский крестьянский съезд происходил в Петрограде с 17/V—11/VI. Съезд, проходивший под идейным влиянием правых с.-р., выразил полное доверие Временному правительству и по аграрному вопросу принял с.-р. резолюцию. Ленин, делегированный на съезд РСДРП(б), не мог присутствовать на съезде по болезни. Поэтому он послал съезду письмо, где разбирает разногласия большевиков с с-рами и меньшевиками по вопросам о земле, войне и переходе власти к советам. *XIV т., ч. I, стр. 153—156.* *XX т., стр. 350—353.*

(42) — **«Фактическое перемирие».** Напечатано в «Правде» № 52, 22/IV—17 г. Написано в связи с заявлением председателя Совета министров Львова о необходимости наступления и окончания «установившегося на фронте фактического перемирия». *XIV т., ч. I, стр. 181—183.* *XX т., стр. 354—356.*

(43) — **Какие заявления делала наша партия о войне перед революцией.** Напечатано в «Правде» № 56, 26/V—1917 г. *XIV т., ч. I, стр. 188—189.* *XX т., стр 369—370.*

(44) — **Сделка с капиталистами или низвержение капиталистов.** (Как кончить войну.) Напечатано в «Правде» № 65, 7/VI—17 г. Статья посвящена принятой 28/V Съездом крестьянских депутатов резолюции о войне, в которой провозглашался мир без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народностей *XIV т., ч. I, стр. 214—215.* *XX т., стр. 425—426.*

путем референдума. Эта резолюция расходилась с позицией «Известий» (орган Петроградского Совета) и «Дело Народа» (органа с.-р.), где лозунг «без аннексий» толковался, как сохранение «status quo». Отмечая правильное понимание Съездом крестьянских депутатов лозунга «без аннексий», Ленин указывает, что проведение его возможно только после революции.

(45) —— **Большевизм и «разложение армии».** Напечатана в «Правде» № 72, 16/IV—17 г. *XIV т., ч. I, стр. 238—241.* *XX т., стр. 459—471.*

(46) —— **О войне. (Речь на 1-м Всероссийском съезде советов Р. и С. депутатов).** Напечатана в «Правде» (№№ 95, 96, 97 — 13, 14, 15/VI). *XIV т., ч. I, стр. 307—319.* *XX т., стр. 489—499.*

(47) —— **Третьеиюньские зубры за немедленное наступление.** Напечатана в «Правде» № 74, 10/V—17 г. Одновременно со Съездом советов Р. и С. Д. собрались члены последней Государственной Думы под председательством Родзянко и вынесли резолюцию о необходимости немедленного наступления. Название «Третьеиюньской» — от закона 3/VI—1907 г., коим было изменено избирательное право в Государственную Думу в сторону значительного увеличения цензовой части в Гос. Думе. *XIV т., ч. I, стр. 243—245.* *XX т., стр. 500—501.*

(48) —— **Есть ли путь к справедливому миру.** Напечатана в «Правде» № 75, 20/IX—17. *XIV т., ч. I, стр. 245—246.* *XX т., стр. 503—504.*

(49) —— **Революция, наступление и наша партия.** Напечатана в «Правде» № 87, 4/VII—17. Статья написана в связи с начавшимся наступлением русской армии на Западном фронте. *XIV т., ч. I, стр. 279—281.* *XX т., стр. 550—551.*

(50) —— **Как же это сделать.** Напечатана в «Правде» № 95, 11/VII—17 г. Статья имеет в виду полемику в меньшевистской «Рабочей Газете» (между Череваниным и Ст. Ивановичем) о целях наступления. Ст. Иванович упрекал Череванина в том, что он соглашается с б-ками, что наступление ведется ради интересов империалистов, и в свою очередь рассматривает возможную победу при наступлении, как победу и над союзническим империализмом. *XIV т., ч. I, стр. 305—306.* *XX т., стр. 578—579.*

(51) —— **Задачи революции.** Напечатана в «Рабочем Пути» №№ 20 и 21 1917 г. Написано после Корниловского восстания. Отмечая рост недовольства среди рабочих, крестьян, рост оппозиции в партии с.-р. и меньшевиков, — Ленин ставит вопрос *XIV т., ч. II, стр. 125—133.* *XXI т., стр. 221—228.*

		о возможном «последнем» шансе «на мирное развитие революции», если Советы «смогут пойти дальше эс-эров и меньшевиков». Для этого Ленин, по его выражению, делает «опыт изложения такой программы» (имея в виду программу б-ков), чтобы с ней пойти в «низы» и поднять их для влияния на советы. Одна глава этой статьи — мир народам — излагает требования мира.	*XIV т., ч. II, стр. 147—173.*	*XXI т., стр. 295—318.*
(52)	——	**К пересмотру партийной программы.** Напечатано 6 октября 1917 г. в журнале «Просвещение» №№ 1 и 2. Статья была написана к предназначавшемуся 30 ноября съезду партии. Но съезд был отменен. Статья посвящена критике проекта программы, предлагаемой т. Сокольниковым (в статье назван С.), и, главным образом, общей части программы; критике предложений Бухарина и В. Смирнова об исключении программы-минимума; и в последней части — критике предложений Ю. Ларина, напечатанных в «Рабочем Пути».		
(53)	——	**Декрет о мире.** Написан Лениным и принят II Съездом советов 8 ноября (26 октября) 1917 года. В речи «О мире» (XV т., стр. 12—13) тов. Ленин дал обоснование тексту декрета.	*XV т., стр. 14—16.*	—
(54)	——	**Заключительное слово** (при обсуждении декрета о мире) на II Съезде советов произнесено 8 ноября (26 октября) 1917 г.	*XV т., стр. 16—19.*	—
(55)	——	**Речь о свободе печати.** Произнесена 4 ноября 1917 г. на заседании ВЦИК. В этот период еще выходили все до-октябрьские буржуазные газеты.	*XV т., стр. 25—26.*	—
(56)	——	**О генерале Духонине.** Речь эта произнесена Лениным на заседании ВЦИК 10 ноября 1917 г. Текст переговоров с ген. Духониным см. в XV т., стр. 30—34. Духонин исполнял обязанности главковерха. Предложение Совнаркома начать немедленно переговоры о перемирии Духонин не выполнил. В ставку был послан Н. Крыленко, который сместил и арестовал главковерха. Конвоировавшие Духонина солдаты убили его на вокзале в Могилеве.	*XV т., стр. 34—35.*	—
(57)	——	**Речь на Всероссийск. съезде военного флота.** Произнесена 22 ноября 1917 г.	*XV т., стр. 41—45.*	—
(58)	**1918 г.**	**Тезисы о мире.** Написаны 7 января 1918 г. и напечатаны впервые 24 февраля 1918 г. в № 34 «Правды». 8 января Ленин огласил их	*XV т., стр. 63—69.*	—

и поставил на обсуждение на частном совещании группы большевиков III Съезда советов. 9 января их обсудил ЦК. Тезисы не собрали большинства в ЦК. И вплоть до VII Съезда партии Ленину пришлось бороться за эти тезисы с группой левых коммунистов, стоявших против заключения мира и за объявление революционной войны. (См. подробнее приложенный к XV тому очерк «ЦК и РКП и Брестский мир», стр. 619—636.)

(30) —— **О революционной фразе.** Напечатано 21 февраля 1918 г. в № 31 «Правды». В этой статье т. Ленин анализирует и разоблачает ложно-революционный характер всех доводов, выставляемых против Ленина «левыми коммунистами» и Троцким на протяжении всего этапа борьбы перед VII Съездом (с момента написания Лениным «Тезисов о мире» — 7 января 1918 г.). *XV т., стр. 100—103.* —

(31) —— **Речь на заседании ЦИК.** Произнесена 23 февраля 1918 г. и посвящена вопросу о мире с Германией. *XX т., ч. II, стр. 215—218.* —

(32) —— **Странное и чудовищное.** Напечатана 28 февраля 1918 г. в № 37 «Правды». 24 февраля 1918 г. Московское Областное Бюро вынесло резолюцию недоверия ЦК за его политику в вопросе о заключении мира с Австрией и Германией. Текст резолюции Областн. Бюро — см. т. XV, стр. 109 (в подстрочн. примечании). *XV т., стр. 109—116.* —

(33) —— **Доклад по вопросу о Брестском мире и заключительное слово по докладу.** Доклад был сделан 7 марта 1918 г. на VII Съезде РКП. Заключительное слово — 8 марта 1918 г. На VII Съезде закончилась затянувшаяся борьба за ленинскую тактику передышки с левыми коммунистами (см. XV т., стр. 619—636). На VII Съезде большинство 28 голосов против 12 договор с Германией и Австрией был одобрен. *XV т., стр. 123—147.* —

(34) —— **Доклад об изменении партийной программы и названия партии.** Доклад сделан 8 марта 1918 г. на VII Съезде РКП. Вопрос об изменении названия партии был впервые поставлен Лениным в его тезисах 4 апреля 1917 г. и подвергался обсуждению на апрельской конференции 1917 г. VII Съезд принял решение об изменении прежнего названия партии РСДРП(б) на новое — РКП(б). По вопросу об *XV т., стр. 136—151.* —

изменении программы Ленин развил основные мысли, нашедшие уже свое освещение в брошюре «К пересмотру партийной программы» (см. XIV т., ч. 2, стр. 147). VII Съезд не обсуждал этого вопроса и отложил его. VIII Съезд принял новый текст программы.

(64) — **Резолюция Съезда о Брестском договоре.** Принята IV чрезвычайным Съездом советов 15 марта 1918 г. Резолюция ратифицирует (утверждает) мирный договор, заключенный советской делегацией в Брест-Литовске с Германией и Австрией 3 марта 1918 г. До принятия решения Съездом значительное большинство коммунистической фракции присоединились к ленинской точке зрения. Против заключения мира голосовало из 795 чел.— меньше $^1/_{10}$. Съезд утвердил договор большинством голосов 784 против 261 и при 115 воздержавшихся. Среди последних — 64 «левых коммуниста». *XV т., стр. 183—184.* —

(65) — **Доклад об очередных задачах советской власти.** Доклад сделан на заседании ВЦИК 29 апреля. *XV т., стр. 225—244.* —

(66) — **О «левом» ребячестве и мелко-буржуазности.** Написана 5 мая 1918 г., напечатана 9—10 мая 1918 года в №№ 84—86 «Правды». Ленин подвергает критическому анализу «тезисы о текущем моменте», напечатанные 20 апреля 1918 г. в № 1 «Коммуниста» левыми коммунистами. В этих «Тезисах» из 15 пунктов — 6 посвящены вопросу о Брестском мире и тактике передышки. До напечатания «Тезисы» подверглись обсуждению на собраниях «левых коммунистов» и сторонников линии ЦК. Впоследствии значительную часть своей статьи Ленин цитирует в брошюре «О продовольственном налоге» (1921 г.). *XV т., стр[1] 233—258.* —

(67) — **О международном положении.** Речь произнесена 14 мая 1918 г. на заседании ВЦИК и Московского Совета. В речи дается оценка первых результатов передышки. *XV т., стр. 287—297.* —

(68) — **Борьба за хлеб.** Речь произнесена 4 июня 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК и Моссовета. *XV т., стр 310—325.* —

(69) — **Заключительное слово** (на объединенном заседании ВЦИК и Моссовета, состоявшемся 4 июня 1918 г.). *XV т., стр. 326—328.* —

(69-а) — **Доклад о текущем моменте.** Доклад, зачитанный на IV Конференции фабзавкомов и профсоюзов Москвы. 27/VI—2V/II—18 г. *XV т., стр 305—320.*

(70) ———	**Пророческие слова.** Написано 29/VI и напечатано 2 июля 1918 г., в № 133 «Правды».	*XV т., стр. 359—364.*	—
(71) ———	**Письмо к американским рабочим.** Написано 20 августа 1918 года и издано в том же году отдельной брошюрой.	*XV т., стр. 403—415.*	—
(72) ———	**Пролетарская революция и ренегат Каутский.** Написано в сентябре—октябре 1918 г. и издано отдельной брошюрой в том же году. Брошюра является разоблачением оппортунизма Каутского, выпустившего в Вене брошюру «Диктатура пролетариата». Эта брошюра, как Ленин и указывает в своем предисловии, является окончательным разоблачением Каутского в ренегатстве, о чем до октябрьской революции Ленин излагал в целом ряде трудов, основные из которых: статьи в сборнике «Против течения», «Империализм, как новейший этап капитализма» и «Государство и Революция».	*XV т., стр. 443—531.*	—
(72-а) ———	**О международной революции.**	*т. XV, стр. 508—519.*	
(73) **1919 г.**	**О профессиональных союзах.** Речь на II Всероссийском съезде профсоюзов, произнесенная 20 января 1919 г.	*XVI т., стр. 12—25.*	—
(74) ———	**Тезисы к докладу о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.** Являются тезисами доклада на I Конгрессе Коммунистического Интернационала, происходившем 2—6 марта 1919 г. в Москве. Доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата был сделан 4 марта 1919 г.	*XVI т., стр. 36—52.*	—
(75) ———	**О задачах III Интернационала.** (Рамсей Макдональд о III Интернационале). Написано 14 июля, напечатано в № 4 журнале «Коммунистический Интернационал». Статья является ответом на статью «III Интернационал» Р. Макдональда — лидера рабочей партии Англии.	*XVI т., стр. 267—283.*	—
(76) ———	**Как буржуазия использует ренегатов.** Написана 30 сентября; тогда же напечатана в № 5 «Коммунистического Интернационала». Статья является ответом на книгу Каутского «Терроризм и коммунизм», выпущенную в сентябре 1919 г.	*XVI т., стр. 319—330.*	—
(77) **1920 г.**	**Речь на I Всероссийском съезде трудовых казаков.** Речь произнесена 1 марта 1920 г. и напечатана в «Правде» (2—4 марта 1920 г.).	*XVII т., стр. 22—39.*	*XX т., стр. 47—62.*
(78) ———	**Годовщина Коммунистического Интернационала.** Речь произнесена 6 марта 1920 г. на торжественном заседании Московского совета, по-	*XVII т., стр. 39—46.*	*XXV т., стр. 71—77.*

		священном годовщине III Интернационала. Напечатана 11 мая в № 10 «Коммунистического Интернационала».		
(70)	———	**Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала.** Доклад прочитан 19 июля на II Конгрессе Коммунистического Интернационала. Конгресс открылся 19 июля в Петрограде, а затем продолжался в Москве.	*XVII т., стр. 253—269.*	*XXV т., стр. 331—346.*
(71)	———	**О международном положении.** Речь произнесена 2 октября 1920 г. на съезде рабочих и служащих кожевенного производства, происходившем 2—6 октября 1920 г. в Москве.	*XVII т., стр. 1, 329—341.*	*XXV т., стр. 398—408.*
(72)	———	**Речь на торжественном заседании пленума Моссовета Р. К. и Кр. Д., МК РКП(б) и МГСПС, посвященном 3-й годовщине Октябрьской революции.** Речь произнесена 6 ноября 1920 г.	*XX т., ч. II, стр. 429—433.*	*XXV т., стр. 473—477.*
(73)	———	**О концессиях.** Речь от 26 ноября 1920 г. на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б). Собрание происходило на другой день после объявления декрета о концессиях.	*XVII т., стр. 382—399.*	*XXV т., стр. 493—513.*
(74)	———	**Доклад Совета народных комиссаров и заключительное слово по докладу.** Доклад и заключительное слово по нему был сделан на VIII Всероссийском съезде советов, происходившем в Москве, 22—29 декабря 1920 г. Съезд работал в обстановке начатых переговоров о мире с Польшей и окончательной ликвидации фронта против Врангеля.	*XVII т., стр. 403—404. и 430—432.*	—
(75)	1921 г.	**Тезисы о тактике РКП и тактике Российской коммунистической партии.** Доклад о тактике РКП (5 июля 1921 г.) и тезисы к нему (утв. 12 июля) были представлены Лениным III Конгрессу Коминтерна, происходившему в Москве 22 июня—12 июля 1921 г.	*XVIII т., ч. I, стр. 311—320.*	—
(76)	———	**Доклад на IX Всероссийском съезде советов** (23 декабря 1921 г.).	*XVIII т., ч. I, стр. 421—452.*	—
(77)	———	**Речь на IV Всероссийском съезде работников швейной промышленности.** Речь эта произнесена 6 февраля 1921 г.	*XX т., ч. II, стр. 453—459.*	—
(78)	1922 г.	**Речь на заседании фракции Всероссийского съезда металлистов.** Заседание происходило 6 марта 1922 г.	*XVIII т., ч. II, стр. 5—17.*	—
(79)	———	**Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге.** Написаны	*XX т., ч. II, стр. 529—533.*	—

в связи с поездкой нашей делегации в Гаагу (1922 г.), где должна была состояться Конференция по вопросу о войне и разоружению. Гаагская конференция явилась продолжением Генуэзской конференции, происходившей в том же 1922 году.

(89) **1923 г. Лучше меньше, да лучше.** Одна из последних статей Ленина. Напечатана в «Правде (№ 49) 4 марта 1923 г. *XVIII т., ч. II, стр. 125—139.* —

(90) **1917 г. Война и революция.** Напечатана впервые в газ. «Правда» 1929 г. 23/IV; № 93 (4227). Запись лекции, произнесенной Лениным в одном из петроградских районов 27/V 1917 г. —

1 Р. 65 К.